

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

**РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

*Основан в июле 2004 года
Выходит 6 раз в год*

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

*В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
И. В. ЛЕДНЕВ, ответственный
секретарь*

АДРЕС РЕДАКЦИИ

*620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru*

*Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.*

*Использование материалов возможно то-
лько с письменного согласия редакции*

*Фотографии, использованные в номере, пре-
доставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий*

*Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Грибанов Д. В., Соловьёва А. А.** Право как
«онтологическая абстракция порядка»
(в контексте научных трудов С. С. Алексеева
и М. К. Мамардашвили) 4

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Мурзин Д. В.** Генетический материал
как объект гражданских прав: вещь
или информация? 11

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

- Родионов А. О.** Необходимость прямого
судебного нормоконтроля в трудовом праве 19
- Трутаева А. В.**
Беременность как юридический факт
в праве социального обеспечения 25

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- Нечаев А. И., Чудиновская Н. А.,
Ярков В. В.** Особенности рассмотрения дел
о сносе самовольных построек в свете
постановления Пленума Верховного Суда РФ
от 12 декабря 2023 г. № 44 36
- Тряпочкин Н. А.** К. И. Комиссаров.
Признанный, но не бесспорный факт 45
- Манин М. Л.** Проведение судебно-
медицинской экспертизы в судебных спорах
в сфере оказания медицинских услуг:
проблемы и варианты их решения 52

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, Е. И. Носырева, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажиев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чиботарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Сманалиев К. М., Отонбаева Р. А. Выведение детей, вступивших в конфликт с законом, из системы уголовного судопроизводства 59

Слифиш М. В. Особенности правового регулирования процессуального статуса органов дознания: размышления над статьей И. С. Дикарева «Аномалии правового положения органов дознания» 67

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Биюшкина Н. И., Пыпина Г. С. Об определении понятий «неправосудное решение», «неправомерное решение» и «правосудие» 79

Калистратова Н. С., Кушнарев А. С. Сравнительно-правовой анализ положения органов прокуратуры в Российской Федерации и Китайской Народной Республике 88

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Югова М. А., Павлова С. В. Развитие метакогнитивных навыков у студентов юридических вузов 94

**К 30-ЛЕТИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Бабушкина Л. В., Саликов М. С., Серкова Ю. И. Законодательная власть субъектов Российской Федерации: 30 лет региональному парламентаризму в России 104

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

- Gribanov D. V., Solovyova A. A.** Law as an «Ontological Abstraction of Order»
(In the Context of S. S. Alexeev and M. K. Mamardashvili Writings) 4

CIVIL LAW

- Murzin D. V.** Genetic Material as an Object of Civil Rights:
Thing or Information? 11

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

- Rodionov A. O.** The Need for Direct Judicial Review in Labor Law 19
Trutaeva A. V. Pregnancy as a Legal Fact in Social Security Law 25

CIVIL PROCEDURE

- Nechaev A. I., Chudinovskaya N. A., Yarkov V. V.** Specific Features
of Consideration of Cases on Demolition of Unauthorized Structures in the Light
of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 44
of December 12, 2023 36
Tryapochkin N. A. K. I. Komissarov. Admitted but not an Indisputable Fact 45
Mann M. L. Conducting Forensic Medical Examination in Litigation
in the Field of Medical Services: Problems and Possible Solutions 52

CRIMINAL PROCEDURE

- Smanaliev K. M., Otonbaeva R. A.** Removing Children in Conflict
with the Law from the Criminal Justice System 59
Slifish M. V. Peculiarities of Legal Regulation of the Procedural Status
of Bodies of Inquiry: Reflections on I. S. Dikarev's Article
«Anomalies of the Legal Status of Bodies of Inquiry» 67

LAW ENFORCEMENT AGENCIES

- Buyishkina N. I., Pypina G. S.** On the Issue of Defining the Concepts
of «Unjust Decision», «Unlawful Decision» and «Justice» 79
Kalistratova N. S., Kushnarev A. S. Comparative Legal Analysis
of the Prosecution Service Situation in the Russian Federation
and the People's Republic of China 88

LEGAL EDUCATION

- Yugova M. A., Pavlova S. V.** Developing Law Students' Metacognitive Skills 94

30TH ANNIVERSARY OF THE LEGISLATIVE POWER IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

- Babushkina L. V., Salikov M. S., Serkova Yu. I.** Legislative Power
of the Subjects of the Russian Federation: Thirty Years
of Regional Parliamentarism in Russia 104

Д. В. Грибанов, А. А. Соловьёва
Уральский государственный юридический
университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

**ПРАВО КАК «ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ ПОРЯДКА»
(В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ
С. С. АЛЕКСЕЕВА И М. К. МАМАРДАШВИЛИ)**

Авторы анализируют тексты выдающихся деятелей юридической науки – С. С. Алексева – и философской мысли – М. К. Мамардашвили – и на основе этого пытаются выявить возможные точки пересечения в исследовании особенностей социального регулирования. Речь идет о конкретном высказывании С. С. Алексева, в котором он, ссылаясь на работу М. К. Мамардашвили, предлагает рассматривать право в качестве «онтологической абстракции порядка». Учитывая различия в применяемых философской и юридической науками методах, авторы статьи последовательно ставят и решают три вопроса, проецируя их сначала на плоскость философии (цитируя М. К. Мамардашвили), а затем – на плоскость права (цитируя С. С. Алексева). Первый вопрос: что означает «онтологическая абстракция порядка»? Второй: что понимается под абстракцией в «онтологической абстракции порядка»? Третий: что такое «самовоспроизводимый порядок» применительно к «онтологической абстракции порядка»?

Делается вывод о том, что комплексный подход к освоению юридической действительности дает возможность рассматривать научную проблему «право как нормативная система» под разными углами зрения. Это расширяет представления о самом предмете исследования, делает его понимание более глубоким, а также позволяет пролить свет на некоторые аспекты творчества С. С. Алексева и М. К. Мамардашвили.

Ключевые слова: философия права, право, нормативность, социальное регулирование, правовое регулирование, правовая норма, законодательство

Для цитирования

Грибанов Д. В., Соловьёва А. А. Право как «онтологическая абстракция порядка» (в контексте научных трудов С. С. Алексева и М. К. Мамардашвили) // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 4–10. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-4-10.

УДК 340.112

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-4-10

В «Восхождении к праву» С. С. Алексева высказал одну мысль, которая всегда казалась не просто интересной, но загадочной и интригующей. Сам автор назвал ее «конструктивной идеей», «достойной обстоятельной проработки» [Алексеев 2010b: 53], а в работе «Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования» – даже «интересным поворотом мысли» и «поводом для размышления» [Алексеев 1999: 317]. Нельзя ли посчитать ее также поводом провести небольшое исследование, тем более, как отмечал сам автор, «...препятствий

для этого, на мой взгляд, нет» [Алексеев 2010b: 53]?

Речь идет вот об этом абзаце: «Интересную трактовку воспроизводства в социальной сфере дает М. К. Мамардашвили. Он полагает, что, по Канту, например, вся проблема просвещения есть проблема „самоподдержания разума“. И сразу поясняет – „самоподдержания онтологических абстракций порядка. И в этом смысле истина не есть проблема соответствия или адекватности (что относится к знанию, к знаково-логическим структурам знания), но проблема воспроиз-

водства, или самоподдержания, некоторого порядка“. Нет ли оснований с подобных же позиций рассматривать также и право? Если подобные основания существуют... то право с таких позиций предстает в качестве онтологической абстракции порядка» [Алексеев 2010b: 53]. Следует отметить, что С. С. Алексеев неоднократно анализировал выводы М. К. Мамардашвили, называя его «замечательным философом нашего времени» [Алексеев 2010a: 213].

Понимание права как «онтологической абстракции порядка» ставит ряд вопросов, на большинство из которых, думается, ответил сам С. С. Алексеев, хотя, возможно, и не на все. С этим и связано утверждение о необходимости «тщательной проверки» и «научной отработки» как самой идеи признания за правом значения «механизма воспроизводства данного социального строя», «так и выводов теоретического и практического порядка, из нее вытекающих (в том числе определение социальной ценности права, стратегии законодательства)» [Алексеев 2010b: 52]. И хотя такие изыскания в нашем случае действительно чаще всего «не создают новые смыслы, а только их поверхностно множат» [Малинова 1995: 41], самостоятельный интерес представляет обращение к текстам, над которыми, возможно, размышлял С. С. Алексеев.

С точки зрения методологии, строго говоря, само построение настоящей статьи и необходимость «держаться перед собой» две ортогонально расположенных друг к другу плоскости, философскую и юридическую, проецируя на них представления, которые только на первый взгляд кажутся сходными, – могут вызвать непонимание и, действительно, весьма уязвимы для критики. Однако радикальные изменения, происходящие в науке, в том числе в юридической, с последней трети XX в. [Хабриева, Черногор 2020: 74], новый тип научной рациональности – постнеклассическая наука – ориентируют исследователей на освоение сложных, саморазвивающихся систем, открытых к окружающей среде. Эти системы занимают доминирующее положение среди объектов изучения и практического освоения [Стёпин 2018: 24].

Сегодня, «чтобы понять науку, приходится отодвинуть на второй план когда-то фундаментально важные для нее понятия, а сосредоточить внимание на формирующемся

у нас на глазах новом поле исследования» [Маркова 2013: 166]. Именно эта современная гибкость философского и юридического познания, понимание права и юридической науки как сложных, но открытых систем, а также неподдельный интерес к творческому наследию великих деятелей юридической науки – С. С. Алексеева – и философии – М. К. Мамардашвили – объясняют выбранный авторами подход.

Итак, в связи с изложенным предлагаем поискать ответы на три вопроса, вызванных идеей понимания права как онтологической абстракции порядка, и проецировать их сначала на плоскость философии (цитируя М. К. Мамардашвили), а затем – на плоскость права (цитируя С. С. Алексеева).

Первый вопрос: что означает «онтологическая абстракция порядка»?

Отвечая на этот вопрос, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Содержание самого понятия «онтологический», предмет онтологии для целей настоящего исследования должны толковаться наиболее широко: и как «все универсальные определенности бытия, находящегося за границами человеческого сознания», и как «определенности, общие явлениям как объективного, так и субъективного мира (и там, и там есть свойства, отношения, необходимости, случайности и т. п.)» [Левин 2007: 23].

Именно такой подход позволяет говорить об онтологических категориях и наиболее согласуется со следующим пояснением М. К. Мамардашвили: «Мы обычно применяем слово „абстракция“ в гносеологическом смысле слова – а всякий закон есть продукты абстракции – и, гносеологически поняв абстракцию, относим ее к понятийным содержаниям нашего знания. Я же, говоря о существовании законов, применяю слово „абстракция“ в онтологическом смысле слова, что, конечно, очень странно. Попытаюсь это пояснить через пункт, который я хочу ввести. Я имею в виду не закон, а *существование* закона в смысле феноменологической абстракции, или феноменологического сдвига. То есть я предполагаю, что в нашей социальной, исторической жизни есть *реальная* абстракция закона, реальное абстрагирование порядков, которые отвлечены, или работают отвлеченно, или параллельно, или рядом с идущими натуральными

процессами. Это как бы подвешенные порядки, по отношению к которым не имеет значения то, что продолжает происходить рядом» [Мамардашвили 2019: 212–213]. И далее: «Я говорил, во-первых, что то, что мы называем историческими законами, – это некоторые абстракции порядка не в гносеологическом, а в онтологическом смысле слова, что узлы сети, узлы ткани – они сами упорядоченные объекты, порождающие, в свою очередь, структуриацию, или структурированные упорядоченные явления. Здесь это именно не абстракция, а они как бы отвлечены от всего остального, то есть все остальное по отношению к ним не имеет значения, хотя и продолжается» [Там же: 250].

Естественно, речь идет не о юридических законах, не о праве, а о неких общих социальных и исторических законах, но вот что уже о праве писал С. С. Алексеев: «И благодаря именно праву, рассматриваемому преимущественно (в развитых юридических структурах) в единстве с законом, достигается такое положение вещей, когда данная общественная система, не меняя своих качеств и особенностей, „крутится“ и „крутится“ в заданном режиме своего информационно-организационного построения». При этом указанная особенность права «имеет как стабилизирующее, так и консервативное (и не только в строго научном смысле) значение»: «позволяет не только сохранять в жизни людей устойчивые, проверенные жизнью, твердые начала, но и, увы, „увековечивать“ отжившие или изначально неразумные порядки и режимы, становится труднопреодолимой преградой на пути прогрессивного развития общества» [Алексеев 2010b: 52].

Второй вопрос: что понимается под абстракцией в «онтологической абстракции порядка»?

М. К. Мамардашвили рассуждал так: «Следовательно, это не абстракция по отношению к миру, который рассматривается как спектакль (вот взял предмет и мысленно абстрагировал от него какое-то свойство), а я имею в виду феноменологический план существования – существование абстрагируемых порядков, и, конечно, абстрагирование порядков не есть нечто статичное, а есть нечто динамичное, то есть я приписываю динамический характер самим законам, а не их содержанию. Формулировка самого закона

может относиться не к динамическим зависимостям, динамично само существование закона и то структурирующее, или упорядочивающее, действие, которое закон своим существованием производит на свою среду, то есть на среду, от которой закон отвлечен. И поэтому все эмпирические явления могут рассматриваться уже как произведенные законом. Те мысли, которые у нас рождаются в силу того, что мы установились в отвлеченном, онтологически абстрагированном существовании порядка, будут другие, нежели те, которые породились бы стихийным ходом вещей. Это будут эмпирические явления, порождаемые законом» [Мамардашвили 2019: 214].

С. С. Алексеев писал об абстрактном характере права так: «Значение „абстракций“ в сфере юридической материи замечено уже давно. Но опять-таки... они трактовались и по большей части трактуются до сих пор всего лишь в качестве элемента одной лишь „юридической техники“, имеющей в основном значение в законоподготовительных работах, при формулировании юридических норм в текстах законов („абстрактный“ и „казуистический“ способы изложения правового материала. Между тем нормативные обобщения („абстрактный способ изложения“) – это не нечто внешнее к правовому материалу, а... само содержание позитивного права, существенная сторона его организации, касающаяся к тому же позитивного права на весьма высоких стадиях его развития» [Алексеев 2010b: 216].

Третий вопрос: что такое «самовоспроизводимый порядок» применительно к «онтологической абстракции порядка»?

С позиции М. К. Мамардашвили, «следующей чертой закона законов является то, что исторические законы обладают определенным парадоксальным свойством, а именно таким, что закон описывает в своих законоподобных терминах то состояние дел, которое он и производит, то есть законы не есть описание какого-то и еще другого предмета или заключенного в мире спектакля. Мы имеем дело, повторяю, с такими законами, которые сами описывают то состояние дел, которое они и производят своим действием или существованием. Тем самым они и неизменны, потому что я само производимое описываю в терминах закона, и поэтому в рамках этого описания я по определению не

могу ставить вопрос, откуда произошли сами термины, составляющие закон. Они вечны и неизменны, то есть их нельзя сделать не бывшими, их нельзя изменить или перестроить мышлением» [Мамардашвили 2019: 219–220]. Также М. К. Мамардашвили указывал, что «исторические законы есть генеративные, или порождающие, законы, и мы должны их вводить, потому что иначе мы не можем объяснить появление определенных явлений в мире, потому что мы видим, что для них как таковых нет никаких оснований» [Там же: 214].

В то же время С. С. Алексеев писал о праве как об особом механизме в социальной системе, призванном «реализовать и поддерживать устойчивость и непрерывность функционирования в заданных параметрах общества» [Алексеев 2010b: 51]: «Ведь свойства права – его всеобщность, общеобязательная нормативность, способность строго фиксировать по содержанию возможное и должное поведение людей, а также способность наиболее мощно, силой государственного принуждения обеспечивать такое поведение – как бы специально приспособлены для того, чтобы сложившиеся в обществе отношения надежно сохранились такими, „как они есть“ (а если и совершенствовались, развивались, то только в контексте такой „данности“). И чтобы они в стабильном и устойчивом виде функционировали непрерывно во времени, всегда, „вечно“... Но в человеческой культуре нет иного инструмента, кроме права, который бы обеспечивал это воспроизводство не только с информационно-организационной стороны, но и на всеобщей, твердой, постоянной, непрерывно функционирующей основе...» [Там же: 52–53].

Рассмотренные вопросы тем не менее не исчерпывают весь спектр выявленных С. С. Алексеевым проблем в исследуемой сфере. Возникают еще как минимум два взаимосвязанных вопроса.

Первый – вопрос о связи исторических и социальных законов (в том числе «закона законов») в терминологии М. К. Мамардашвили и права, рассматриваемого, по выражению С. С. Алексеева, «в единстве с законом» [Алексеев 2010b: 52] в юридическом смысле. Он тесно связан с давно обсуждаемой в теории государства и права более широкой проблемой правового регулирования и соци-

альной организации, социальных отношений и правоотношений.

Второй вопрос связан с проблемой, которую условно можно назвать эволюцией права: если все «вечно», «неизменно», «непрерывно во времени», «постоянно», «циклично», «подчинено кругообороту», «крутится» и «крутится», есть ли здесь место эволюции, развитию, изменению, и какие механизмы в праве или вне права обеспечивают этот процесс? Или, если ответ отрицательный, просто одна система погибает, и возникает новая, то какому механизму подчиняется этот процесс?

О зависимости права от «глубоких природно-социальных основ жизнедеятельности людей» С. С. Алексеев писал: «Существует еще одна сторона уточняющей характеристики права как нормативной системы, его функции по воспроизводству социальной системы. Позитивное право – это не только... „выражение“ глубоких природно-социальных основ жизнедеятельности людей.

С. С. Алексеев писал о праве как об особом механизме в социальной системе, призванном «реализовать и поддерживать устойчивость и непрерывность функционирования в заданных параметрах общества»

Оно во многом потому „и есть“ такого рода выражение, что призвано утверждать эти основы в обществе, т. е. обеспечивать реализацию принципов цикличности, кругооборота отношений и процессов, их непрерывного постоянства во всем общественном организме, притом в условиях разумной теоретической деятельности индивидов. Реализации той объективной потребности, в ответ на которую во многом и сложилось позитивное право с рядом уникальных свойств, выраженных во всеобщности, общеобязательной нормативности, возможности строгой определенности по содержанию, высокой обеспеченности, государственной гарантированности» [Алексеев 2010b: 53–54].

По мнению С. С. Алексеева, для эволюции права общественная система должна пережить изменение «своих качеств и особенностей», т. е. должен измениться режим ее информационно-организационного построения [Там же: 52].

А вот что М. К. Мамардашвили писал о праве: «Здесь мы имеем дело с такими органами, которые являются в то же время искусственными изобретениями (они природой не рождаются). Это неприродные, или, если угодно, искусственные органы, расширяющие набор органов, который дан нам природой. Такие общности, или такие социальные формы, которые называются правом, моралью, искусством, наукой, государственностью, – все это органы, или артефакты, и имеют изобретенное, или искусственное, происхождение» [Мамардашвили 2019: 151]. Можно предположить, что именно их Мераб Константинович называл носителями «когерирующих лучей, импульсов, линий когеренции... это структуры, способные дальше внутри себя генерировать структурные состояния (структурные состояния, генерируемые структурами)» [Там же: 259]. Сами исторические законы он характеризовал следующим образом:

1) те явления, между которыми закон «устанавливает связь, приведены к некоему однородному и простому виду» (закон «без гомогенности объединяемых явлений не имеет смысла» [Там же: 218]);

2) законы, «случившись, вечны и неизменны» («в том числе потому, что закон описывает то состояние дел, которое он сам же порождает своим существованием и действием» [Там же: 220]);

3) законы имеют дело «с простыми объектами», к ним «неприложимо логическое отношение, называемое „состоит из“, когда есть некоторые дистинктные объекты, которые состоят из дистинктных же частей» [Там же: 256], они не «состоят из» («когда мы руководствуемся единицей рационального действия, мы разрушаем любую возможность понимания социально-исторических процессов» [Там же: 245]);

4) с историческими законами «мы находимся в сфере *соответствий* (не причинных связей, а гармонических соответствий) почти что в символическом смысле (то есть в символической теории литературы и в поэзии имевшемся) – в смысле *correspondance*» [Там же: 248];

5) и главное: под законом законов «я понимаю фактически систему отсчета так, как она может определяться в социально-историческом мышлении» [Там же: 246].

На наш взгляд, особого внимания заслуживает следующий тезис М. К. Мамардаш-

вили: «Тем самым законы, исторические законы (я их беру просто со стороны свойств, которые всем им присущи) есть одновременно и исток в философском смысле, начало вещей, начало мышления (закон ведь порождает состояния), и принцип мышления. И исток, и принцип, повторяю, – закон порождает то состояние вещей, которое он же описывает. Значит, он исток, начало и принцип – принцип мышления» [Там же: 221]. Таким образом, в очередной раз мы приходим к тезису о «решающей роли навыка теоретического мышления в перестройке культурной парадигмы» [Петров 1987: 101].

Подводя итог, можно подчеркнуть, что С. С. Алексеев видел в праве «социальное образование, обеспечивающее такую непрерывную динамику функционирования общества, при которой достигается постоянное и стабильное воспроизводство и, следовательно, сохранение и утверждение (своего рода „увековечение“) выраженных в праве социальных ценностей, условий и механизмов функционирования общества» [Алексеев 2010b: 50]. Именно это М. К. Мамардашвили называл парадоксом, «который особенно часто выступает в социальных исследованиях», и одновременно «чудом» и «началом философского удивления»: «Чудом является пребывание, дление порядка. Причем оно осуществляется на довольно больших пространственных и временных расстояниях. Каким образом? Каким образом происходит согласование в однородных точках пространства и времени, такое согласование, которое вовсе не гарантировано никаким само собой идущим, естественным ходом событий? Скорее, наоборот, естественным ходом событий гарантирован распад» [Мамардашвили 2019: 257].

Можно сделать вывод о том, что юридические и философские исследования, используя различные методы, тем не менее имеют некоторые точки соприкосновения или линии пересечения. Эта взаимосвязь во многом условна: научные проблемы как будто проецируются на ортогональные плоскости – философскую и юридическую. В то же время ее можно считать контекстуальной: философские идеи являются своего рода контекстом для юридических, а юридические соответственно – для философских. Комплексный подход к освоению юридической действительности дает возможность рассматривать научную проблему с разных сторон. Это бе-

зусловно расширяет наши представления о самом предмете исследования – праве как нормативной системе, – делает его понимание более глубоким, а также позволяет пролить свет на некоторые аспекты творчества С. С. Алексеева и М. К. Мамардашвили.

Список литературы

- Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
- Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010а. Т. 4. 544 с.
- Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010б. Т. 6. 558 с.
- Левин Г. Д. Философские категории в современном дискурсе. М.: Логос, 2007. 224 с.
- Малинова И. П. Философия права (от метафизике к герменевтике). Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1995. 100 с.
- Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2019. 352 с.
- Маркова Л. А. Наука на грани с ненаукой. М.: Канон+, 2013. 336 с.
- Петров М. К. Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 100–109.
- Стёпин В. С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018. 28 с.
- Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М.: Рос. акад. наук; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; Инфра-М, 2020. 176 с.

Дмитрий Владимирович Грибанов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права им. С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: dvgribanov@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-7416-1745

Алина Антоновна Соловьёва – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права им. С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: araukaria@yandex.ru.

ORCID: 0009-0000-5122-5777

Law as an «Ontological Abstraction of Order» (In the Context of S. S. Alexeev and M. K. Mamardashvili Writings)

The authors analyze the texts of prominent figures in legal science – S. S. Alexeev – and in philosophical thought – M. K. Mamardashvili. An attempt is made to identify possible points of intersection in the study of the social regulation peculiarities. The subject matter is a specific statement by S. S. Alexeev, in which, referring to M. K. Mamardashvili, he proposes to consider law as an «ontological abstraction of order». Taking into account the differences in the methods used by legal science and philosophy, the authors of the research consistently pose and solve three questions, translating them first into philosophy (quoting M. K. Mamardashvili), and then into the law (quoting S. S. Alexeev). Firstly, what does «ontological abstraction of order» mean? Secondly, what does abstraction mean in the «ontological abstraction of order»? Thirdly, what is «self-reproducible order» in relation to «ontological abstraction of order»?

The paper concludes that an integrated approach to the development of legal reality makes it possible to consider the scientific problem of law as a normative system from different angles. This

expands the understanding of the subject of research itself, makes it deeper, and also allows shedding light on some aspects of S. S. Alekseev and M. K. Mamardashvili writings.

Keywords: philosophy of law, law, normativity, social regulation, legal regulation, legal norm, legislation

Recommended citation

Gribanov D. V., Solovyova A. A. Pravo kak «ontologicheskaya abstraktsiya poryadka» (v kontekste nauchnykh trudov S. S. Alekseeva i V. K. Mamardashvili) [Law as an «Ontological Abstraction of Order» (In the Context of S. S. Alexeev and M. K. Mamardashvili Writings)], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 4–10, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-4-10.

References

Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – Theory – Philosophy: The Experience of a Comprehensive Study], Moscow, Statut, 1999, 712 p.

Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 10 vols., Moscow, Statut, 2010b, vol. 6, 558 p.

Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 10 vols., Moscow, Statut, 2010a, vol. 4, 544 p.

Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. *Budushchee prava. Nasledie akademika V. S. Stepina i yuridicheskaya nauka* [The Future of Law. The Legacy of Academician V. S. Stepin and Legal Science], Moscow, Ros. akad. nauk; In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii; Infra-M, 2020, 176 p.

Levin G. D. *Filosofskie kategorii v sovremennom diskurse* [Philosophical Categories in Modern Discourse], Moscow, Logos, 2007, 224 p.

Malinova I. P. *Filosofiya prava (ot metafizike k germenentike)* [Philosophy of Law (from Metaphysics to Hermeneutics)], Ekaterinburg, Izd-vo UrGYuA, 1995, 100 p.

Mamardashvili M. *Vil'nyusskie leksii po sotsial'noi filosofii (Opyt fizicheskoi metafiziki)* [Vilnius Lectures on Social Philosophy (Experience of Physical Metaphysics)], Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019, 352 p.

Markova L. A. *Nauka na grani s nenaukoi* [Science on the Verge of Non-Science], Moscow, Kanon+, 2013, 336 p.

Petrov M. K. *Pentekontera. V pervom klasse evropeiskoi shkoly mysli* [Pentekontera. In the First Grade of the European School of Thought], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1987, no. 3, pp. 100–109.

Stepin V. S. *Sovremennye tsvivilizatsionnye krizisy i problema novykh strategii razvitiya* [Modern Civilizational Crises and the Problem of New Development Strategies], Moscow, 2018, 28 p.

Dmitry Gribanov – doctor of juridical sciences, professor, head of the Department of theory of state and law named after S. S. Alekseev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: dvgribanov@yandex.ru.
ORCID: 0000-0001-7416-1745

Alina Solovyova – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of theory of state and law named after S. S. Alekseev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: araukaria@yandex.ru.
ORCID: 0009-0000-5122-5777

Дата поступления в редакцию / Received: 28.06.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 22.07.2024

Д. В. Мурзин

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Уральский филиал Исследовательского центра частного права
им. С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
(Екатеринбург)

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ВЕЩЬ ИЛИ ИНФОРМАЦИЯ?*

Генетический материал как особый объект гражданских прав сочетает в себе материальную субстанцию и информационное содержание. Проанализированы определения понятия гена (генома), предлагаемые в российском законодательстве и юридической литературе, и сделан вывод о перспективности гражданско-правовой категории «генетическая информация». Возможность установления на эту информацию некоего права гражданско-правовой природы ставит вопрос о соотношении прав на генетический материал и генетическую информацию. Проанализированы традиционные для гражданского права объекты – вещи, которые выступают материальными носителями нематериальных объектов. Выявлены особенности генетического материала как вещи, в которой воплощена генетическая информация, становящаяся известной только после ее профессионального извлечения.

В результате проведенного исследования предложена модель установления правовых связей между существующими правами на генетический материал и возникающими правами на генетическую информацию. Это позволит однозначно решать вопрос о правообладателе – субъекте права на генетическую информацию – в разнообразных вариантах правоотношений по поводу генетического материала.

Ключевые слова: геном, гены, генетическая информация, генетический материал, объект гражданских прав, вещь, результат интеллектуальной деятельности, ценные бумаги

Для цитирования

Мурзин Д. В. Генетический материал как объект гражданских прав: вещь или информация? // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 11–18. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-11-18.

УДК 340

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-11-18

Введение

Повышенный интерес к генным и геномным технологиям, вторгающимся в нашу жизнь, ставит перед правовой наукой вопросы об определении правовой природы гена и генома. В самых общих чертах геном представляет собой совокупность генов как на-

следственной информации, заключенной в клетке организма; соответственно, ген – единица наследственной информации [Левушкин 2019а]. Более детальные определения этих понятий являются дискуссионными.

Так, А. А. Иванов указывает, что под геномом обычно понимается находящийся в отдельной клетке *живого тела* набор хромосом (генов) [Иванов 2024: 74], но из дефиниций, предусмотренных в ст. 1 Федерального закона от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», следует, что геномная информация извлекается не только из живого челове-

* Исследование выполнено за счет средств субсидии из федерального бюджета на реализацию научного проекта на тему «Выявление проблем правового регулирования в сфере использования генетической и геномной информации. Подготовка научно-обоснованных предложений по внесению изменений в систему российского законодательства с целью их устранения» (шифр темы: FEUW-2020-0005).

ка. Какой-либо вариант специально-научной дефиниции гена (генома), механически перенесенный в нормативные акты, сам по себе мало что дает для нужд правового регулирования отношений, связанных с геном¹.

Существует мнение о том, что геномная (генетическая) информация человека – это биометрические персональные данные [Малеина 2020: 56–57]. Указанную позицию разделяет и законодатель (п. 3 ст. 1 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»). В этом случае неизбежно встает вопрос о распространении на такую информацию режима тайны частной жизни [Берг, Голубцов 2020; Болтанова, Имекова 2019: 118]. Велик спектр мнений по поводу ограничений, связанных с использованием геномной (генетической) информации человека: высказываются мнения о необходимости установить общий запрет на ее обработку путем введения режима строго контролируемого использования [Рассолов, Чубукова 2020: 68], или вывести из легального оборота только «большие геномные данные» [Лисаченко 2022], или признать генетическую информацию самостоятельным видом персональных данных с ограниченным доступом [Тужилова-Орданская, Ахтямова 2021: 268].

Дискуссии о правовой квалификации гена (генома) как объекта гражданских прав

Признавая необходимость введения ограничений, следует заметить, что применение в качестве юридических инструментов одних только запретов и ограничений переводит правовое регулирование отношений, связанных с использованием генов (генома) человека, исключительно в публично-правовую плоскость. Такой подход кажется слишком узким. Следует согласиться с А. А. Ивановым, который пишет, что «понимание права на геном как естественного или конституционного права не позволяет распространить

на него гражданско-правовое регулирование, в частности правила о договорах, об ответственности» [Иванов 2024: 71].

В литературе можно встретить указание на то, что «гены и геном выступают особым объектом гражданских прав, который обладает специальным гражданско-правовым режимом в силу специфичности признаков исследуемых объектов» [Левушкин 2019b: 27]. Однако одной констатации этого факта недостаточно: если мы выделяем новый объект гражданских прав, то необходимо определить конкретное право, которое и будет очерчивать правовой режим этого объекта. С точки зрения правового регулирования предложение считать гены некой экзотической «не поименованной законодателем программой (природной с изменениями, внесенными человеком или нет)» [Мохов, Яворский 2018: 32] вряд ли можно признать исчерпывающим.

В связи с этим для юриспруденции в настоящее время принципиален вопрос о квалификации гена (генома) в качестве определенного объекта гражданских прав. По данному вопросу существует несколько позиций.

В литературе высказываются мнения в пользу того, что гены (геном) должны быть включены в число известных объектов гражданских прав. Например, предлагается приравнивать к материальным объектам гены как вещества (что открывает возможности для признания их изобретением в соответствии с п. 1 ст. 1350 ГК РФ) [Левушкин 2019a] или геном как объект вещных прав [Геном, человек, право 2021: 96]. Распространен поход, согласно которому гены (генетическая информация) рассматриваются как результаты интеллектуальной деятельности [Болтанова, Имекова 2019: 118; Мохов, Яворский 2018], что предполагает их квалификацию в качестве нематериальных объектов. Оригинальна концепция А. А. Иванова, который с цивилистических позиций рассматривает геном как естественный способ индивидуализации лиц и, соответственно, выделяет право человека на геном как специальное право, служащее для физической (телесной) индивидуализации человека по отношению ко всем остальным людям [Иванов 2024: 76, 79].

Чтобы разграничить публично-правовое и гражданско-правовое регулирование отношений, связанных в первую очередь с геномом

¹ См. примеры юридически неинформативных легальных дефиниций, перенесенных в нормативные акты из специальных словарей: «„ген“ (gene) – последовательность ДНК, кодирующая один или несколько белков» (решение Совета Евразийской экономической комиссии от 3 ноября 2016 г. № 77); «„геном человека“ – совокупность генетического материала организма человека, геном которого состоит из 23 пар ядерных хромосом и митохондриальной ДНК» (постановление Совета министров Союзного государства Беларуси и России от 12 мая 2016 г. № 12).

человека, Л. А. Новоселова и М. А. Кольздорф предложили обособить категории «генетические данные» и «генетическая информация». Последняя – гражданско-правовая – категория предполагает рассмотрение гена как информационной сущности, благодаря чему появляется возможность монополизировать эту информацию и установить исключительное право конкретного лица на выделенную из живого организма (в том числе из тела человека) или модифицированную последовательность изолированного гена (генов) или их элементы [Новоселова, Кольздорф 2020]. Данный подход представляется крайне перспективным, особенно если вспомнить идеи В. А. Дозорцева о неконфиденциальной информации как о самостоятельном объекте гражданских прав, правовой режим которой мог бы определяться как режим прав, основанных на сочетании ослабленных исключительных прав с обязательственными отношениями [Дозорцев 2003].

Информация, как в свое время определял ее А. П. Сергеев, это «идеальный компонент бытия, т. е. нематериальное благо, несводимое к тем физическим объектам, которые выступают ее носителями» [Гражданское право 2006: 276]. Таким образом, генетическая информация и ее материальный носитель разграничиваются.

Правовой режим генетического материала как носителя генетической информации

Вопрос о правовом режиме генов (генома) является дискуссионным, как и природа прав на эти объекты (особенно если учесть, что отношения по поводу генов не ограничиваются генами человека, но охватывают и гены других биологических организмов). В связи с этим было бы целесообразно в первую очередь определить правовой режим источника генетической (геномной) информации.

Согласно российскому законодательству биологический материал – это содержащие геномную информацию ткани и выделения человека или тела (останков) умершего человека (п. 2 ст. 1 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»). Если, по словам А. А. Иванова, «геном как часть тела человека – физический объект, не признаваемый имуществом» [Иванов 2024: 78], то биологический материал, если исходить из легальной дефиниции, без

сомнения есть объект материального мира. В то же время легальная дефиниция биологического материала является слишком узкой.

Для оперирования более широкой категорией целесообразно было бы разработать понятие «генетический материал». Например, можно предложить такое определение: генетический материал – это выделения, ткани, органы, отделенные от живого или неживого биологического организма (человека, животного, растения, микроорганизмов) для получения генетической или геномной информации. Указание на то, что генетический материал всегда отделен от живого организма, создает предпосылки для квалификации генетического материала как вещи (в соответствии со ст. 128 ГК РФ).

Вещь как объект гражданских прав в большинстве случаев ценна сама по себе ввиду возможности извлечь полезные свойства из предмета материального мира. В этом аспекте вещь не рассматривается как носитель информации. Признание генетического материала вещью (понятно, что движимой) означает, что на генетический материал допустимо устанавливать право собственности, а гражданский оборот генетического материала осуществляется с соблюдением правил об оборотоспособности объектов гражданских прав (ст. 129 ГК РФ). Как это бывает со всеми материальными объектами, гибель генетического материала означает и прекращение права собственности на него, а в обязательственных отношениях – трансформацию отношений по владению и пользованию генетическим материалом в отношения иного рода (например, прекращение обязательства или взыскание убытков).

Законодатель, учитывая указанные особенности, включая вредоносность генетического материала, может установить особые правила его оборота (хранения, перевозки и т. п.) и ограничения оборота. Право собственности на генетический материал возникает у субъекта, в установленном порядке изъявшего генетический материал в целях получения генетической и (или) геномной информации, с момента такого изъятия. *De lege ferenda* следует предусмотреть норму следующего содержания: «Если иное не установлено законом, иными нормативными актами и не вытекает из существа отношений, изъятие генетического материала у жи-

вого человека осуществляется с его согласия или с согласия его законных представителей, изъятие генетического материала у иного биологического организма – с согласия собственника (иного законного владельца) этого биологического организма».

Понятно, что потенциальная ценность генетического материала определяется содержащейся в нем генетической информацией. Генетический материал выступает материальным носителем информации. Двойственная природа генетического материала проявляется в сочетании материальной субстанции (вещи) и информационного содержания такой вещи.

Известные гражданскому праву варианты инкорпорации нематериального объекта

Настоящая ценность многих материальных объектов гражданских прав заключается в тех нематериальных объектах, которые инкорпорированы в материальный носитель. При этом различные варианты инкорпорации в носитель нематериального объекта образуют самостоятельные юридические конструкции.

Двойственная природа генетического материала проявляется в сочетании материальной субстанции (вещи) и информационного содержания такой вещи

1. Юридическая конструкция, которую можно обозначить как «Одна вещь – одно инкорпорированное право». Примером служат документарные ценные бумаги, для которых теория разработала конструкции «права на бумагу» (вещное по своей природе) и «права из бумаги» (обязательственные и иные права). При этом «право из бумаги» невозможно реализовать без материального носителя. С гибелью документарной ценной бумаги «право на бумагу» прекращается, но «право из бумаги» продолжает существовать, требуется только восстановить его в особом порядке (ст. 148 ГК РФ).

2. Юридическая конструкция, которую можно обозначить как «Множество вещей – одно инкорпорированное право». Здесь примером служат результаты интеллектуальной деятельности. Как известно, интеллектуаль-

ные права не зависят от права собственности и иных вещных прав на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности (ст. 1227 ГК РФ). С гибелью материального носителя интеллектуальные права, которые были в нем выражены, не прекращаются (даже если гибнет единственный материальный носитель – оригинал произведения). При гибели конкретного материального носителя использовать результат интеллектуальной деятельности невозможно, но если материальный носитель не уникален, приобретение нового материального носителя, в котором выражен тот же результат интеллектуальной деятельности, позволяет возобновить его использование.

Сходные отношения возникают в сфере пользования данными и программным обеспечением (которые не всегда являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности). Чтобы программное обеспечение можно было использовать, требуется его воплощение в материальном носителе¹, а значит, требуется наличие вещи с особой функцией носителя данных². С гибелью носителя данных прекращаются вещные права на сам носитель, что никак не влияет на существование права на программное обеспечение (какова бы ни была природа этого права).

Объединяет эти разнородные конструкции то, что в материальные носители инкорпорированы *уже существующие нематериальные объекты*. Потому и возможно восстановить права на нематериальные объекты («права из ценной бумаги») или восстановить доступ к нематериальным объектам (права на использование результата интеллектуальной деятельности, программного обеспечения).

Генетический материал – материальный носитель с неизвлеченной информацией

В ценных бумагах и в материальных носителях с результатами интеллектуальной

¹ Зарубежным правопорядкам известна следующая позиция: программное обеспечение должно быть охарактеризовано как нематериальное благо, которое может быть облечено в форму исключительно на носителе информации [Синицын 2016].

² В этом случае под носителем данных подразумеваются флешка, дискета, съемный диск, а объект охраны – данные, предоставляемые компьютерной программой с использованием компьютерного обеспечения [Синицын 2016].

деятельности и программного обеспечения воплощена заранее известная информация. В то же время существуют вещи-носители закрытой информации (пример – образец воды с сокрытой информацией о ее химическом составе), извлечение которой требует специальных навыков. Информация в подобных вещах до ее извлечения является неизвестной, сокрытый в вещи нематериальный объект юридически считается несуществующим, соответственно не существует и отдельного права на не извлеченную пока что информацию. Генетический материал относится именно к таким вещам, поэтому обладает определенными особенностями:

первоначально генетический материал существует только как вещь и в этом качестве выступает объектом гражданских прав (в первую очередь вещных);

генетический материал – носитель генетической информации, содержание которой до момента извлечения не определено;

после извлечения генетической информации появляется новый объект гражданских прав, генетический материал и извлеченная из него генетическая информация начинают достаточно автономное существование;

на извлеченную генетическую информацию (нематериальный объект) может быть установлено самостоятельное право, отличное от прав на генетический материал;

в случае гибели генетического материала вещные права на него прекращаются, сохраняется возможность использовать только генетическую информацию, извлеченную из генетического материала до его гибели.

Правовая связь генетического материала и генетической информации

Как связаны между собой права на материальный носитель и права на воплощенный в нем нематериальный объект (включая информацию)? Какой компонент (телесный или бестелесный) главенствует? Общего правила вывести не удастся, это зависит от предназначения материального носителя.

В конструкции «Одна вещь – одно инкорпорированное право» постулируется неразрывная связь нематериального объекта с уникальной вещью, а в конструкции «Множество вещей – одно инкорпорированное право», напротив, подчеркивается подчиненное положение материального носителя. Какую правовую модель следует разработать для генетического материала и извлеченной из него

генетической информации? С одной стороны, существует тесная связь между материальным носителем и заключенной в нем информацией (без материального носителя получить информацию невозможно). С другой стороны, уже извлеченная из материального носителя информация существует автономно от него.

Дополнительно необходимо учитывать, что в генетическом материале содержится разнообразная информация, которая даже из одного-единственного образца может извлекаться неоднократно (в зависимости от направлений исследований и от постоянно совершенствующихся технических возможностей и методов извлечения информации). Значит, из одного генетического материала может быть извлечена разная информация, которая охраняется обособленно (могут быть разные правообладатели информации, извлеченной из одного генетического материала, если переходов вещных прав на материал несколько). Кроме того, вполне допустима ситуация, когда одна и та же информация параллельно и независимо извлекается из разных образцов однотипного генетического материала.

Правовая связь между правом на генетический материал и правом на генетическую информацию могла бы быть смоделирована следующим образом:

1) правом на генетическую и (или) геномную информацию, извлеченную из генетического материала, обладает собственник генетического материала или законный владелец генетического материала, которому собственник передал генетический материал в целях извлечения из него генетической информации;

2) право на генетическую информацию, извлеченную из генетического материала, возникает при условии, что указанная информация отличается новизной по сравнению с генетической информацией, ранее извлеченной из этого или аналогичного генетического материала;

3) лицо, добросовестно и независимо от других правообладателей извлекшее генетическую информацию из генетического материала, приобретает самостоятельное право на эту информацию;

4) переход права собственности на генетический материал не влечет перехода к новому собственнику права на генетическую и геномную информацию, ранее извлеченную из этого генетического материала пред-

шествующим собственником и (или) иными законными владельцами.

Отдельной проблемой является получение из генетического материала (или посредством генетического материала) охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Очевидно, что права на патентуемые результаты интеллектуальной деятельности (селекционное достижение или изобретение), полученные собственником генетического материала, должны принадлежать собственнику этого материала. Другое дело, когда потенциально охраняемые результаты интеллектуальной деятельности получены пользователем, которому собственник предоставил генетический материал во временное владение с целью проведения исследований. Представляется, что в таком случае права на результаты интеллектуальной деятельности должны возникать у пользователя, а если при этом на базе предоставленного генетического материала будет создан новый образец генетического материала, то этот новый образец должен быть пере-

дан в собственность собственнику исходного генетического материала (соответственно с правом на извлечение из этого образца новой генетической информации).

Заключение

Определение генетического материала как вещи особого рода, потенциальная ценность которой обусловлена неизвестной генетической информацией, требующей извлечения, позволяет выделить новую разновидность объектов гражданских прав. Правовой режим генетического материала устанавливается исходя из этих особенностей, благодаря чему можно однозначно решить вопрос о правообладателе – субъекте права на генетическую информацию – в самых разных вариантах правоотношений по поводу генетического материала. Таким образом может быть достигнут баланс между интересами собственника генетического материала и интересами пользователей, проводящих исследования с этим генетическим материалом с целью извлечения из него генетической информации.

Список литературы

- Берг Л. Н., Голубцов В. Г. Направления правового воздействия в сфере геномных исследований: российский и международный опыт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 4. С. 638–649. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-638-649.
- Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lex Russica. 2019. № 6. С. 110–121. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.110-121.
- Геном, человек, право: проблемы теории и практики правового воздействия / под ред. Л. Н. Берг. М.: Юрлитинформ, 2021. 200 с.
- Гражданское право: учеб.: в 3 т. / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2006. Т. 1. 765 с.
- Дозорцев В. А. Понятие исключительного права // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. М.: Статут, 2003. С. 111–141.
- Иванов А. А. Право на геном и вопросы цивилистики // Закон. 2024. № 4. С. 71–79. DOI: 10.37239/0869-4400.2024.21.4.71-79.
- Левушкин А. Н. Гражданско-правовое регулирование геномных технологий и оборотоспособность генов как объектов гражданских прав // Гражданское право. 2019b. № 5. С. 26–29. DOI: 10.18572/2070-2140-2019-5-26-29.
- Левушкин А. Н. Гражданско-правовой режим генов как объектов гражданских прав // Lex Russica. 2019a. № 6. С. 100–109. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.100-109.
- Лисаченко А. В. Правовой режим «больших геномных данных»: за и против свободного обращения // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 140–151. DOI: 10.34076/20713797.2022.2.140-151.
- Малеина М. Н. Понятие и классификации геномной (генетической) информации // Lex Russica. 2020. № 7. С. 50–58. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.050-058.
- Мохов А. А., Яворский А. Н. Гены и иные образования на основе генов как объекты права интеллектуальной собственности // Гражданское право. 2018. № 4. С. 28–32. DOI: 10.18572/2070-2140-2018-4-27-31.

Новоселова Л. А., Кольздорф М. А. Генетическая информация как объект интеллектуальных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 290–321. DOI: 10.17072/1995-41902020-48-290-321.

Рассолов И. М., Чубукова С. Г. Защита генетических данных при генетическом тестировании и генотерапевтическом лечении: информационно-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5. С. 65–72. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.065-072.

Синицын С. А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7–17.

Тужилова-Орданская Е. М., Ахтямова Е. В. Проблемы гражданско-правового регулирования в сфере защиты прав гражданина в Российской Федерации при использовании генетической информации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 2. С. 263–284. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-263-284.

Дмитрий Витальевич Мурзин – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории правового обеспечения безопасного использования генетической и геномной информации Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева; профессор кафедры обязательственного права Уральского филиала Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: agaety@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-0384-4351

Genetic Material as an Object of Civil Rights: Thing or Information?

Genetic material as a special object of civil rights combines material substance and information content. The author analyzes the definitions of gene (genome) proposed in the Russian legislation and legal literature, and concludes that the civil law category of «genetic information» is promising. The possibility of establishing a certain right of civil law nature on this information raises the question of the correlation between the rights to genetic material and genetic information. The objects traditional for civil law – things, which are a material carrier for intangible objects (exclusive rights, rights to the results of intellectual activity and other intangible objects) – are analyzed. The peculiarities of genetic material as a thing that embodies genetic information, which becomes known only after its professional extraction, are revealed.

As a result, the paper proposes a model of establishing legal links between existing rights to genetic material and emerging rights to genetic information. This will make it possible to unambiguously resolve the issue of the right holder – the subject of the right to genetic information – in the most diverse variants of legal relations concerning genetic material.

Keywords: genome, genes, genetic information, genetic material, object of civil rights, thing, intellectual property result, securities

Recommended citation

Murzin D. V. Geneticheskii material kak ob'ekt grazhdanskikh prav: veshch' ili informatsiya? [Genetic Material as an Object of Civil Rights: Thing or Information?], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 11–18, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-11-18.

References

Berg L. N. (ed.) *Genom, chelovek, pravo: problemy teorii i praktiki pravovogo vozdeistviya* [Genome, Human, Law: Problems of Theory and Practice of Legal Impact], Moscow, Yurlitinform, 2021, 200 p.

Berg L. N., Golubtsov V. G. *Napravleniya pravovogo vozdeistviya v sfere genomnykh issledovaniy: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt* [Directions of Legal Impact in the Sphere of Genomic

Research: Russian and International Experience], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2020, no. 4, pp. 638–649, DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-638-649.

Boltanova E. S., Imekova M. P. Geneticheskaya informatsiya v sisteme ob'ektov grazhdanskikh prav [Genetic Information in the System of Objects of Civil Rights], *Lex Russica*, 2019, no. 6, pp. 110–121, DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.110-121.

Dozortsev V. A. *Ponyatie isklyuchitel'nogo prava* [The Concept of an Exclusive Right], *Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii* [Intellectual Rights: Concept. System. Tasks of Codification], Moscow, Statut, 2003, pp. 111–141.

Ivanov A. A. Pravo na genom i voprosy tsivilistiki [The Right to the Genome and Questions of Civility], *Zakon*, 2024, no. 4, pp. 71–79, DOI: 10.37239/0869-4400.2024.21.4.71-79.

Levushkin A. N. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie genomnykh tekhnologii i oborotosposobnost' genov kak ob'ektov grazhdanskikh prav [Civil Law Regulation of Genomic Technologies and Transferability of Genes as Objects of Civil Rights], *Grazhdanskoe pravo*, 2019b, no. 5, pp. 26–29, DOI: 10.18572/2070-2140-2019-5-26-29.

Levushkin A. N. Grazhdansko-pravovoi rezhim genov kak ob'ektov grazhdanskikh prav [Civil Law Regime of Genes as Objects of Civil Rights], *Lex Russica*, 2019a, no. 6, pp. 100–109, DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.100-109.

Lisachenko A. V. Pravovoi rezhim «bol'shikh genomnykh dannykh»: za i protiv svobodnogo obrashcheniya [The Legal Regime of «Big Genomic Data»: Pros and Cons of Free Circulation], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2022, no. 2, pp. 140–151, DOI: 10.34076/20713797.2022.2.140-151.

Maleina M. N. Ponyatie i klassifikatsii genomnoi (geneticheskoi) informatsii [The Concept and Classification of Genomic (Genetic) Information], *Lex Russica*, 2020, no. 7, pp. 50–58, DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.050-058.

Mokhov A. A., Yavorskii A. N. Geny i inye obrazovaniya na osnove genov kak ob'ekty prava intellektual'noi sobstvennosti [Genes and Other Gene-Based Formations as Objects of the Intellectual Property Right], *Grazhdanskoe pravo*, 2018, no. 4, pp. 28–32, DOI: 10.18572/2070-2140-2018-4-27-31.

Novoselova L. A., Kol'zdorf M. A. Geneticheskaya informatsiya kak ob'ekt intellektual'nykh prav [Genetic Information as Intellectual Property], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2020, no. 2, pp. 290–321, DOI: 10.17072/1995-41902020-48-290-321.

Rassolov I. M., Chubukova S. G. Zashchita geneticheskikh dannykh pri geneticheskom testirovanii i genoterapevticheskom lechenii: informatsionno-pravovye aspekty [Protection of Genetic Data in Genetic Testing and Gene-Therapy Treatment: IT Law Aspects], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2020, vol. 15, no. 5, pp. 65–72, DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.065-072.

Sergeev A. P., Tolstoy Yu. K. (eds.) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], Moscow, Prospekt, 2006, vol. 1, 765 p.

Sinityn S. A. Veshch' kak ob'ekt grazhdanskikh prav: vozmozhnye i dolzhnye kriterii identifikatsii [Thing as an Object of Civil Rights: Possible and Proper Criteria of Identification], *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2016, no. 11, pp. 7–17.

Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Akhtyamova E. V. Problemy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya v sfere zashchity prav grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii pri ispol'zovanii geneticheskoi informatsii [Problems of Civil Law Regulation in the Sphere of Protection of Citizen's Rights in the Russian Federation in the Use of Genetic Information], *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2021, no. 2, pp. 263–284, DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-263-284.

Dmitry Murzin – doctor of juridical sciences, a leading researcher at the Research laboratory of legal support for the safe use of genetic and genomic information, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev; professor of the Department of law of obligations, Ural Branch of the S. S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: agaety@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-0384-4351

Дата поступления в редакцию / Received: 26.07.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 19.08.2024

А. О. Родионов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРЯМОГО СУДЕБНОГО НОРМОКОНТРОЛЯ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

Автор раскрывает понятие судебного нормоконтроля, процессуальные формы осуществления прямого судебного нормоконтроля в отношении источников трудового права. В статье описываются случаи, когда источники трудового права в форме нормативных правовых актов органов публичной власти становятся предметом прямого судебного нормоконтроля. Обращается особое внимание на то, что сейчас прямой судебный нормоконтроль в отношении специфических источников трудового права значительно затруднен, поскольку процессуальный порядок такого нормоконтроля не определен, круг заявителей по делам о прямом нормоконтроле слишком мал, большинство нормативных правовых актов в сфере труда исключены из предмета прямого нормоконтроля.

Автор подчеркивает преимущества прямого судебного нормоконтроля, которые могут стать основаниями для его проведения в отношении источников российского трудового права особого рода. Так, если требование в деле о прямом нормоконтроле будет удовлетворено, то нелегитимный нормативный акт исключается из системы источников права; возникает возможность пересмотреть по новым обстоятельствам судебные решения, основанные на признанном недействующим акте; преодолеть законную силу судебного решения путем повторного принятия аналогичного нормативного акта становится невозможно; итоговый судебный акт, принятый в рамках прямого судебного нормоконтроля, подлежит опубликованию для широкого круга лиц.

Ключевые слова: судебный нормоконтроль, прямой судебный нормоконтроль, оспаривание нормативных правовых актов, источники трудового права, локальные нормативные акты, коллективные договоры

Для цитирования

Родионов А. О. Необходимость прямого судебного нормоконтроля в трудовом праве // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 19–24. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-19-24.

УДК 349.2

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-19-24

Под судебным нормоконтролем понимается осуществляемая судом проверка нормативного правового акта на соответствие нормативным правовым актам большей юридической силы, т. е. оценка конституционности или законности нормативного правового акта. По форме такой нормоконтроль может быть прямым, когда «предметом судебного разбирательства является исключительно проверка нормативного правового акта», и косвенным, когда проверка нормативного правового акта проводится «в ходе рассмотрения спора о праве» [Боннер 2022:

148–149]. В первом случае дело возбуждается непосредственно в целях такой проверки, во втором – вне связи с проверкой нормативного правового акта [Никитин 2010: 26–27; Спицин, Яков 2018: 555].

В современном российском правопорядке прямой судебный нормоконтроль осуществляется в ходе административного судопроизводства (согласно КАС РФ, АПК РФ) и конституционного судопроизводства. Полномочия же судов по косвенному нормоконтролю сформулированы в ч. 2 ст. 11 ГПК РФ, ч. 2 ст. 13 АПК РФ и ч. 2 ст. 15 КАС РФ.

В настоящее время прямой нормоконтроль в конституционном и административном судопроизводстве позволяет оценивать конституционность и законность нормативных правовых актов органов публичной власти. К таким нормативным правовым актам относятся и указанные в ч. 1 ст. 5 ТК РФ источники трудового права: начиная с федеральных законов и заканчивая нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Предметом прямого судебного нормоконтроля часто становятся федеральные законы, содержащие нормы трудового права [Абалдуев 2020; Батухтина, Саликова 2023; Коробченко, Сафонов 2021; Нуртдинова 2011]. Только в 2023 г. Конституционный Суд Российской Федерации принял десять постановлений, посвященных проверке конституционности федеральных законов в сфере труда¹. Прямому судебному нормоконтролю подвергались и другие источники трудового права: нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации², федеральных органов исполнительной власти³ [см. также: Сухарев 2021], органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации⁴, органов местного самоуправления⁵, законы субъектов Российской Федерации⁶.

Однако источники трудового права России не исчерпываются перечнем, указанным в ч. 1 ст. 5 ТК РФ. Специфическими источниками трудового права, не характерными для других отраслей, выступают локальные нормативные акты, принимаемые отдельными работодателями, и соглашения разных уровней [Евразийское трудовое право 2022: 176].

¹ Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2023 год // URL: https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Generalization/Documents/Information_2023.pdf (дата обращения: 04.06.2024).

² Постановления Конституционного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 35-П, от 13 ноября 2019 г. № 34-П.

³ Решение Верховного Суда РФ от 25 января 2023 г. № АКПИ22-984; определения Верховного Суда РФ от 20 января 2017 г. № АКПИ17-46, от 27 июня 2016 г. № АКПИ16-475.

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 22 ноября 2022 г. № 19-КАД22-19-К5 по делу № 9а-8/2022.

⁵ Апелляционные определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 9 октября 2019 г. № 45-АПА19-28 по делу № 3а-191/2019, от 1 июня 2016 г. № 9-АПГ16-7 по делу № 3а-122/16.

⁶ Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 3 февраля 2022 г. № 66а-128/2022 по делу № 3а-77/2021.

Кроме того, видится обоснованным включение в группу специфических источников трудового права таких нетипичных источников, как внутренние установления религиозных организаций и акты общероссийских спортивных федераций [Демиденко 2022: 55–81].

В ходе прямого судебного нормоконтроля в отношении специфических типичных и нетипичных источников трудового права возникают определенные трудности. В юридической литературе говорится, что проблемы нормоконтроля в трудовом праве исследованы мало [Лушников, Лушникова 2009: 663; Харитонов 2022: 58], недостаточно трудовая правовая прямая нормоконтроль урегулирован и в законодательстве. Так, в соответствии с ТК РФ противоречащие вышестоящим нормативным правовым актам соглашения, коллективные договоры, локальные нормативные акты, «не подлежат применению», т. е. речь идет только о косвенном нормоконтроле, когда правоприменитель, устанавливая в ходе рассмотрения дела незаконность нижестоящего нормативного правового акта, применяет вышестоящий, а нижестоящий игнорирует.

Единственный случай, когда закон допускает возможность провести прямой судебный нормоконтроль в отношении специфических источников трудового права, назван в ст. 372 ТК РФ, в силу которой выборный орган первичной профсоюзной организации, не согласный с принятым локальным нормативным актом, вправе оспорить его в суде. Указанное правило действует только в отношении локальных нормативных актов, принимаемых с учетом мнения профсоюза. Кроме того, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации прямой нормоконтроль за локальными нормативными актами, принимаемыми в соответствии с ТК РФ, в порядке гл. 21 КАС РФ невозможен⁷.

Таким образом, закон и руководящая судебная практика не только умалчивают о процессуальном порядке прямого нормоконтроля в отношении источников трудового права особого рода, но и сужают круг заявителей по делам о прямом нормоконтроле, а также исключают из его предмета большинство нормативных правовых актов в сфере труда.

⁷ Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами».

Ученые предлагают изменить текущее положение дел в области прямого судебного нормоконтроля в отношении специфических источников трудового права путем: распространения правила ст. 372 ТК РФ на локальные нормативные акты, единолично принимаемые работодателем [Лушников, Лушникова 2021: 130]; разработки специальных процессуальных правил оспаривания локальных нормативных актов работниками [Качанов 2008; Харитонов 2022: 57–58]; закрепления в отдельной статье ТК РФ такого способа защиты трудовых прав, как «отмена правового акта работодателя, не соответствующего принципам и нормам трудового права, имеющим более высокую юридическую силу» [Шувалова 2019: 120–121]; внесения дополнений, расширяющих предмет нормоконтроля, в процессуальные правила признания недействующими нормативных правовых актов [Жеребкина 2023; Жеребкина 2022; Князева 2014: 64]. Вместе с тем как среди ученых [Ермаков 2020; Никитин 2010: 44–45, 72], так и среди практиков [Соблюдение прав профсоюзов 2021: 50–51] можно встретить противников прямого судебного нормоконтроля в отношении нормативных правовых актов, принимаемых непубличными субъектами (работодателями, социальными партнерами и т. д.).

Не умаляя значимости косвенного судебного нормоконтроля в отношении нормативных правовых актов, стоит отметить, что прямой судебный нормоконтроль обладает рядом преимуществ по сравнению с косвенным. Такие преимущества, думается, обуславливают необходимость использовать не только косвенный, но и прямой нормоконтроль в отношении специфических источников трудового права.

Результатом рассмотрения дела об оспаривании нормативных правовых актов являются особые правовые эффекты [Спицин, Ярков 2018: 556], которые можно отнести к преимуществам прямого судебного нормоконтроля.

Во-первых, в случае удовлетворения требования в деле о прямом нормоконтроле не легитимный нормативный акт исключается из системы источников права (ч. 1 ст. 216 КАС РФ¹, ч. 5 ст. 195 АПК РФ). Например,

¹ Абзац 3 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных право-

сейчас работник вправе ставить вопрос о законности локального нормативного акта лишь косвенно в рамках искового производства, т. е. оспаривать конкретное деяние работодателя в связи с применением к работнику специфического источника трудового права. Положительный результат при косвенном нормоконтроле принесет пользу только работнику-заявителю. Другие же работники, в отношении которых применялся тот же локальный нормативный акт, будут вынуждены обращаться в суд с самостоятельными исками, чего можно было бы избежать, допусти правопорядок прямой нормоконтроль в отношении источников трудового права особого рода.

Закон и руководящая судебная практика не только умалчивают о процессуальном порядке прямого нормоконтроля в отношении источников трудового права особого рода, но и сужают круг заявителей по делам о прямом нормоконтроле, а также исключают из его предмета большинство нормативных правовых актов в сфере труда

Во-вторых, успешное оспаривание нормативного правового акта посредством прямого нормоконтроля позволяет пересмотреть по новым обстоятельствам судебные решения, основанные на акте, признанном недействующим². К примеру, если при принятии нескольких судебных актов применялись нормы регионального соглашения о минимальной заработной плате, то в случае последующего оспаривания такого соглашения в порядке прямого нормоконтроля данные судебные акты могут быть пересмотрены уже после их вступления в законную силу.

В-третьих, положительный результат прямого нормоконтроля делает невозможным преодоление законной силы судебного решения повторным принятием такого же нормативного акта (ч. 3 ст. 216 КАС РФ). В настоящее же время работодатель, проиграв дело, в рамках которого незаконность его локального нормативного акта была констатирована посредством косвенного нормоконтроля,

вых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 11 января 2019 г. № 2-П.

вправе принять локальный нормативный акт аналогичного содержания [Харитонов 2022: 57], преодолев законную силу решения суда.

В-четвертых, итоговый судебный акт, принятый в рамках прямого судебного нормоконтроля, должен быть опубликован для широкого круга лиц (п. 2 ч. 4 ст. 215 КАС РФ, ст. 196 АПК РФ). К примеру, решения суда о признании недействующими соглашений можно было бы публиковать в источнике, где такие

соглашения были опубликованы ранее в соответствии с ч. 10 ст. 48 ТК РФ.

Таким образом, процессуальный порядок прямого судебного нормоконтроля за специфическими источниками трудового права практически не регулируется надлежащим образом. Представляется, что прямой нормоконтроль может быть действенным способом судебной защиты при принятии источников трудового права особого рода.

Список литературы

Абалдуев В. А. Трудовое право и конституционное правосудие: как обеспечить связь закона и судебной практики // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 15–18.

Батухтина Е. М., Саликова Н. М. Лишение премии за нарушение трудовой дисциплины: правовые позиции Конституционного Суда РФ // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 6. С. 4–12. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_6_4.

Боннер А. Т. Избранные труды: в 7 т. М.: Проспект, 2022. Т. 6: Проблемы административной юстиции, особого производства, гражданского и административного права. Юридическая публицистика. 448 с.

Демиденко Т. П. Нетипичные источники трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 224 с.

Евразийское трудовое право / под ред. М. В. Лушниковой, К. С. Раманкулова, К. Л. Томашевского. М.: Проспект, 2022. 496 с.

Ермаков Э. Ю. Обжалование локальных нормативных актов в судебном порядке // Судья. 2020. № 12. С. 41–44.

Жеребкина Е. В. Локальные правовые акты как предмет судебного нормоконтроля // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 11. С. 26–29. DOI: 10.18572/1812-383X-2022-11-26-29.

Жеребкина Е. В. Процессуальная форма судебного контроля за законностью локальных нормативных правовых актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 8. С. 15–18. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-8-15-18.

Качанов Р. Е. Судебный нормоконтроль в системе механизмов «стратегического правосудия» // Административное и муниципальное право. 2008. № 9. С. 48–50.

Князева Н. А. Особенности рассмотрения в суде дел, возникающих из трудовых отношений // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2014. № 3. С. 59–68.

Коробченко В. В., Сафонов В. А. Конституционно значимые дефекты трудового законодательства и судебной практики в сфере трудовых отношений // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 115–129.

Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: учеб.: в 2 т. М.: Статут, 2009. Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. 879 с.

Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовое право: учеб. М.: Проспект, 2021. 768 с.

Никитин С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе. М.: РАП; Волтерс Клувер, 2010. 304 с.

Нуртдинова А. Ф. Значение решений Конституционного Суда РФ для совершенствования трудового законодательства // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 68–79.

Спицин И. Н., Ярков В. В. Судебный нормоконтроль в гражданском и арбитражном процессе: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 4. С. 554–567. DOI: 10.21638/spbu14.2018.407.

Соблюдение прав профсоюзов в России: актуальные проблемы и пути решения. Социально-трудовые конфликты. СПб.: СПбГУП, 2021. 176 с.

Сухарев А. Е. Возможности и значение административного судопроизводства для защиты трудовых прав при разрешении трудовых споров // За права трудящихся! Приоритетные направления развития законодательства о труде и социальном обеспечении: материалы 7-й Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: УрГЮУ, 2021. С. 171–174.

Харитонов М. М. Трудовое право: учеб. М.: Эксмо, 2022. 640 с.

Шувалова А. А. Способы судебной защиты трудовых прав и правовых интересов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 179 с.

Артем Олегович Родионов – аспирант кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: zzzrodionovzzz@mail.ru.

ORCID: 0009-0009-3075-0316

The Need for Direct Judicial Review in Labor Law

The author reveals the concept of judicial review, the procedural forms of direct judicial review of the sources of labor law. The paper describes cases when normative legal acts of public authorities, which are also sources of labor law, become the subject of direct judicial review. Currently direct judicial review of specific sources of labor law is very challenging, since the procedure of such judicial review is unclear, the range of applicants in cases of direct judicial review is too small, most normative legal acts in the field of labor are not subject to direct judicial review.

The author underlines the advantages of direct judicial review, which can become the reasons for its implementation in relation to Russian labor law sources of a specific kind. In particular, if the requirement in a case for direct judicial review is satisfied, then the illegitimate normative act is excluded from the system of sources of law; the opportunity arises to revise, due to new circumstances, the court decisions based on an invalid act; it becomes impossible to overcome the legal force of a court decision by re-adopting a similar normative act; the final judicial act adopted as a result of direct judicial review is subject to general publication.

Keywords: *judicial review, direct judicial review, labor law sources, contesting of normative acts, local regulations, collective agreements*

Recommended citation

Rodionov A. O. Neobkhodimost' pryamogo sudebnogo normokontrolya v trudovom prave [The Need for Direct Judicial Review in Labor Law], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 19–24, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-19-24.

References

Abalduev V. A. Trudovoe pravo i konstitutsionnoe pravosudie: kak obespechit' svyaz' zakona i sudebnoi praktiki [Labor Law and Constitutional Justice: How to Provide Connection between Law and Judicial Practice], *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*, 2020, no. 3, pp. 15–18.

Batukhtina E. M., Salikova N. M. Lishenie premii za narushenie trudovoi distsipliny: pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF [The Revocation of Bonus Pay in Case of Labor Misconduct: Legal Propositions of the Constitutional Court of the Russian Federation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 6, pp. 4–12, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_6_4.

Bonner A. T. *Izbrannye trudy* [Selected Works], in 7 vols., Moscow, Prospekt, 2022, vol. 6, 448 p.

Demidenko T. P. *Netipichnye istochniki trudovogo prava* [Unconventional Labor Law Sources]: cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2022, 224 p.

Ermakov E. Yu. Obzhalovanie lokal'nykh normativnykh aktov v sudebnom poryadke [Appeal to Courts against Local Normative Acts], *Sudya*, 2020, no. 12, pp. 41–44.

Kachanov R. E. Sudebnyi normokontrol' v sisteme mekhanizmov «strategicheskogo pravosudiya» [Judicial Review in the System of «Strategic Justice» Mechanisms], *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2008, no. 9, pp. 48–50.

Kharitonov M. M. *Trudovoe pravo* [Labor Law], Moscow, Eksmo, 2022, 640 p.

Knyazeva N. A. Osobennosti rassmotreniya v sude del, vznikayushchikh iz trudovykh otnoshenii [Features of Judicial Consideration of Cases arising from Labor Relations], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*, 2014, no. 3, pp. 59–68.

Korobchenko V. V., Safonov V. A. Konstitutsionno znachimye defekty trudovogo zakonodatel'stva i sudebnoi praktiki v sfere trudovykh otnoshenii [Constitutionally Significant Defects of the Labor Legislation and Judicial Practice in the Field of the Labor Relations], *Ezhegodnik trudovogo prava*, 2021, no. 11, pp. 115–129.

Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. *Kurs trudovogo prava* [The Course of Labor Law], in 2 vols., Moscow, Statut, 2009, vol. 1, 879 p.

Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. *Trudovoe pravo* [Labor Law], Moscow, Prospekt, 2021, 768 p.

Lushnikova M. V., Ramankulov K. S., Tomashevskii K. L. (eds.) *Evraziiskoe trudovoe pravo* [Eurasian Labor Law], Moscow, Prospekt, 2022, 496 p.

Nikitin S. V. *Sudebnyi kontrol' za normativnymi pravovymi aktami v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Judicial Review over Normative Legal Acts in Civil and Arbitration Proceedings], Moscow, RAP, Wolters Kluwer, 2010, 304 p.

Nurtdinova A. F. Znachenie reshenii Konstitutsionnogo Suda RF dlya sovershenstvovaniya trudovogo zakonodatel'stva [Role of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in Improvement of Labor Legislation], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2011, no. 10, pp. 68–79.

Shuvalova A. A. *Sposoby sudebnoi zashchity trudovykh prav i pravovykh interesov* [Means of Judicial Protection of Labor Rights and Legal Interests]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2019, 179 p.

Soblyudeniye prav profsoyuzov v Rossii: aktual'nye problemy i puti resheniya. Sotsial'no-trudovye konflikty [Observance of Trade Union Rights in Russia: Current Problems and Solutions. Social and Labor Conflicts], Saint Petersburg, SPbGUP, 2021, 176 p.

Spitsin I. N., Yarkov V. V. Sudebnyi normokontrol' v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya [Contesting of Normative Legal Acts in Court: Procedure De Lege Lata and Ways of Improving], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 554–567, DOI: 10.21638/spbu14.2018.407.

Sukharev A. E. *Vozmozhnosti i znachenie administrativnogo sudoproizvodstva dlya zashchity trudovykh prav pri razreshenii trudovykh sporov* [The Possibilities and Importance of Administrative Legal Proceedings for the Protection of Labor Rights in the Resolution of Labor Disputes], *Za prava trudyashchikhsya! Prioritetnye napravleniya razvitiya zakonodatel'stva o trude i sotsial'nom obespechenii* [For the Rights of Workers! Priority Directions for the Development of Labor and Social Security Legislation]: conference papers, Ekaterinburg, UrGYuU, 2021, pp. 171–174.

Zherebkina E. V. Lokal'nye pravovye akty kak predmet sudebnogo normokontrolya [Local Legal Acts as a Subject of Judicial Compliance Assessment], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2022, no. 11, pp. 26–29, DOI: 10.18572/1812-383X-2022-11-26-29.

Zherebkina E. V. Protsessual'naya forma sudebnogo kontrolya za zakonnost'yu lokal'nykh normativnykh pravovykh aktov [The Procedural Form of Judicial Control over Legality of Local Regulations], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2023, no. 8, pp. 15–18, DOI: 10.18572/1812-383X-2023-8-15-18.

Artyom Rodionov – postgraduate student of the Department of labor law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: zzzrodionovzzz@mail.ru.

ORCID: 0009-0009-3075-0316

Дата поступления в редакцию / Received: 12.06.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.07.2024

А. В. Трутаева

Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского
(Омск)

БЕРЕМЕННОСТЬ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В ПРАВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Автор предпринимает попытку рассмотреть состояние беременности как юридический факт с точки зрения его признаков, структуры и функций, выделяемых в юридической науке (в общеправовом и отраслевом аспектах). За основу избраны работы по теории права и по праву социального обеспечения. Анализируется принадлежность беременности как юридического факта к категории юридических фактов-состояний. С опорой на работы отечественных исследователей предложена нормативная модель юридического факта беременности. Высказаны предположения об идеологической и реальной моделях юридического факта-состояния беременности. В исследовании учитывается традиционное для науки права социального обеспечения разделение юридических фактов на категории оснований для социального обеспечения и предпосылок для возникновения социально-обеспечительных правоотношений, анализируются положения нормативных правовых актов в соответствующей сфере. Делается вывод о том, что задача отраслевой науки – определение случаев, в которых состояние беременности должно выступать юридическим фактом именно первой или именно второй категории сообразно тем целям, которые стоят перед отраслью.

Ключевые слова: социальное обеспечение, беременность, юридический факт

Для цитирования

Трутаева А. В. Беременность как юридический факт в праве социального обеспечения // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 25–35. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-25-35.

УДК 349.3

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-25-35

Состояние беременности глобально преобразует жизнь женщины, что закономерно вызывает вопрос о рассмотрении беременности как юридического факта. В отечественной правовой науке юридическим фактом в наиболее общих чертах принято считать обстоятельства действительности, влекущие правовые последствия. Сущностным признаком юридического факта является возникновение правовых последствий [Трубецкой 2001: 405; Халфина 1974: 288; Синюков 1984: 18; Исаков 1984: 13].

С. С. Алексеев юридические факты называл фрагментами окружающей действительности, вовлеченными в сферу права и потому наделенными специальными юридическими последствиями [Алексеев 1982: 163].

В. Н. Синюков, рассуждая о связи между фактом объективной действительности и определенными правовыми эффектами, отмечал, что социальную, правовую значимость фактическому обстоятельству придает существующая система общественных отношений, неизменно выступающая источником зарождения правового регулирования и оттого диктующая регулированию смыслы и ожидания от норм [Синюков 1984: 32–33].

В. Б. Исаков подчеркивал, что связь факта и правовых последствий обусловлена склонностью человеческого сознания соединять эти социальные события и юридические последствия [Исаков 1984: 13]. Эта «причинная связь» не имеет физических, природных, не зависящих от воли субъекта нормотворче-

ства оснований – только социальные, сгенерированные обществом.

Акцентировал внимание на тетической природе связи между фактом и правовыми последствиями и А. Ф. Черданцев [Черданцев 2012: 165]. Так, связи между событиями объективной действительности и возникающими юридическими последствиями, образующие атрибутивный признак юридического факта, вовсе не причинно-следственные, не основанные на законах природы. Такие связи следуют из распоряжения государства, издавшего норму права.

Возникновение у женщины состояния беременности в силу законов объективной действительности автоматически не ведет к наступлению каких-либо природных последствий для иных субъектов. Нигде в пространстве одновременно с чьей-то беременностью не начинает сам по себе формироваться запас обогащенных нутриентами молочных смесей или фонд для финансирования социальных выплат. Вместе с тем именно в силу веления правовых норм у уполномоченных лиц (публичного субъекта) возникает обязанность по обеспечению полноценного питания или назначению и выплате социальных пособий. Установление такой связи следует из определенной правовой политики, предусматривающей воплощенное в нормативных правовых актах стремление государства создать условия для благополучной беременности. Стремление это продиктовано частными и публичными интересами, сосредоточенными вокруг состояния беременности и перспектив рождаемости.

Правовой наукой традиционно подчеркивается и значимость адекватной связи между реальным событием, произошедшим в жизни субъекта, и следующими за этим событием правовыми эффектами [Синюков 1984: 21]. Последствия юридического факта не могут быть случайными по содержанию. Право существует для того, чтобы служить складывающейся практике общественных отношений. Нет никакой нужды в таких правовых эффектах, как недействительность совершенных беременной женщиной сделок по распоряжению имуществом или правами на результаты интеллектуальной деятельности либо привлечение этой гражданки или какого-то другого лица к административной ответственности. Наступление этих правовых эффектов не по-

влияет на жизнь беременной женщины с точки зрения благоприятного прогноза беременности. Право на социальные выплаты или запрет на привлечение к труду в ночное время, напротив, прямо повлияют на материальное, физическое, социальное благополучие беременной женщины, поскольку, например, компенсируют негативные эффекты от приостановления трудовой деятельности и получения трудового дохода или способствуют сохранению здоровья матери и будущего ребенка. Так, подобно общему признаку юридического факта, беременность характеризуется возникновением релевантных правовых последствий, т. е. таких, которые прямо связаны с этим состоянием и содействуют предотвращению или минимизации масштаба негативных сценариев его развития.

Стабильность в течение определенного периода, имеющего юридическое значение, отличает юридические факты-состояния. Следует подчеркнуть, что юридические факты-состояния признаются и признавались исследователями-юристами не единогласно. С. Ф. Кечекьян и другие авторы отрицали возможность рассмотрения состояний как самостоятельных видов юридических фактов, относя состояния, скорее, к предпосылкам правоотношения [Кечекьян 1958]. В свою очередь, вслед за А. К. Стальгевичем С. С. Алексеев по характеру действия выделял юридические факты однократного действия (одномоментные) и юридические факты-состояния, существующие в течение определенного периода и непрерывно или периодически порождающие юридические последствия [Стальгевич 1951: 32; Алексеев 1982: 177]. У этой точки зрения есть сторонники и сегодня [см., например: Комиссарова, Пермяков 2018: 77].

Схожее определение дал юридическим фактам-состояниям В. Б. Исаков. По его мнению, таковые являются сложными юридическими фактами, которые относительно стабильны и существуют долгое время, в течение которого могут неоднократно вызывать наступление юридических последствий [Исаков 1984: 36]. Мнение о стабильности, продолжительности и способности неоднократно вызывать юридические последствия в правовой науке устоялось [Пермяков 2012: 97; Карпунина 2010: 15]. Современные исследователи подчеркивают, что юридический факт-состояние – это всегда особое социаль-

ное состояние, влияющее на правовое состояние субъекта-носителя [Ульбашев 2019]. Так, юридические факты-состояния неотделимы от своего субъекта, они в каком-то смысле его часть [Пермяков 2012: 97].

Беременность представляет собой стабильное для женщины состояние, массово проявляющееся в большинстве сфер ее жизни. На протяжении всего периода беременности гражданка неоднократно может реализовать право на получение питательных смесей и иной нутритивной поддержки в соответствии с нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, право на медицинское сопровождение вынашивания плода. Периодической является и выплата единого пособия в связи с рождением и воспитанием детей. По мнению Э. Н. Бондаренко, юридические факты-состояния интересны способностью влиять на движение правоотношений на разных стадиях их существования: они могут помочь правоотношениям возникнуть, развиться и т. д. [Бондаренко 2015; Еременко 2006].

В отечественной науке права социального обеспечения вопросы, связанные с юридическими фактами, конечно, также не были обойдены вниманием, хотя взгляды исследователей на них сложно назвать единообразными. основоположник отрасли В. С. Андреев юридические факты именовал обстоятельствами или жизненными фактами, с которыми право связывает возникновение или прекращение правоотношений или наступление иных правовых последствий [Андреев 1981: 103]. Примечательно, что именно В. С. Андреев в каком-то смысле судьбоносно обратил внимание на претендующий сегодня на центральное место в отрасли вопрос о юридических фактах.

В целом, рассуждая о юридических фактах как таковых, В. С. Андреев активно оперировал понятиями, обозначающими состояния («болезнь», «нетрудоспособность» и т. д.), специально юридические факты-состояния как таковые не выделял. Подобная картина характерна и для иных советских работ в сфере права социального обеспечения¹. При этом

¹ А. Д. Зайкин акцентировал внимание на том, что советское государство признает то или иное обстоятельство юридическим фактом согласно определенным мотивам и интересам трудящихся, а также в качестве юридических фактов-оснований для пенси-

положения отраслевой науки о юридических фактах в целом пребывают в русле общетеоретических. Так, юридические факты, признанные советским государством в качестве оснований социальной алиментации, социального обеспечения, напрямую формируют отраслевую правоспособность лица, обуславливая возникновение права на социальное обеспечение того или иного вида.

На современном этапе взгляд на теорию юридических фактов детализируется отраслевой наукой. В сфере пенсионного обеспечения под юридическими фактами предлагается понимать реальные жизненные факты или обстоятельства, с правовой моделью которых пенсионное право как подотрасль права социального обеспечения связывает определенные юридические последствия и наступление которых влечет такие последствия по разным видам пенсионного обеспечения [Карпунина 2010: 7]. Большое значение придается фиксации обстоятельств для возникновения правовых последствий в сфере социального обеспечения². Пристальное внимание обращается на спектр правовых эффектов того или иного юридически значимого обстоятельства [Малеина 2016].

Существует мнение, согласно которому в основе юридического факта-состояния находится факт объективной действительности, придающий импульс развитию юридически значимого состояния – стабильного длительно сохраняющегося обстоятельства, которое впоследствии «отделяется» от спровоцировавшего его факта и становится самостоятельным

онного обеспечения называл старость, инвалидность, т. е. состояния. При этом категория юридического факта-состояния не применялась [Зайкин 1974: 146, 164, 165, 178]. Р. И. Иванова для обозначения объективных оснований для социального обеспечения тоже активно использовала категории состояния («старость», «болезнь», «инвалидность», «многодетность», «малообеспеченность»), однако не оперировала категорией юридического факта-состояния. Юридическим фактом Р. И. Иванова считала частную предпосылку всех социально-обеспечительных отношений, правовое основание социальной алиментации, закрепленный в нормах права факт объективной действительности, который вызывает возникновение, изменение, течение во времени, прекращение правоотношений и наступление иных правовых последствий [Иванова 1986: 9, 59, 62].

² Эта традиция заложена еще советской отраслевой наукой: существенное внимание вопросам надлежащей фиксации и достоверного установления юридических фактов уделила В. А. Тарасова [Тарасова 1974]. Требование о фиксации и достоверном установлении поддерживается и сегодня [Чирков 2018].

юридическим фактом, обозначающим жизненную ситуацию субъекта [Алексеев 1982: 179; Новикова 2011: 140; Еременко 2006].

Беременность возникает и продолжается в результате факта зачатия и впоследствии структурно и содержательно действительно отделяется от такого «начального» этапа. Можно сказать, речь идет о двух фактах: о зачатии как об определенном волевом действии (моменте возникновения беременности) и о следующем за зачатием процессе вынашивания, во времени и физически отделенном от зачатия. Необходимо подчеркнуть, что само длящееся состояние беременности имеет сложную структуру. Это состояние проявляется далеко не одним эпизодом или «симптомом», оно всегда комплексное и охватывает здоровье, реализацию способности к труду, межличностные / социальные отношения и др.

В правовой науке устоялось мнение о двойственной природе юридического факта-состояния, объединяющей реальную (фактическую) сторону (факт-явление) и сторону идеальную (факт-знание). В. Б. Исаков подчеркнул так называемую материально-идеальную природу юридического факта [Исаков 1984: 11]. Материальная сторона, по мнению автора, раскрывается путем конкретного выражения вовне, в наличии или отсутствии определенных явлений действительности и путем заключения в юридическом факте информации о состоянии общественных отношений. В пользу идеальной компоненты юридического факта, в свою очередь, говорит то, что юридический факт предусмотрен нормами права прямо или косвенно, он зафиксирован в установленной законодательно процессуально-процедурной форме и вызывает предусмотренные законом юридические последствия. На органическом единстве реального жизненного обстоятельства и его правовой модели настаивает и В. Н. Синюков [Синюков 1984: 19]. По мнению А. Я. Рыженкова, любой юридический факт объединяет в себе материальное (практическое) содержание (социальный факт) и нормативную модель (собственно юридический факт) [Рыженков 2022: 9, 15].

Принципиально иная точка зрения высказана А. Ф. Черданцевым [Черданцев 2012: 174, 177]. Исследователь считал ошибочным смешение фактов-явлений (материальных яв-

лений) и фактов-знаний (объектов идеальных, представляющих собой отражение фактов-явлений в документах, процедурах, доказательствах, сознании субъекта). По мнению автора, в правовом поле юридические факты любых разновидностей существуют исключительно в идеальной форме, и в этом смысле смешанная, материально-идеальная природа не может быть характерна для рассматриваемой сущности. Так, факт реальности должен быть осознан субъектом и должен получить правовую квалификацию.

В отраслевой науке преобладает компромиссный взгляд на природу юридического факта. Е. И. Бутенко подчеркивает, что юридический факт в праве социального обеспечения понимается как материально-идеальное явление [Бутенко 2010: 16]. Н. А. Карпунина отмечает, что в праве социального обеспечения юридические последствия связываются именно с правовой моделью реального жизненного факта, определяемого автором как юридический факт [Карпунина 2010: 11]. В данном контексте небесполезно обратиться к методу моделирования¹, поскольку юридический факт часто характеризовался как модель.

Так, В. Н. Синюков писал, что юридический факт – это логическая правовая модель реального явления, промежуточное звено

¹ Категория модели используется в наиболее общем традиционном понимании образца исследуемого объекта, отражающего представляющие интерес признаки. Например, В. А. Леванский предлагал понимать модель как воспроизводящую представляющие познавательный интерес свойства целостную систему представлений о сущностных признаках и характеристиках некоторой другой системы, называемой оригиналом [Леванский 1986: 20]. В. С. Плетников модель в юриспруденции определял как «интеллектуально-волевое описание, в достаточной степени повторяющее существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, сформировавшееся под влиянием всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития» [Плетников 2016: 125]. С точки зрения А. С. Безрукова, правовая модель – это созданная в результате абстракции, идеализации (для теоретических и метатеоретических моделей) или наблюдения (для материальных моделей) форма отражения правовой (или окружающей) действительности, находящаяся в отношении соответствия с исследуемым объектом, служащая средством отвлечения и выражения внутренней структуры сложного правового явления (или наглядности в описании объектов материального мира), несущая информацию об объекте или выполняющая специальную (демонстрационную) задачу [Безруков 2008: 8].

между нормой права и фактической объективной действительностью [Синюков 1984: 25, 38]. В. Н. Исаков при исследовании структуры юридического факта оперировал понятиями социальной ситуации, юридических фактов и юридических условий в их взаимосвязи и единстве, т. е. тоже сконструировал определенную модель [Исаков 1984: 13–14].

Для рассмотрения модели состояния беременности больше всего подходят предложенные А. Ф. Черданцевым определение и видовая классификация модели [Черданцев 2012: 224]. В частности, модель юридического факта-состояния может быть представлена как система специфических причин его возникновения (выделяющих его из множества юридических фактов-состояний) и непосредственных проявлений этого состояния.

В свою очередь, нормативный характер модели предполагает, что такие признаки следуют из нормативных правовых актов, регулирующих статус беременной женщины. Значит, в состав нормативной модели беременности можно включить следующие элементы: 1) совокупность взаимосвязанных юридически значимых причин этого состояния (выделяющих беременность из ряда других юридически значимых состояний), отражающихся на его содержании (формирование плода внутри организма беременной женщины в результате зачатия); 2) юридически значимые текущие признаки (проявления) этого состояния (его содержания). Последние представляют интерес для отраслевой науки в контексте динамики социальных рисков¹. К числу этих признаков можно отнести связанные с состоянием здоровья приостановление трудовой деятельности и временную утрату трудового дохода, возникновение дополнительных расходов на при-

¹ Состояние беременности сопряжено с факторами социальных рисков нездоровья, незанятости, бедности. Так, нагрузка на женский организм существенно возрастает, работа его полностью перестраивается, что зачастую провоцирует развитие патологических процессов; способность трудиться снижается под воздействием недомогания, перестройки организма, а также и попросту необходимости отлучаться для получения медицинского сопровождения. Отдельного внимания требует и психологическое состояние беременной женщины, потребность в своевременном и компетентном психологическом сопровождении. Исследования в области психологии материнства дают основания для вывода о том, что физическое благополучие сначала плода, а затем и родившегося ребенка зависит от психологического состояния матери.

обретение специализированной продукции при подготовке к рождению ребенка. Сюда же можно включить потребность в полноценном питании, отдыхе.

Идеологическая модель беременности, основываясь на накопленном обществом политических, социологических, философских взглядах, может представлять собой систему ценностных установок, культурных проявлений, уклада жизни беременной женщины, связанных с причинами беременности и ее текущей картиной. Элементами данной модели можно назвать ожидания определенного репродуктивного выбора от женщины со стороны социального окружения, национальные и культурные основы планирования семьи и семейной жизни и т. п.

Реальная модель беременности, вероятнее всего, включает медицинские / физиологические причины и текущие проявления этого состояния (токсикоз, изменение работы систем организма, нестабильность гормонального фона, повышение артериального давления, нарушение сна и др.), а также находящие отражение в психической деятельности женщины признаки беременности. С учетом того, что право реагирует на объективную реальность и потребности общества, элементы существующей нормативной модели тоже найдут место в реальной модели. Приостановление трудовой деятельности, потребность в полноценном питании и медицинском сопровождении беременности, увеличение расходов выразились вовне в качестве проблем и были признаны основанием для возникновения правовых последствий, направленных на стабилизацию благополучия беременной женщины. Таким образом, юридически значимые элементы состояния беременности отражаются в нормативной модели беременности. Думается, названная модель может рассматриваться в качестве содержания юридического факта-состояния беременности (или, согласно взглядам В. Б. Исакова или А. Я. Рыженкова, его идеальной стороны).

Анализ работ по теории юридических фактов в области права социального обеспечения показывает: одним из наиболее глобальных вопросов выступает отнесение тех или иных обстоятельств к группе юридических фактов, вызывающих потребность в социальном обеспечении, либо к группе юридических фактов, имеющих промежуточное,

«предпосылочное» значение и влекущих формирование предпосылок для социального обеспечения, например возникновение у потенциального получателя соответствующего правомочия [Тарасова 1974: 57]. Рассуждая о юридических фактах в области пенсионного обеспечения, В. А. Тарасова продолжила заданный В. С. Андреевым и поддержанный иными исследователями дискурс и отметила, что наряду с юридическими фактами-основаниями пенсионного обеспечения следует выделять так называемые юридически значимые предпосылки, зарождающиеся до появления первых и способствующие динамике отраслевого правоотношения. С такими предпосылками может быть связано право на социальное обеспечение определенного вида либо указание на тот или иной фонд финансирования социального обеспечения.

Необходимо признать справедливой такую постановку вопроса о роли различных обстоятельств в социально-обеспечительных правоотношениях. Интерес для отрасли права социального обеспечения представляет именно этот материально-правовой потенциал обстоятельства. Необходимо согласиться и с высказанным в науке мнением о том, что каждое обстоятельство может иметь разное значение для различных правоотношений: для каких-то юридический факт будет порождообразующим, а какие-то отраслевые связи тот же самый факт прекратит [Тарасова 1974: 13].

Обозначенный вопрос до сих пор актуален и не получил разрешения. Внимание российского законодателя к беременности фрагментарно и в основном связано с какими-либо дополнительными жизненными обстоятельствами. Прежде всего, не дано легальное определение беременности, как не введены и критерии / признаки / точки отсчета этого состояния. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в ст. 52 говорит о правах беременных женщин и матерей в сфере охраны здоровья, не объясняя понятий и не определяя момента начала беременности. Косвенно толкуя ст. 53 указанного Федерального закона, можно установить, что моментом завершения беременности является рождение ребенка, т. е. отделение плода от организма матери посредством родов. Законодательство в сфере социальной защиты и социального обеспечения устанавли-

вает определенные меры, адресованные беременным женщинам. Это позволяет охарактеризовать состояние беременности как юридический факт, вызывающий необходимость в социальном обеспечении, или юридический факт, создающий промежуточный правовой эффект.

Так, федеральное законодательство предусматривает право на получение пособия по беременности и родам¹, ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка, а также единовременного пособия для беременной жены военнослужащего, проходящего военную службу по призыву². В первом случае социальное пособие является страховым, исчисляется из среднего заработка и предоставляется женщине из числа застрахованных лиц за весь период отпуска по беременности и родам. По смыслу положений Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» социальное обеспечение ориентировано не просто на состояние беременности, но на факт осложнения его в связи с тем, что оставляющая работу беременная женщина утрачивает заработок. Второй пример социального обеспечения говорит об ориентированности последнего на состояние беременности, осложненное бедностью, поскольку нормы Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» связывают возникновение права на получение пособия данного вида с тем, что уровень дохода гражданки не достигает величины прожиточного минимума. Социальное пособие третьего вида «реагирует» на сочетание факта беременности гражданки с ее одиночеством в силу прохождения супругом военной службы.

Федеральное законодательство не «распознает» беременную женщину без осложнений статуса как получателя социального обеспечения только в связи с наступлением указанного состояния. Значит, беременность выступает юридическим фактом, формирующим предпосылку для возникновения соци-

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством».

² Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

ально-обеспечительных отношений, но еще не само такое правоотношение (и необходимость в социальном обеспечении). При этом не предусматриваются виды поддержки для беременных женщин, не вошедших в перечисленные выше категории¹.

В то же время ориентиры на повышение уровня рождаемости, стабилизацию демографической политики, улучшение положения женщин сегодня не подвергаются сомнению и озвучиваются на самом высоком уровне управления². При разработке соответствующих демографических планов нет разделения между детьми женщин-самозанятых, малоимущих женщин или же женщин-работников по трудовому договору. Следует отметить также, что сегодня сохранение здоровья женщин всех возрастов, создание условий для повышения роли женщин в формировании здорового общества, профилактика социального неблагополучия женщин провозглашены в качестве направлений государственной политики по обеспечению интересов женщин согласно Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. Предоставление социального обеспечения в связи с рождением ребенка не подвергается сомнению с точки зрения обоснованности и значимости для социального благополучия матери, ребенка, семьи. Вместе с тем появлению ребенка на свет предшествует процесс его вынашивания матерью, этот процесс наука (медицина, психология и др.) давно признала чрезвычайно важным для прогноза благополучия рождаемости и требующим полноценного компетентного сопровождения. Однако состоянию беременности, как указано выше, не придается значение самостоятельного основания для социального обеспечения.

¹ Так, до сих пор законодательно не разрешен вопрос о праве на пособие по беременности и родам женщин, не являющихся индивидуальными предпринимателями и относящихся к категории самозанятых. См., например: письмо Фонда пенсионного и социального страхования РФ от 22 марта 2024 г. № 19-02/52957л.

² См., например: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»; распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы».

В развитие правил ст. 52 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» на субфедеральном уровне детализируется право беременных женщин на обеспечение полноценным питанием. В субъектах Российской Федерации права на получение продуктов дополнительного питания обусловлены выдачей медицинского заключения о нарушении здоровья и в целом имеют неравный объем. Изложенное также указывает на то, что беременность относят к числу юридических фактов-предпосылок лишь вкупе с иными обстоятельствами, позволяющими женщине обратиться за поддержкой.

Необходимо заключить, что беременности как состоянию свойственны те признаки, которые усматриваются в правовой науке у юридических фактов, в том числе у юридических фактов-состояний [Бутенко 2010: 9;

Беременность как юридически значимое состояние может отразить своеобразие отрасли права социального обеспечения

Исаков 1984: 13, 32–34]. Беременность всегда характеризуется внешними признаками, т. е. выражена вовне и определяется физиологическими и психологическими изменениями, происходящими с женщиной. Рассматриваемое состояние фиксируется (в том числе в виде диагноза) при постановке женщины на учет в связи с беременностью в медицинских организациях. С возникновением и продолжением беременности нормы права связывают обозначенные выше юридические последствия. Беременность как юридически значимое состояние может отразить своеобразие отрасли права социального обеспечения. Это иллюстрируется воплощенными в нормативных правовых актах представлениями общества о необходимости обеспечить безопасные условия для протекания беременности, о реализации в жизни беременной женщины определенных социальных рисков и необходимости защиты женщины от их негативных последствий.

Беременность как юридический факт выполняет и функции, присущие юридическим фактам. По мнению В. Н. Синюкова, юридические факты выступают необходимым эле-

ментом в структуре причинно-функциональной связи между общественными отношениями, правом и правоотношениями. Этот тезис сформулирован на основе множества высказанных в правовой науке мнений о том, что юридические факты служат основанием для движения правоотношения, элементом связи между нормой права и правоотношением, условием для возникновения правоотношения, причиной правоотношения, источником субъективного права, формой реализации правоотношения и субъективного права и предпосылкой для возникновения правоотношения [Синюков 1984: 75]. Подобной позиции сегодня придерживается Н. А. Карпунина, выделяя в качестве основной функции юридического факта его способность обеспечивать возникновение, изменение и прекращение правоотношений [Карпунина 2010: 11].

Нужно отметить, что юридический факт-состояние беременности выполняет дополнительные выделяемые Н. А. Карпуниной функции: стимулирование воздействия права

на общественные отношения, ограничение пределов усмотрения, а также предотвращение и преодоление нарушений норм права.

Состояние беременности соответствует признакам юридического факта (в том числе юридического факта-состояния) и в контексте права социального обеспечения может быть рассмотрено как юридический факт, вызывающий сам по себе необходимость социального обеспечения, или юридический факт-предпосылка социального обеспечения, формирующий промежуточный правовой эффект до возникновения социально-обеспечительного правоотношения. При этом, на наш взгляд, важнейшая задача отраслевой науки – определение случаев, в которых состояние беременности должно выступать юридическим фактом именно первой или именно второй категории сообразно тем целям, которые стоят перед отраслью, и для обеспечения эффективного, своевременного и концептуально непротиворечивого социального обеспечения.

Список литературы

- Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 359 с.
- Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР. М.: Юрид. лит., 1980. 311 с.
- Безруков А. С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 27 с.
- Бондаренко Э. Н. Динамика трудового правоотношения: моногр. М.: Норма; Инфра-М, 2015. 190 с.
- Бутенко Е. И. Особенности юридических фактов в праве социального обеспечения России (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 29 с.
- Еременко Ю. Ю. Состояние здоровья работника в системе юридических фактов, влияющих на динамику трудового договора // Трудовое право. 2006. № 8. С. 80–85.
- Зайкин А. Д. Правоотношения по пенсионному обеспечению. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1974. 191 с.
- Иванова Р. И. Правоотношения по социальному обеспечению в СССР. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1986. 176 с.
- Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1984. 124 с.
- Карпунина Н. А. Юридические факты в пенсионном обеспечении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 29 с.
- Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.
- Комиссарова Е. Г., Пермяков А. В. Юридические факты и юридические состояния: проблемы теоретического освоения // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6. С. 73–78.
- Леванский В. А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М.: Наука, 1986. 155 с.
- Малеина М. Н. Болезнь как юридический факт-состояние, вызывающее правовые последствия // Медицинское право. 2016. № 3. С. 7–11.
- Новикова Ю. С. Место фактов-состояний в классификации юридических фактов // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2011. № 4. С. 139–141.

- Пермяков А. В. Заблуждение как юридический факт-состояние // Академический вестник. 2012. № 1. С. 92–98.
- Плетников В. С. Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции. Теоретико-правовое исследование // Антиномии. 2016. № 2. С. 121–135.
- Рыженков А. Я. Юридические факты в гражданском праве: моногр. М.: Юрлитинформ, 2022. 190 с.
- Синюков В. Н. Юридические факты в системе общественных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984. 227 с.
- Стальгевич А. К. Некоторые вопросы теории социалистических правоотношений // Советское государство и право. 1951. № 3. С. 23–33.
- Тарасова В. А. Юридические факты в области пенсионного обеспечения. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1974. 107 с.
- Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2001. 540 с.
- Ульбашев А. Х. Общее учение о личных правах. М.: Статут, 2019. 225 с.
- Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 351 с.
- Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: моногр. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 320 с.
- Чирков С. А. Юридические факты и фактические составы в пенсионном праве // Пенсия. 2018. № 2. С. 23–38.

Анна Васильевна Трутаева – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры трудового и социального права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. 644077, Российская Федерация, Омск, пр-т Мира, д. 55-А. E-mail: annatrutaeva@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-5358-4252

Pregnancy as a Legal Fact in Social Security Law

The author has made an attempt to consider pregnancy as a legal fact from the point of view of its signs, structure, functions, emphasized in legal science (in general legal and sectoral aspects). The works on the theory of law and social security law are chosen as a basis. The belonging of pregnancy as a legal fact to the category of a legal fact-state is analyzed. Having studied the works of domestic researchers, the author proposes a normative model of pregnancy as a legal fact, and comments on the ideological and real models of pregnancy as a legal fact-state. The paper takes into account the division of legal facts into grounds for social security and prerequisites for social security legal relations, which is traditional for the science of social security law. The rules of normative legal acts in the relevant field have also been considered. The author concludes that the task of the branch science is to determine the cases in which the state of pregnancy should be a legal fact of the first or the second category in accordance with the objectives of the branch.

Keywords: social security, pregnancy, legal fact

Recommended citation

Trutaeva A. V. Beremennost' kak yuridicheskii fakt v prave sotsial'nogo obespecheniya [Pregnancy as a Legal Fact in Social Security Law], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 25–35, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-25-35.

References

- Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law], in 2 vols., Moscow, Yurid. lit., 1982, vol. 2, 359 p.
- Andreev V. S. *Pravo sotsial'nogo obespecheniya v SSSR* [The Law of Social Security in the USSR], Moscow, Yurid. lit., 1980, 311 p.

Bezrukov A. S. *Pravovaya model' kak instrument yuridicheskoi nauki i praktiki* [The Legal Model as a Tool of Legal Science and Practice]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Vladimir, 2008, 27 p.

Bondarenko E. N. *Dinamika trudovogo pravootnosheniya* [Dynamics of Labor Relations], Moscow, Norma, Infra-M, 2015, 190 p.

Butenko E. I. *Osobennosti yuridicheskikh faktov v prave sotsial'nogo obespecheniya Rossii (teoreticheskii aspekt)* [Features of Legal Facts in the Law of Social Security in Russia (Theoretical Aspect)]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Saint Petersburg, 2010, 29 p.

Cherdantsev A. F. *Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii* [Logical-Linguistic Phenomena in Jurisprudence], Moscow, Norma, Infra-M, 2012, 320 p.

Chirkov S. A. *Yuridicheskie fakty i fakticheskie sostavy v pensionnom prave* [Legal Facts and Actual Compositions in Pension Law], *Pensiya*, 2018, no. 2, pp. 23–38.

Eremenko Yu. Yu. *Sostoyanie zdorov'ya rabotnika v sisteme yuridicheskikh faktov, vliyayushchikh na dinamiku trudovogo dogovora* [The State of Health of an Employee in the System of Legal Facts Affecting the Dynamics of an Employment Contract], *Trudovoe pravo*, 2006, no. 8, pp. 80–85.

Isakov V. B. *Yuridicheskie fakty v sovetskom prave* [Legal Facts in Soviet Law], Moscow, Yurid. lit., 1984, 124 p.

Ivanova R. I. *Pravootnosheniya po sotsial'nomu obespecheniyu v SSSR* [Legal Relations Regarding Social Security in the USSR], Moscow, Izd-vo Moskov. un-ta, 1986, 176 p.

Karpunina N. A. *Yuridicheskie fakty v pensionnom obespechenii* [Legal Facts in Pension Provision]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2010, 29 p.

Keчек'yan S. F. *Pravootnosheniya v sotsialisticheskom obshchestve* [Legal Relations in a Socialist Society], Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958, 187 p.

Khalfina R. O. *Obshchee uchenie o pravootnoshenii* [The General Doctrine of Legal Relations], Moscow, Yurid. lit., 1974, 351 p.

Komissarova E. G., Permyakov A. V. *Yuridicheskie fakty i yuridicheskie sostoyaniya: problemy teoreticheskogo osvoeniya* [Legal Facts and Legal Conditions: Problems of Theoretical Development], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2018, no. 6, pp. 73–78.

Levanskii V. A. *Modelirovanie v sotsial'no-pravovykh issledovaniyakh* [Modeling in Social and Legal Research], Moscow, Nauka, 1986, 155 p.

Maleina M. N. *Bolezn' kak yuridicheskii fakt-sostoyanie, vyzyvayushchee pravovye posledstviya* [Disease as a Legal Fact-Condition Causing Legal Consequences], *Meditinskoe pravo*, 2016, no. 3, pp. 7–11.

Novikova Yu. S. *Mesto faktov-sostoyanii v klassifikatsii yuridicheskikh faktov* [The Place of Facts-States in the Classification of Legal Facts], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Ekonomika i pravo*, 2011, no. 4, pp. 139–141.

Permyakov A. V. *Zabluzhdenie kak yuridicheskii fakt-sostoyanie* [Delusion as a Legal Fact-State], *Akademicheskii vestnik*, 2012, no. 1, pp. 92–98.

Pletnikov V. S. *Ponyatie i vidy modelei v sovremennoi otvetstvennoi yurisprudentsii. Teoretiko-pravovoe issledovanie* [The Concept and Types of Models in Modern Domestic Jurisprudence. Theoretical and Legal Research], *Antinomii*, 2016, no. 2, pp. 121–135.

Ryzhenkov A. Ya. *Yuridicheskie fakty v grazhdanskom prave* [Legal Facts in Civil Law], Moscow, Yurlitinform, 2022, 190 p.

Sinyukov V. N. *Yuridicheskie fakty v sisteme obshchestvennykh otnoshenii* [Legal Facts in the System of Public Relations]: cand. jur. sc. thesis, Sverdlovsk, 1984, 227 p.

Stal'gevich A. K. *Nekotorye voprosy teorii sotsialisticheskikh pravootnoshenii* [Some Questions of the Theory of Socialist Legal Relations], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1951, no. 3, pp. 23–33.

Tarasova V. A. *Yuridicheskie fakty v oblasti pensionnogo obespecheniya* [Legal Facts in the Field of Pension Provision], Moscow, Izd-vo Moskov. un-ta, 1974, 107 p.

Trubetskoi E. N. *Trudy po filosofii prava* [Works on the Philosophy of Law], Saint Petersburg, Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. in-ta, 2001, 540 p.

Ul'bashev A. Kh. *Obshchee uchenie o lichnykh pravakh* [The General Doctrine of Personal Rights], Moscow, Statut, 2019, 225 p.

Zaikin A. D. *Pravootnosheniya po pensionnomu obespecheniyu* [Legal Relations on Pension Provision], Moscow, Izd-vo Moskov. un-ta, 1974, 191 p.

Anna Trutaeva – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of labor and social law, Dostoevsky Omsk State University. 644077, Russian Federation, Omsk, Mira ave., 55-A. E-mail: annatrutaeva@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-5358-4252

Дата поступления в редакцию / Received: 30.06.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 05.08.2024

А. И. Нечаев, Н. А. Чудиновская, В. В. Ярков

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

**ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ
ДЕЛ О СНОСЕ САМОВОЛЬНЫХ ПОСТРОЕК
В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
ОТ 12 ДЕКАБРЯ 2023 г. № 44**

Авторы рассматривают такие вопросы, как определение надлежащего ответчика, иных субъектов спора, особенности процессуального правопреемства в делах о сносе самовольных построек в контексте принятого 12 декабря 2023 г. постановления Пленума Верховного Суда РФ № 44. В статье постулируется идея о связи надлежащего характера ответчика по делам о сносе самовольной постройки с его виновным противоправным поведением. Учитывать волю участников процессуальной сукцессии предлагается, только если спор частноправовой. Авторы обсуждают вопрос о влиянии характера спора о сносе самовольной постройки на процессуальную форму его разрешения, разграничивают споры, рассматриваемые в порядке гражданского и административного судопроизводства.

Кроме того, в статье затрагиваются вопросы предмета иска о сносе самовольной постройки, в том числе возможность самостоятельно заявить требование о признании постройки самовольной без требования о ее сносе. Предлагается решать вопрос о возможности заявления такого требования в контексте концепции промежуточных судебных решений. Авторы рассматривают вопрос о различиях в предмете доказывания в зависимости от заявленного требования, а также о средствах доказывания, в частности об отдельных особенностях назначения судебной экспертизы. Критикуется точка зрения, в соответствии с которой судебную экспертизу по делам такой категории можно проводить только в государственных экспертных учреждениях. Обсуждаются возможность принятия альтернативных судебных решений по делам о сносе самовольной постройки и вопросы, связанные с их исполнением.

Ключевые слова: самовольная постройка, надлежащий ответчик, снос самовольной постройки, признание права собственности на самовольную постройку, предмет доказывания, судебная строительно-техническая экспертиза, землеустроительная экспертиза

Для цитирования

Нечаев А. И., Чудиновская Н. А., Ярков В. В. Особенности рассмотрения дел о сносе самовольных построек в свете постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 36–44. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-36-44.

УДК 347.9

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-36-44

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 (далее – Постановление № 44) охватывает широкий круг проблем, возникающих при рассмотрении дел, касающихся самовольных построек. Принятые разъяснения не только дали ответы на некоторые вопросы, возникающие

в судебной практике, но и, как представляется, поставили перед юридической наукой и практикой ряд новых.

Субъектный состав. Определение субъектного состава правового спора – одна из первоочередных задач при его разрешении судом, что прямо вытекает из ст. 148 ГПК,

ч. 1 ст. 133 АПК РФ. Для выявления надлежащего ответчика нужно в первую очередь установить взаимосвязь этого лица со спорным материальным правоотношением, а именно его существование в этом правоотношении в качестве обязанной стороны (если заявлен иск о присуждении) или наличие иного юридического интереса (если, например, заявлен иск о признании). Пункт 13 Постановления № 44 определяет надлежащего ответчика по иску о сносе самовольной постройки как лицо, осуществившее ее строительство. Подчеркивается, что это лицо, по воле которого постройка возведена, т. е. заказчик, а не подрядчик. При этом необходимо отграничить «технического» заказчика – профессиональную строительную организацию, осуществляющую подбор проекта, надзор за подрядчиками, ответственную за получение разрешительной документации, – от заказчика как лица, в чьих интересах ведется строительство. Думается, что по смыслу указанных разъяснений «технический» заказчик не может быть надлежащим ответчиком.

Наиболее спорным представляется вопрос об определении надлежащего ответчика в том случае, если спорная постройка не находится во владении лица, которое ее возвело.

Согласно Постановлению № 44 в такой ситуации отвечать должно лицо, которое стало бы собственником, если бы постройка не являлась самовольной (например, в случае отчуждения самовольной постройки – ее приобретатель; наследник, принявший наследство в виде земельного участка, на котором расположена такая постройка). Авторы разъяснения избегают термина «владелец», по всей вероятности, чтобы не предъявлять требований к арендаторам и иным лицам, которые не имеют перспектив приобретения объекта в собственность, а также чтобы подчеркнуть незаконность владения. Указанное разъяснение практически полностью совпадает с доводами, приводившимися в ранее действовавшем п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

В этом разъяснении есть некоторое противоречие с подходами Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал,

что «обязанность снести самовольную постройку представляет собой санкцию за совершенное правонарушение», в связи с чем «недопустимым является возложение на невиновное лицо обязанности по сносу за свой счет самовольной, не им созданной постройки, т. е. суды в каждом конкретном деле, касающемся сноса самовольной постройки, должны исследовать обстоятельства создания такой постройки, устанавливая лицо или лиц, осуществлявших данное строительство и / или являвшихся заказчиками этого строительства, с тем чтобы возложить именно на них ответственность»¹.

Наконец, если не установлены и такие лица, то ответчиком согласно Постановлению № 44 должно стать лицо, в собственности или во владении которого находится земельный участок, на котором возведено строительство.

Постановление № 44 никак не затрагивает ситуации, в которых в деле участвует несколько лиц на стороне ответчика, например если самовольное строительство осуществлено несколькими лицами. В этой ситуации может возникнуть вопрос о дифференциации ответственности, в том числе в части распределения обязанностей по сносу или приведению постройки в соответствие с установленными требованиями. Такая дифференциация может привести к затруднениям на стадии исполнения решения. Однако если решение исполняется за счет ответчиков с последующим взысканием денежных средств в пользу взыскателя, самостоятельно осуществившего снос, то такое распределение в денежном выражении возможно.

В п. 11 Постановления № 44 сказано, что, если в спорной постройке проживают граждане, имеющие право пользования жилым помещением, требование о сносе может быть удовлетворено только с одновременным разрешением вопроса о выселении таких лиц. Очевидно, эти граждане должны быть привлечены к участию в деле в качестве ответчиков. Правовое значение будут иметь не только факт их регистрации по месту жительства (который сам по себе дает основания предполагать наличие права проживания), но и иные

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 октября 2018 г. № 2689-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Тупикиной Наталии Владимировны на нарушение ее конституционных прав абзацем вторым пункта 2 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации.

юридические факты, лежащие в основании права пользования (например, наличие статуса члена семьи собственника в соответствии со ст. 31 Жилищного кодекса РФ).

Интересно разъяснение о процессуальном правопреемстве в случае отчуждения или перехода права на земельный участок в порядке универсального правопреемства (п. 38). Если имеется принятое против прежнего правообладателя земельного участка и не исполненное решение суда о сносе самовольной постройки или ее приведении в соответствие с установленными требованиями, обязанность по исполнению решения возлагается на нового правообладателя земельного участка. Такое толкование, очевидно, направлено на то, чтобы достичь процессуальной экономии и избежать злоупотреблений со стороны лиц, в отношении которых принято соответствующее решение (например, отсрочить исполнение путем продажи земельного участка). Логично предположить, что процессуальное правопреемство произойдет и в случае перехода права на земельный участок в ходе рассмотрения дела. При этом возникает вопрос о значении воли сукцедента и сукцессора для соответствующей замены. В литературе высказывалось мнение о необходимости учитывать волю участников процесса или вновь вовлекаемых в него лиц для процессуальной сукцессии [Абушенко 2012: 7].

Предположим, истец возражает против замены ответчика с прежнего правообладателя участка на нового, поскольку вероятность исполнения решения новым должником, по его мнению, ниже. Или же новый правообладатель будет вполне ожидаемо возражать против того, чтобы встать на место прежнего по причине, например, незнания о вынесенном судебном решении на момент приобретения участка. Учет ли суд такое возражение? Представляется, что ответ на этот вопрос зависит от наличия в деле публичного интереса. Если иск о сносе самовольной постройки предъявлен в публичных интересах, в том числе в ситуации, когда сохранение постройки создает угрозу жизни и здоровью граждан, то правопреемство должно осуществляться независимо от воли как сукцедента, так и сукцессора. Если же иск направлен в защиту частного интереса, то при определенных обстоятельствах волеизъявление участников процесса может быть учтено.

Вид судопроизводства. В литературе высказывалось мнение о том, что «спор о сносе строения в связи с несоблюдением строительных нормативов и правил оказывается административным, а спор о сносе строения, возведенного на чужом земельном участке, — частноправовым» [Ерохова 2006: 16]. Однако если спор является административным, то не правильно ли рассматривать его в соответствующей процессуальной форме, т. е. в соответствии с КАС РФ? Так, если лицу отказано в выдаче разрешения на строительство, то оспаривание этого административного акта будет осуществляться по правилам административного судопроизводства. Решение о сносе самовольной постройки, принятое в административном порядке, может быть оспорено в порядке административного судопроизводства.

Верховный Суд РФ в п. 1 постановления Пленума от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» разъясняет, что «к административным делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику». Как видится, спор о сносе самовольной постройки по таким основаниям вполне укладывается в рамки административного судопроизводства. Тем не менее в настоящее время на практике такие дела рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства.

Особенности иска и определения предмета исковых требований. Характеризуя предмет иска по делам о сносе самовольных построек, необходимо разрешить вопрос о возможности одновременно предъявить требования о признании постройки самовольной и о ее сносе, а также о возможности предъявить иск о признании объекта самовольной постройкой без требований о сносе.

В судебной практике одинаково распространены как случаи рассмотрения дел исключительно по требованию о сносе са-

мовольной постройки¹, так и случаи объединения в исковом заявлении требований о признании постройки самовольной и о ее сносе². Отсутствие в судебной практике единообразия по данному вопросу объективно объясняется действием принципа диспозитивности: предмет иска определяет истец по своему усмотрению.

Думается, что при предъявлении требований о сносе самовольной постройки заявление отдельного требования о признании такой постройки самовольной излишне. Факт самовольного строительства неизбежно будет входить в предмет доказывания по делу. Подобный подход широко распространен в цивилистическом процессе при рассмотрении дел различных категорий. Например, предъявление иска о признании права собственности в порядке наследования исключает безусловную необходимость заявлять отдельные требования о включении имущества в наследственную массу, об установлении факта принятия наследства и др.

Разрешение вопроса о возможности заявления требований о признании постройки самовольной в качестве иска о признании без требований о сносе затрагивает область допустимости вынесения промежуточных решений. Подробное исследование этой проблематики было проведено С. К. Загайновой, которая определяет промежуточное решение как «судебный акт, который, будучи вынесен по одному материально-правовому требованию, является основанием (юридическим фактом) для вынесения решения по другому материально-правовому вопросу» [Загайнова 2007: 281]. С учетом приведенной дефиниции возможность предъявления требований о признании постройки самовольной зависит от наличия у истца материально-правового интереса, т. е. от цели обращения в суд. Можно предположить, что подобные требования могут быть предъявлены в целях последующего изменения границ земельного участка, взыскания убытков, компенсации морального вреда.

Доказывание. Переходя к вопросам доказывания по делам о сносе самовольной

постройки, важно проанализировать выраженные в Постановлении № 44 правовые позиции по вопросам предмета доказывания, распределения бремени доказывания и круга допустимых доказательств.

Предмет доказывания по искам о сносе самовольной постройки шире, чем по искам о признании постройки самовольной. Для признания постройки самовольной необходимо установить наличие у нее одного из признаков, предусмотренных в ст. 222 ГК РФ. Однако этого недостаточно для удовлетворения требований о сносе. В п. 25 Постановления № 44 Верховный Суд подчеркивает, что снос объекта самовольного строительства – крайняя мера, и указывает на необходимость соблюдать баланс между публично-правовыми интересами и устойчивостью хозяйственного оборота. Соответственно в предмет доказывания по требованиям о сносе входят обстоятельства, которые препятствуют использованию самовольной постройки: несоответствие ее требованиям безопасности и нарушение прав третьих лиц.

При предъявлении требований о сносе самовольной постройки заявление отдельного требования о признании такой постройки самовольной излишне

Интересны разъяснения, данные Верховным Судом в п. 30 Постановления № 44. Фактически речь идет об ограничении действия принципа состязательности и о наделении суда определенной долей процессуальной активности в доказывании. Независимо от того, заявлены ли истцом исключительно требования о сносе либо альтернативно требования о сносе или приведении постройки в соответствие с требованиями закона, суду следует включать в предмет доказывания вопрос о том, можно ли устранить нарушения, допущенные при строительстве. Эти разъяснения направляют судебную практику на поиск возможностей сохранить самовольную постройку, что обусловлено соображениями экономической целесообразности, стремлением максимально вовлечь самовольные постройки в налоговый оборот.

Как уже говорилось, сложившаяся практика не предусматривает возможности рас-

¹ См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 марта 2024 г. № 18-КГ23-226-К4.

² См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 марта 2024 г. № 18-КГПР23-220-К4.

смотреть требования о сносе самовольных построек по правилам административного судопроизводства. Соответственно, в делах данной категории не могут применяться презумпции, характерные для публичных правоотношений. М. З. Шварц отмечает, что в законе скрыта доказательственная презумпция: сам факт осуществления строительства без разрешения приводит к выводу о наличии презумпции нарушения прав граждан таким строительством [Шварц 2020: 121]. Однако непосредственно из закона такая презумпция не следует.

Бремя доказывания распределяется по общим правилам ст. 56 ГПК РФ, которых не всегда достаточно. При рассмотрении исков о сносе самовольных построек стороны зачастую заявляют взаимоисключающие требования о сносе самовольной постройки и о признании права собственности на нее. При этом в предмет доказывания по обоим искам входит факт наличия или отсутствия угрозы жизни и здоровью граждан, для проверки которого требуется проведение экспертизы. В таком случае вопрос распределения бремени доказывания непосредственно связан с определением стороны, которая должна оплачивать соответствующую экспертизу.

В судебной практике вопрос распределения бремени доказывания по требованиям о сносе самовольной постройки решается неоднозначно. Так, Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в постановлении от 20 февраля 2024 г. по делу № А33-12890/2022 указал, что обязанность по доказыванию соответствия постройки градостроительным и иным правилам должна лежать на лице, которое осуществило строительство. В данном случае суд основывался на презумпции, названной М. З. Шварцем. Однако в практике судов общей юрисдикции более распространен подход, согласно которому на стороны возлагаются взаимные обязанности по доказыванию: одна сторона доказывает факт соответствия постройки всем необходимым требованиям, а другая – факт нарушения прав и законных интересов сохранением самовольной постройки¹. Последняя позиция видится более обоснованной.

¹ См., например: определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2024 г. № 88-1182/2024; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24 августа 2022 г. № 88-22270/2022 по делу № 2-494/2021 и др.

Следует также учитывать, что в действующем процессуальном законодательстве прямо не говорится о том, что доказыванию подлежат только положительные факты. Однако в п. 32 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.) указано, что возложение на сторону бремени доказывания отрицательного факта по общему правилу «недопустимо с точки зрения поддержания баланса процессуальных прав и гарантий их обеспечения». Соответственно, если в качестве основания исковых требований выступает, например, отсутствие разрешения на строительство, бремя доказывания наличия такого разрешения переходит на ответчика.

В контексте анализа допустимых доказательств следует обратить особое внимание на субъектов проведения строительно-технической экспертизы по делам о самовольных постройках.

Распоряжением Правительства РФ от 31 октября 2023 г. № 3041-р было дополнено распоряжение Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями». В частности, был добавлен раздел VIII «Судебные экспертизы по гражданским делам, связанным с самовольным строительством. Судебная строительно-техническая экспертиза». Таким образом, проведение судебной экспертизы как по делам о признании постройки самовольной, так и по требованиям о ее сносе или приведении в соответствие с требованиями законодательства может быть поручено исключительно государственным экспертным учреждениям.

Отметим, что в силу ст. 1 ГПК РФ и ст. 3 АПК РФ распоряжения Правительства не являются источниками гражданского процессуального права, что ставит под сомнение обоснованность применения указанных положений. Кроме того, обозначенный правовой подход вызывает значительные затруднения на практике в связи с недостаточным количеством государственных экспертов соответствующей специальности. Для выхода из сложившейся ситуации можно применить логику, использованную Верховным Судом РФ в решении от 24 марта 2022 г.

№ АКПИ22-93 применительно к делам об оспаривании кадастровой стоимости.

Рассматривая вопрос о признании частично недействующим перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, Верховный Суд пришел к выводу, что указанный перечень не противоречит процессуальному законодательству, поскольку не запрещает проведение экспертиз иных видов, прямо не поименованных в Распоряжении. Соответственно, по делам, связанным с самовольными постройками, в государственном экспертном учреждении должна проводиться именно строительно-техническая экспертиза. При этом проведение экспертиз иных видов (например, инженерной экспертизы, экспертизы строительной и сметной документации, экспертизы технического состояния зданий и сооружений и др.) может быть поручено частным экспертам.

Кроме того, возникает вопрос о процессуальных последствиях проведения строительно-технической экспертизы негосударственным экспертным учреждением. Ряд авторов приходят к выводу о том, что такое заключение должно быть признано недопустимым доказательством, поскольку в качестве эксперта выступило «недолжное лицо» [Елагина 2022: 397].

В соответствии с ч. 3 ст. 64 АПК РФ не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. В ст. 68 АПК РФ и ст. 60 ГПК РФ понятие допустимости доказательств также сформулировано с опорой именно на закон. Однако в данном случае речь идет о нарушениях не закона, а подзаконного акта Правительства РФ, который, как было отмечено, источником гражданского и арбитражного процессуального права не является.

Таким образом, основания для признания заключений строительно-технической экспертизы, проведенной экспертом негосударственного экспертного учреждения, недопустимым доказательством весьма сомнительны.

Исполнение судебного акта. В пп. 31–33 Постановления № 44 Верховный Суд разъясняет, что устранимость допущенных нарушений выступает основанием для вынесения решения, которое одновременно предусматривает два возможных способа исполнения: снос объекта самовольного строительства

и приведение его в соответствие с требованиями закона. Способ исполнения выбирает должник.

Вопрос о вынесении альтернативных решений связан с вопросом о возможности предъявления альтернативных исков. Они требуют большого и специального исследования, отметим только несколько аспектов. Многие нормы права предусматривают альтернативные санкции, которые, имея в целом общее фактическое основание, позволяют использовать одновременно несколько различных способов защиты. Во многих иностранных правовых порядках [Филатова, Ерохина 2023], а также в международном коммерческом арбитраже предъявление исков с альтернативными требованиями вполне допустимо и позволяет более успешно в рамках одного судебного процесса или арбитражного разбирательства разрешить спор, исключить возникновение новых процессов с иными требованиями. Тем самым сужаются возможности злоупотребления правом в условиях отрицания концепции альтернативных исков при отсутствии полного тождества исков.

В науке процессуального права оба вопроса являются дискуссионными. Например, ряд ученых считает возможным предъявление альтернативных исков [Абушенко 2015: 12; Кашкарова 2014: 151; Филатова, Ерохина 2023]. Е. А. Царегородцева отрицает возможность вынесения альтернативных решений, указывая, что «в альтернативном решении обязанная сторона сама выбирает способ исполнения решения, следовательно, решение не является окончательным» [Гражданский процесс 2022: 412]. Однако вопрос об окончательности альтернативного решения можно поставить иначе: оно окончательно в рамках установленных судом альтернатив его исполнения. В связи с этим вынесение альтернативного решения по делам о самовольных постройках направлено на достижение процессуальной экономии, баланса между частными и публичными интересами и может быть признано прогрессивной конструкцией, позволяющей мотивировать должника на поиск оптимального варианта исполнения решения с учетом важности наличия жилья как необходимого элемента жизни человека в обществе.

В литературе анализируемая конструкция оценивается в основном положительно. Так,

Д. А. Мальбин указывает, что «формализм права не должен преобладать над здравым смыслом» [Мальбин 2023: 9], принятие по делам о самовольных постройках решений с двумя альтернативными вариантами исполнения автор считает политически обоснованным и благоприятным для гражданского оборота.

Подводя итоги, отметим, что принятие Пленумом ВС РФ самостоятельного постановления по вопросам самовольного строительства следует расценивать как значительный шаг вперед в практике рассмотрения

споров данной категории. Многие коллизионные вопросы получили в Постановлении № 44 окончательное толкование. При этом ряд вопросов, обозначенных в настоящей статье, сохраняет актуальность. Думается, их целесообразно разрешить путем дополнения Постановления № 44. Вместе с тем на данном этапе какие-либо дополнения видятся преждевременными, поскольку новые правовые позиции Верховного Суда только начали применяться и весь спектр коллизионных вопросов пока оценить трудно.

Список литературы

Абушенко Д. Б. Альтернативные иски: теоретические основы правовой конструкции // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 6. С. 12–19.

Абушенко Д. Б. Согласованное волеизъявление заинтересованных субъектов как основание процессуального правопреемства в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 5. С. 5–9.

Гражданский процесс: учеб. для студентов юрид. высш. учеб. заведений / отв. ред. В. В. Ярков. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. 734 с.

Елагина Е. В. Отдельные вопросы судебной оценки заключения эксперта // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 4. С. 384–398.

Ерохова М. А. Конкуренция требований по Гражданскому кодексу России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.

Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. 400 с.

Кашкарова И. Н. К вопросу о возможности предъявления альтернативных (факультативных) исков в состязательном процессе // Закон. 2014. № 3. С. 151–159.

Мальбин Д. А. Обзор Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // Цивилист. 2024. № 1. С. 5–13.

Филатова М. А., Ерохина В. Е. Предпосылки внедрения альтернативных и факультативных исков в гражданском судопроизводстве: сравнительно-правовой взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 5. С. 188–205.

Шварц М. З. Существует ли презумпция добросовестности налогоплательщика? // Арбитражные споры. 2020. № 2. С. 117–132.

Александр Ильич Нечаев – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: a.i.nechaev@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-4006-8144

Наталья Андреевна Чудиновская – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: chudinovskayana@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-7450-0361

Владимир Владимирович Ярков – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Ураль-

ского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: yarkov5995@gmail.com.
ORCID: 0000-0003-2644-5940

**Specific Features of Consideration of Cases
on Demolition of Unauthorized Structures in the Light of the Resolution
of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation
No. 44 of December 12, 2023**

The authors consider such issues as determination of the proper defendant, other subjects of the dispute, features of procedural succession in cases on demolition of unauthorized structures in the context of the Resolution No. 44 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation adopted on December 12, 2023. The article postulates the idea of a connection between the proper character of the defendant in cases of demolition of an unauthorized building and his culpable unlawful behavior. It is proposed to take into account the will of the participants in the procedural succession only if the case is of a private law nature. The authors discuss the issue of the influence of the nature of the dispute on the demolition of an unauthorized building on the procedural form of its resolution, and distinguish between disputes considered in the civil and administrative proceedings.

In addition, the article touches upon the subject of the claim for the demolition of an unauthorized building, including the possibility of independently filing a claim for recognition of the building as unauthorized without a claim for its demolition. It is proposed to resolve the issue of the possibility of filing such a claim in the context of the concept of interim court decisions. The authors consider the differences in the subject of proof depending on the stated claim, as well as the means of proof, in particular, certain features of the appointment of a forensic examination. The point of view is criticized, according to which a forensic examination for such cases is possible only in state expert institutions. The article discusses the possibility of adopting alternative judicial decisions in cases of demolition of unauthorized constructions and issues related to its execution.

Keywords: *unauthorized construction, proper defendant, demolition of unauthorized constructions, recognition of ownership of an unauthorized construction, subject of proof, judicial construction and technical expertise, land management expertise*

Recommended citation

Nechaev A. I., Chudinovskaya N. A., Yarkov V. V. Osobennosti rassmotreniya del o snose samovol'nykh postroek v svete postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 12 dekabrya 2023 g. № 44 [Specific Features of Consideration of Cases on Demolition of Unauthorized Structures in the Light of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 44 of December 12, 2023], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 36–44, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-36-44.

References

Abushenko D. B. Al'ternativnye iski: teoreticheskie osnovy pravovoi konstruktsii [Alternative Claims: Theoretical Foundations of the Legal Structure], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2015, no. 6, pp. 12–19.

Abushenko D. B. Soglasovannoe voleiz'yavlenie zainteresovannykh sub'ektov kak osnovanie protsessual'nogo pravopremstva v tsivilisticheskom protsesse [Agreed Expression of Will of Interested Parties as a Basis for Procedural Succession in Civil Procedure], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2012, no. 5, pp. 5–9.

Elagina E. V. Otdel'nye voprosy sudebnoi otsenki zaklyucheniya eksperta [Certain Issues of Judicial Assessment of an Expert Opinion], *Siberian Law Review – Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 384–398.

Erokhova M. A. Konkurentsya trebovanii po Grazhdanskomu kodeksu Rossii [Competition of Claims under the Civil Code of Russia]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2006, 28 p.

Filatova M. A., Erokhina V. E. Predposylki vnedreniya al'ternativnykh i fakul'tativnykh iskov v grazhdanskom sudoproizvodstve: sravnitel'no-pravovoi vzglyad [Prerequisites for the Introduction of Alternative and Optional Claims in Civil Proceedings: A Comparative Legal View], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2023, no. 5, pp. 188–205.

Kashkarova I. N. K voprosu o vozmozhnosti pred'yavleniya al'ternativnykh (fakul'tativnykh) iskov v sostyazatel'nom protsesse [On the Issue of the Possibility of Filing Alternative (Optional) Claims in Adversarial Proceedings], *Zakon*, 2014, no. 3, pp. 151–159.

Mal'bin D. A. Obzor Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 12 dekabrya 2023 g. № 44 «O nekotorykh voprosakh, vznikayushchikh v sudebnoi praktike pri primenenii norm o samovol'noi postroike» [Review of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 12, 2023 No. 44 «On Certain Issues Arising in Judicial Practice When Applying the Rules on Unauthorized Construction»], *Tsivist*, 2024, no. 1, pp. 5–13.

Shvarts M. Z. Sushchestvuet li prezumpsiya dobrosovestnosti nalogoplatel'shchika? [Is There a Presumption of Taxpayer's Good Faith?], *Arbitrazhnye spory*, 2020, no. 2, pp. 117–132.

Yarkov V. V. (ed.) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure], Moscow, Statut, 2022, 734 p.

Zagainova S. K. *Sudebnye akty v mekhanizme realizatsii sudebnoi vlasti v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Judicial Acts in the Mechanism of Implementation of Judicial Power in Civil and Arbitration Procedures], Moscow, Wolters Kluwer, 2007, 400 p.

Alexander Nechaev – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: a.i.nechaev@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-4006-8144

Natalya Chudinovskaya – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: chudinovskayana@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-7450-0361

Vladimir Yarkov – honored scientist of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, professor, head of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: yarkov5995@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-2644-5940

Дата поступления в редакцию / Received: 23.07.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 23.08.2024

Н. А. Тряпочкин

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург)

К. И. КОМИССАРОВ. ПРИЗНАННЫЙ, НО НЕ БЕССПОРНЫЙ ФАКТ

Вот уже несколько веков отечественные ученые-юристы ведут довольно сложную дискуссию о том, что представляет собой цивилистическое судебное признание – одно из средств доказывания по рассматриваемому судом гражданскому (или арбитражному) делу или волевой акт участвующих в деле лиц, направленный на освобождение процессуального оппонента от обязанности доказывать признанные ими обстоятельства.

Автор отмечает, что в советский период упомянутая дискуссия почти свелась на нет, и рассматривает причины, по которым были отринуты распорядительная и комбинированная (смешанная) теории о признании фактов. Большое внимание в результате этого отказа советские ученые стали уделять доказательственной теории. Вместе с тем лишь малая часть трудов затрагивает проблематику терминологического аппарата в данной сфере. Первым, кто обратил внимание на то, что признание не есть бесспорный факт, освобождающий от доказывания, стал К. И. Комиссаров. В статье анализируются приводимые им аргументы и подчеркивается вклад ученого в развитие отечественной процессуальной науки.

Ключевые слова: гражданский процесс, признание фактов, факт, лица, участвующие в деле, суд

Для цитирования

Тряпочкин Н. А. К. И. Комиссаров. Признанный, но не бесспорный факт // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 45–51. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-45-51.

УДК 347.944.2

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-45-51

В отечественном цивилистическом процессе признание лицами, участвующими в деле, фактов – явление весьма интригующее и неоднозначное.

Некоторые российские ученые-процессуалисты указывают, что признание фактов выступает одним из средств доказывания по делу и может быть представлено к исследованию судом лицами, участвующими в деле (доказательственная теория), а также их представителями и третьими лицами [Михайлов 1856: 127–128; Пахман 1877: 410–412].

Другие, напротив, подробно излагают мысль о том, что признание факта, предмета доказывания по рассматриваемому делу или правовой квалификации правоотношения между спорящими лицами есть не что иное, как распорядительный акт стороны, которым

она освобождает своего процессуального оппонента от обязанности доказывать тот круг обстоятельств, который формирует предмет заявленного суду признания (распорядительная теория) [Малинин 1878: 11–16; Гольмстен 1913: 197].

Третьи полагают, что единожды адресованное суду признание в момент своего заявления суду представляет собой волевой акт стороны, а после его принятия судом и закрепления в материалах дела становится одним из средств доказывания (комбинированная (смешанная) теория) [Васьковский 2016: 578; Полумордвинов 1940: 126].

Четвертые обходят представленную дискуссию о правовой природе цивилистических судебных признаний стороной, полагая, что прежде необходимо разобраться, как

следует определять их предмет [Юдельсон 1951: 205–207].

Наконец, кто-то и вовсе говорит о том, что верно вести рассуждения об объектах признаний как о более широкой области исследований, постепенно уточняя ее отдельные грани [Пучинский 1955: 34; Клейнман 1950: 62].

Такой плюрализм был характерен для отечественной юридической науки далеко не всегда. Развитие правовой (в первую очередь процессуальной) науки в советский период, о котором преимущественно и пойдет речь дальше, к сожалению, свело упомянутую дискуссию о природе признания фактов и их предметной области фактически на нет. Ученое сообщество стало твердо настаивать на том, что советская юридическая наука должна быть избавлена от всех буржуазных пережитков. Одними из них как раз и были признаны распорядительная и комбинированная теории о признании фактов.

Первая теория, очевидно, «отпала» по причине того, что судебная система советского периода скрупулезно следовала идеям процесса следственного типа. Единственным субъектом, во власти которого было распоряжение правами и обязанностями лиц, участвующих в деле, был суд. Сами тяжущиеся, всецело подчиняясь букве закона (ГПК РСФСР 1923 г., а затем ГПК РСФСР 1964 г.) и воле судьи, исполняли свои обязанности. Судья не только наблюдал за тем, как процессуальные оппоненты представляли к исследованию имеющиеся у них доказательства, но и, что полностью соответствовало доктрине, мог самостоятельно определять, достаточно ли их для нахождения материальной истины по делу или же необходимо предоставить ему для изучения что-то еще.

Вторая теория вполне логично «отправилась в небытие» за первой. Случилось это даже не столько потому, что она частично оправдывала существование акта волей самих тяжущихся и обязывала суд следовать этой воле, сколько, думается, ввиду абсурдности своего механизма заявления суду признаний в целом. Дробление признания на два самостоятельных вида с их последующим объединением, направляющее суд по верному пути исследования доказательств, с последующим нахождением искомой им, а также, как минимум, одним из тяжущихся истины по рассматриваемому делу [Васьковский

2016: 580–581], откровенно говоря, звучит весьма неубедительно. Если рассматривать эту теорию детальнее, то странностей становится еще больше.

Заявляя признание, лицо, участвующее в деле, по логике автора теории, стремится прежде всего освободить своего процессуального оппонента от обязанности доказывать конкретный факт [Там же: 580]. Очевидно, подобная «схема» прямо противоречит основам процесса следственного типа, в котором тяжущиеся вовсе не «помогают» друг другу, а следуют указаниям суда, чтобы он мог установить материальную истину по рассматриваемому делу. Вынесение объективно правосудного решения – вот единственный ориентир для любого судебного органа в анализируемый исторический период.

Превращение акта распоряжения волей в одно из средств доказывания по делу [Там же: 580–581] вызывает еще большее недоумение. Во-первых, ни в одной из союзных республик процессуальное законодательство не знало ни одного средства для трансформации воли в объективизированную составляющую, которую суд в дальнейшем воспринимал бы как одно из средств доказывания по разрешаемому им спору, тем более по освобождению от исполняемых им обязанностей лица, участвующего в деле, его процессуальным оппонентом. Во-вторых, не совсем ясно, как суд должен был в дальнейшем устанавливать соотношение такого доказательства с другими имеющимися в деле. Если критерии относимости и допустимости доказательств определить вполне можно, то установить истинный характер упомянутого выше средства доказывания можно лишь путем сопоставления его с другими уже имеющимися в деле доказательствами, чего суд и пытается добиться изначально.

Итак, отныне единственно верным подходом было принято считать следующий: заявленное суду лицом, участвующим в деле, признание факта всегда выступает в качестве одного из средств доказывания по делу. Однако наличия позитивного эффекта от произошедшего тоже нельзя отрицать: отказ от двух названных точек зрения, которые не нашли себе «места» в советской процессуальной доктрине, позволил ученым-юристам с головой «погрузиться» в анализ доказательственной теории.

Отдельного упоминания в контексте развития доказательственной теории о признании фактов в цивилистическом процессе в указанный период заслуживает исследование представителя уральской школы процессуального права профессора К. И. Комиссарова.

В то время многие ученые изучали границы предмета судебного признания [Пучинский 1955: 48–51], порой забывая, что еще неясно, о предмете или об объекте признания лучше вести речь, исследовали правовые последствия заявления такого признания (и момент их непосредственного наступления) [Зейдер 1926: 428–429], анализировали процедуры его принятия судом и возможного отказа в принятии (в частности, рассуждали об основаниях такого отказа) [Клейнман 1950: 64–72]. К. И. Комиссаров же обращал внимание на одну крайне важную, на наш взгляд, вещь: признание не есть бесспорный факт, освобождающий от доказывания. Такое смешение в целом кажется нелепым, недопустимым и подрывает саму логику существования и применения указанного процессуального института. К. И. Комиссаров – единственным и первым в тот момент – совершенно верно указал на обнаруженную им неточность в использовании юридической терминологии. Он писал: «Бесспорными называются факты, признанные стороной, против которой они направлены. Но совершенно очевидно, что одно только признание факта заинтересованной стороной не делает его бесспорно достоверным, поэтому было бы точнее именовать подобные факты не бесспорными, а неоспариваемыми или признанными» [Комиссаров 1971: 84].

Правильность сказанного не вызывает никаких сомнений. Действительно, признание лицом, участвующим в деле, факта вовсе не свидетельствует о том, что на самом деле он существовал или был таким, как описывает суду признающийся.

Во-первых, механизм принятия, исследования и последующей оценки судом признаний, заявленных ему лицами, участвующими в деле, в рамках применявшейся в советский период доказательственной теории включал всего один способ проверить достоверность адресованной суду информации: сопоставление нового полученного средства доказывания с другими, как уже имеющимися в деле, так и теми, которые появятся там чуть поз-

же, по ходу исследования судом представляемых ему доказательств. Таким образом, вопрос об истинности факта, засвидетельствованного признающимся, зависит от других представленных в деле доказательств, которых порой может быть недостаточно, или же которые могут подтверждать достоверность устанавливаемого факта лишь частично или косвенно.

Во-вторых, очевидно, что не всякое признание, полученное судом от лиц, участвующих в деле, и от других участников процесса, ставит цель определить достоверность фактов, на которые ссылается процессуальный оппонент признающегося. Хотя многие исследования прямо указывают на этот негативный для самого автора признания эффект, мы предлагаем не рассматривать его как характерный признак заявленного признания [Тряпочкин 2022: 93–94]. Напротив, логично полагать, что правовой эффект от принятого судом признания лица, участвующего в деле,

Признание лицом, участвующим в деле, факта вовсе не свидетельствует о том, что на самом деле он существовал или был таким, как описывает суду признающийся

может носить для последнего и некоторый (очевидно, скрытый от его оппонента, суда и других участников судебной процедуры) позитивный оттенок: если суд примет отдельное признание, то, возможно, не станет исследовать ту область правоотношений спорящих сторон, которую он в отсутствие признания мог бы тщательно проанализировать. Очевидно, что нельзя говорить о бесспорности тех фактов, в признании которых признающийся мог быть лично заинтересован. Думается, что признания, которые заявлены лицами, участвующими в деле, и другими участниками процесса с умыслом, так или иначе, если и не в гражданском судопроизводстве, то в арбитражном, составляют большую часть всех признаний.

Естественно, вряд ли можно проверить подобный довод, опираясь на обзоры практики или самостоятельно анализируя дела, доступ к которым можно получить в судебных архивах. Однако сказанное видится

вполне логичным. Состязательный тип процесса, ориентирующий всех лиц, участвующих в деле, а также суд на установление формальной истины, вовсе не требует детального исследования обстоятельств и изложенных в признании фактов. Единственное, что требуется от суда согласно логике ст. 68 ГПК РФ и ст. 70 АПК РФ, – по возможности установить наличие или отсутствие пороков воли или волеизъявления у заявителя. Суд не обязан выяснять, соответствует ли признание обстоятельствам, установленным ранее, с помощью доказательств, согласен ли ныне освобожденный от доказывания процессуальный оппонент с происходящим, общеизвестен ли признанный факт и не противоречит ли он обстоятельствам дела, с которыми сопоставляется.

Правильно ли это? На этот счет у нас есть сомнения. Не противоречит ли это основам состязательного процесса, направленного на установление формальной истины по рассматриваемому делу? Здесь у нас сомнений нет: все сказанное и обсуждаемое полноценно соотносится между собой. Следовательно, признаваться (в полноценном понимании этого процесса) можно и в том, чего на самом деле не было. Можно признаваться частично, а можно просто соглашаться с процессуальным оппонентом, рассчитывая на то, что впоследствии суд, возможно, не будет устанавливать истинный характер анализируемого факта или правоотношения, возникшего между спорящими. В конце концов, есть подозрение, что анализируемый аспект признаний порой носит не столько процессуальный, сколько психологический характер.

Вернемся к рассуждениям К. И. Комиссарова. Он отмечал, что нельзя каждый раз с уверенностью утверждать, что само по себе признание, его предмет (все же этот термин выглядит более уместным, чем термин «объект») истинны, а следовательно, бесспорны. Ученый приводил в поддержку отстаиваемой им позиции еще один весьма интересный аргумент: «...Признанный факт суд принимает не потому, что он вообще не нуждается в доказывании, а потому, что в достаточной степени доказан одним лишь признанием и не нуждается в дополнительном подтверждении иными доказательствами. Признание, являющееся средством доказывания, имеет значение в плоскости оценки достаточности

доказательств, обстоятельством же, освобождающим от доказывания, его считать нельзя» [Комиссаров 1971: 85].

Определенно, сказанное также отражает всю уникальность взгляда ученого на правовую природу судебного признания, и сама идея аргументировать свою позицию таким путем, полагаем, ясна. Думается, однако, что в самой авторской формулировке указанного аргумента есть некоторые дискуссионные элементы.

Суть доказательственной теории состоит в том, что достоверность признанного факта проверяется путем сопоставления его с другими имеющимися в деле доказательствами. Отсутствие проверочного механизма и непосредственное принятие судом заявленного ему признания, если суд не установил, что признание спровоцировано или заявитель недобросовестный, скорее, отсылает к распорядительной теории понимания правовой природы признания. Именно ее сторонники настаивали на том, что признание факта нужно исследовать лишь на предмет наличия или отсутствия в нем пороков воли или волеизъявления, не обращаясь к другим уже имеющимся в деле доказательствам. Доказательственная теория полностью игнорирует названные негативные факторы, прямо определяя достоверный или ложный характер представленного суду средства доказывания, анализируя грани его соотношения с другими имеющимися в деле доказательствами, которые уже стали или в дальнейшем станут частью материалов рассматриваемого судебного дела.

Кроме того, не совсем ясно, почему заявленное суду признание в рамках анализируемой К. И. Комиссаровым доказательственной теории, по мнению ученого, имеет значение для суда лишь на стадии оценки доказательств и, более того, только с позиции их достаточности для вынесения итогового постановления по рассматриваемому делу.

Во-первых, однажды включенное в материалы дела средство доказывания (признание) однозначно может быть использовано судом для исследования других имеющихся в деле доказательств, в том числе для проверки их достоверности. Думается, что если суд вправе использовать уже имеющиеся в деле доказательства для проверки заявленного ему признания отдельного фак-

та, то указанный механизм может работать и в обратном порядке, позволяя проверить вновь представленные средства доказывания, обращаясь к той информации, которая составляет предмет соответствующего признания.

Во-вторых, использование заявленного признания с позиции установления достаточности доказательств для вынесения итогового судебного постановления видится несколько сомнительным. В ходе рассмотрения судом гражданских и арбитражных дел могут сложиться и такие ситуации, когда ни одно из представленных доказательств не будет связано с признанным фактом или, наоборот, они будут связаны исключительно с ним, не имея ничего общего с другими фактами, которые требуют установления.

Более того, если развивать указанную мысль, настаивая на том, что с помощью признания, полученного в ходе судебного разбирательства, суд может определить достаточность имеющихся в деле доказательств для вынесения итогового судебного постановления, то не начнут ли суды искусственно ориентироваться лишь на имеющееся у них

признание, стараясь подтвердить содержащуюся в нем информацию? На наш взгляд, границы судебного усмотрения в отношении заявленных суду признаний не должны быть настолько широкими, чтобы ставить признание во главу имеющихся в материалах дела доказательств.

Так или иначе, несмотря на высказанные выше соображения, К. И. Комиссаров однозначно прав в том, что признание не должно говорить о бесспорности отдельного факта. Нужно полностью согласиться с тем, что «одно только признание факта заинтересованной стороной не делает его бесспорно достоверным, поэтому было бы точнее именовать подобные факты не бесспорными, а неоспариваемыми или признанными» [Комиссаров 1971: 65]. Именно путем использования всех упомянутых выше аргументов ученый обозначил и устранил один из самых ярких пробелов в истории развития учения о правовой природе признания. Это лишний раз подтверждает, насколько весом вклад К. И. Комиссарова в развитие отечественной процессуальной науки.

Список литературы

- Васьковский Е. В. Избранные работы польского периода. М.: Статут, 2016. 652 с.
- Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. 411 с.
- Зейдер Н. Б. Юридическая природа признания в гражданском процессе // Вестник советской юстиции. 1926. № 11. С. 428–433.
- Клейнман А. Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 72 с.
- Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1971. 167 с.
- Малинин М. И. Судебное признание в гражданских делах. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. 135 с.
- Михайлов М. М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов: рассуждение на степень доктора юридических наук, магистра гражданского права. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1856. 204 с.
- Пахман С. В. Обычное гражданское право в России: собственность, обязательства и средства судебного хранения: юридические очерки. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1877. Т. 1. 447 с.
- Полумордвинов Д. И. Признание стороны в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1940. 247 с.
- Пучинский В. К. Признание стороны в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1955. 100 с.
- Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 158 с.

Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1951. 295 с.

Никита Андреевич Тряпочкин – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: nick-109usla@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-5678-9360

K. I. Komissarov.

Admitted but not an Indisputable Fact

For several centuries by now, domestic legal scholars have been conducting a rather complex discussion about what constitutes a civil judicial admission. Is it a means of proof in a civil (or commercial) case before the court or a volitional act of persons participating in the case aimed at the release of a procedural opponent from the obligation to prove the circumstances recognized by them?

The author notes that during the Soviet period, the mentioned discussion almost came to naught, and considers the reasons why the administrative and combined (mixed) theories of recognition of facts were rejected. As a result of this rejection, Soviet scholars began to pay much attention to evidentiary theory. At the same time, only a small part of the works touched on the terminological issues in this field. The first one who drew attention to the fact that confession is not an indisputable fact that exempts from proof was K. I. Komissarov. The paper analyzes the arguments he gave and highlights the scholar's contribution to the development of domestic procedural science.

Keywords: *civil procedure, admission of facts, fact, persons participating in the case, court*

Recommended citation

Tryapochkin N. A. K. I. Komissarov. Priznanniy, no ne bessporniy fakt [K. I. Komissarov. Admitted but not an Indisputable Fact], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 45–51, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-45-51.

References

Golmsten A. Kh. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Textbook of Russian Civil Proceedings], Saint Petersburg, Tip. M. Merkusheva, 1913, 411 p.

Kleinman A. F. *Osnovnye voprosy teorii dokazatel'stv v sovetskom grazhdanskom protsesse* [Basic Questions of the Theory of Evidence in Soviet Civil Procedure], Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1950, 72 p.

Komissarov K. I. *Zadachi sudebnogo nadzora v sfere grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Tasks of Judicial Supervision in the Field of Civil Proceedings], Sverdlovsk, Sverdl. jurid. in-t, 1971, 167 p.

Malinin M. I. *Sudebnoe priznanie v grazhdanskikh delakh* [Judicial Admission in Civil Cases], Odessa, Tip. L. Nitche, 1878, 135 p.

Mikhailov M. M. *Russkoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo v istoricheskom ego razvitii ot Ulozheniya 1649 goda do izdaniya Svoda zakonov: rassuzhdenie na stepen' doktora yuridicheskikh nauk, magistra grazhdanskogo prava* [Russian Civil Proceedings in Its Historical Development from the Code of 1649 to the Publication of the Code of Laws: Discussion for the Degree of Doctor of Law, Master of Civil Law], Saint Petersburg, Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1856, 204 p.

Pakhman S. V. *Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii: sobstvennost', obyazatel'stva i sredstva sudebnogo khraneniya: yuridicheskie ocherki* [Common Civil Law in Russia: Property, Obligations and Means of Judicial Custody: Legal Essays], Saint Petersburg, Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1877, vol. 1, 447 p.

Polumordvinov D. I. *Priznanie storony v grazhdanskom protsesse* [Admission of a Party in Civil Procedure]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 1940, 247 p.

Puchinskii V. K. *Priznanie storony v sovetskom grazhdanskom protsesse* [Admission of a Party in Soviet Civil Procedure], Moscow, Gosyurizdat, 1955, 100 p.

Tryapochkin N. A. *Sudebnoe priznanie v tsivilisticheskom protsesse: teoreticheskie problemy* [Judicial Admission in the Civil Procedure: Theoretical Problems]: cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2022, 158 p.

Vaskovskii E. V. *Izbrannye raboty pol'skogo perioda* [Selected Works of the Polish Period], Moscow, Statut, 2016, 652 p.

Yudelson K. S. *Problema dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom protsesse* [The Problem of Evidence in Soviet Civil Procedure], Moscow, Gosyurizdat, 1951, 295 p.

Zeider N. B. Yuridicheskaya priroda priznaniya v grazhdanskom protsesse [Legal Nature of Admission in Civil Procedure], *Vestnik sovetskoi yustitsii*, 1926, no. 11, pp. 428–433.

Nikita Tryapochkin – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: nick109usla@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-5678-9360

Дата поступления в редакцию / Received: 15.04.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 23.08.2024

М. Л. Манн

Городская клиническая больница № 40,
Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СУДЕБНЫХ СПОРАХ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ: ПРОБЛЕМЫ И ВАРИАНТЫ ИХ РЕШЕНИЯ

При рассмотрении медицинских споров проведение судебно-медицинской экспертизы является одним из основных способов доказать наличие или отсутствие виновных действий медицинских работников при оказании медицинских услуг. Однако проведение экспертизы в настоящее время не полностью отвечает и интересам ответчиков (как правило, медицинских работников), поскольку зачастую направлена на подтверждение их виновности, и интересам истцов (пациентов и их родственников) по ряду факторов, среди которых длительные сроки проведения экспертиз и возможность экспертов скрыть наличие дефектов в оказании коллегами помощи из-за корпоративной солидарности. Кроме того, экспертизу проводят исключительно государственные медицинские учреждения, поэтому возникают различные проблемы: от наличия связей и зависимости между медицинскими работниками и экспертами до некорректной постановки вопросов при рассмотрении медицинского спора.

Автор приходит к выводу о том, что необходимо внести в действующее законодательство нормы, которые, с одной стороны, позволили бы медицинским работникам активнее защищать свои интересы при проведении судебно-медицинской экспертизы, а с другой – не нарушали бы права пациентов на получение компенсаций. Закрепление порядка проведения судебно-медицинской экспертизы также позволит суду упростить процесс рассмотрения медицинских споров, поскольку будут исключены различные спорные моменты.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, медицинские услуги, медицинская помощь, дефект при оказании медицинских услуг

Для цитирования

Манн М. Л. Проведение судебно-медицинской экспертизы в судебных спорах в сфере оказания медицинских услуг: проблемы и варианты их решения // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 52–58. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-52-58.

УДК 342.72/73

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-52-58

Реформа российского здравоохранения, которая проходит в настоящее время, ставит своими задачами повышение качества оказания медицинских услуг и решение многих проблем, которые накопились в данной сфере. Происходящие изменения также обострили многие иные нерешенные вопросы в сфере здравоохранения. Например, существуют серьезная разница в заработной плате врачей в зависимости от различных условий, от специализации, от территории, разница в техническом оснащении лечебных учреж-

дений; в медицинских учреждениях сокращают не только узких специалистов, но и средний и младший медицинский персонал; отсутствуют формализованные процедуры для медицинских работников по некоторым направлениям медицинской деятельности, в частности стандарты или протоколы, включающие в себя перечень определенных действий, набор диагностических исследований и медицинских препаратов, применяемых при том или ином заболевании; в большинстве медицинских учреждений нет возмож-

ности получить специализированную медицинскую помощь, что фактически делает такую помощь недоступной.

Важно отметить и то, что именно врачи выступают ответчиками в медицинских спорах, несмотря на участие в них представителей лечебных учреждений. Врачи не обладают юридическим образованием, но к уголовной ответственности их могут привлечь. При этом со стороны истца, как правило, участвуют квалифицированные юристы.

Участие экспертов в исследовании ошибок, которые совершаются медицинскими работниками, – обязательный элемент рассмотрения медицинских споров, так как оценить действия медицинских работников могут только специалисты, имеющие нужный для этого опыт. Но и эксперты могут ошибаться, что также отмечают некоторые авторы [Огнерубов 2019]. В связи с этим необходимо уточнить требования к процедуре проведения судебно-медицинской экспертизы и проводить тщательную проверку компетенции эксперта.

Комплексный подход к проведению судебно-медицинских экспертиз и единая терминология для обозначения видов и наименований дефектов отсутствуют. Между тем разное понимание идентичных действий медицинских работников может привести к их необоснованному уголовному преследованию. Значение судебно-медицинской экспертизы при определении причин неблагоприятных исходов оказания медицинской помощи велико еще и потому, что имеются сложности в правовой оценке дефектов в медицинской практике, изложенных в экспертных заключениях [Тягунов, Шаймухаметова 2015]. Нередко в экспертизах допускаются выводы, которые наиболее вероятны в данном случае, либо предположения, позволяющие заключить, что медицинский работник виновен.

Подобная ситуация представляется неприемлемой. Предположения или вероятные выводы о виновности, по существу, нарушают право обвиняемого на презумпцию невиновности, так как только однозначные и достоверные выводы должны быть основанием для привлечения к уголовной ответственности, а любые сомнения должны трактоваться в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 14 УК РФ). Однако не все авторы придерживаются подобного мнения [Кудрявцева, Кириллова, Кочемиров-

ский и др. 2024]. А. В. Кудрявцева, Н. П. Кириллова, В. А. Кочемировский предлагают специфический способ вычисления степени вероятности выводов эксперта, что может быть применимо в рассмотрении уголовных дел, но только не медицинских споров.

Очевидно, что влияние экспертного сообщества на рассмотрение медицинских споров достаточно велико, и это вызывает дополнительные сложности и вопросы.

К участию в экспертизе могут привлекаться медицинские работники того же лечебного учреждения, в котором работает лицо, привлекаемое к юридической ответственности. В результате их обвиняют в корпоративной солидарности [Шарипова 2022]. Однако авторы данного утверждения упускают из виду другой очевидный факт: истцы по медицинским спорам как раз пытаются привлечь к экспертизе медицинских работников, которые не только не связаны с врачом, привлекаемым к уголовной ответственности, но и имеют противоположное мнение о совершенных им при лечении действиях, что вызвано отсутствием формализованных процедур при любых действиях медицинских работников. Нельзя упускать и вопрос об их материальном стимулировании, ведь услуги любых привлекаемых к судебному процессу лиц оплачиваются, хотя и не всегда официально.

Исключить корпоративную солидарность можно, если регламентировать порядок проведения судебно-медицинской экспертизы, привлекать экспертов из других субъектов Российской Федерации, что позволит практически полностью решить проблему участия «знакомых» специалистов. Данную позицию уже предлагали для рассмотрения другие авторы [Пашинян, Ившин 2006].

Вопросы, связанные с наличием обязательных формализованных процедур при лечении любых заболеваний, а также с регламентированием иных действий медицинских работников, тоже приводят к ошибкам при проведении судебно-медицинских экспертиз [Корнилов, Христофорова, Шмаева 2020]. С целью решения указанных проблем с 2022 г. на основании постановления Правительства РФ от 17 ноября 2021 г. № 1968 «Об утверждении Правил поэтапного перехода медицинских организаций к оказанию медицинской помощи на основе клинических рекомендаций, разработанных и утвержденных в соответствии

с ч. 3, 4, 6–9 и 11 ст. 37 Федерального закона „Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации“» осуществляется постепенный переход медицинских учреждений на лечение различных заболеваний по строгим стандартам. В дальнейшем это позволит повысить качество проведения судебно-медицинских экспертиз и, таким образом, значительно упростить рассмотрение вопросов привлечения медицинских работников к юридической ответственности при оказании ими медицинской помощи.

Вопросы, которые необходимо рассмотреть при назначении судебно-медицинской экспертизы, суд выбирает из тех, что представляются обеими сторонами. Суд, конечно, может и сам ставить вопросы, которые необходимы, по его мнению, для разрешения спора, поэтому составление перечня вопросов – важный фактор. Нередко вопросы носят общий характер, например звучат так: «Имелись ли дефекты в оказании медицинской помощи?», «В случае наличия таких дефектов имелась ли причинно-следственная связь (прямая или косвенная) между ними и наступлением неблагоприятных последствий?». Иногда таких общих формулировок недостаточно, чтобы определить вину медицинского сотрудника, поскольку многие неблагоприятные исходы можно списать на косвенную причинно-следственную связь, а это не может служить основанием для вынесения справедливого решения. Правильная постановка вопросов невозможна без использования специальных знаний, которыми юристы, как правило, не обладают.

В связи с этим при проведении экспертиз по узким вопросам с участием только одного эксперта могут быть поставлены под сомнение законность и обоснованность не только экспертизы, но и всего судебного решения, основанного на ней. Нельзя исключать того, что эксперт и стороны заинтересованы в исходе дела в силу их знакомства, наличия между ними зависимости и других факторов [Невзгодина 2015]. Более того, каждая из сторон пытается отстоять именно свои вопросы для вынесения на экспертизу и всеми способами снять вопросы оппонента, что значительно усложняет задачу суда, не обладающего специальными знаниями. Тем не менее судебная практика показывает, что при проведении судебно-медицинской экспертизы одна из сторон часто остается неудовлетворенной ее

результатами, поэтому привлекает эксперта, для того чтобы привести суду доводы о необходимости назначения повторной судебно-медицинской экспертизы.

Пример из судебной практики. По рассматривавшемуся в Верх-Исетском районном суде Екатеринбурга делу № 2-4761/2023 66R-S0001-01-2023-002988-20 о причинении тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи при выполнении планового оперативного вмешательства была проведена судебно-медицинская экспертиза. В судебное заседание для дачи пояснений был приглашен специалист, который опроверг выводы последней. Представитель истца просил назначить повторную судебную медицинскую экспертизу для проверки качества оказанной истцу медицинской помощи, ссылаясь на данные в судебном заседании пояснения специалиста, которые полностью противоречат выводам судебной экспертизы. Кроме того, представитель истца указал, что ни один вопрос, заявленный истцом, поставлен перед судебными экспертами не был, эксперты не учли нахождение истца в геморрагическом шоковом состоянии, наличие у него кровопотери тяжелой степени, наличие угрозы его жизни и необходимости оказания ему экстренной помощи. Суд заключил, что нужно удовлетворить ходатайство истца о проведении повторной экспертизы, поскольку для вынесения законного и справедливого решения нужны специальные познания. Суд учел все упомянутые выше обстоятельства и отметил, что при назначении судебной экспертизы к участию в деле не были привлечены третьи лица.

Если бы суд изначально привлек специалиста для постановки вопросов перед судебно-медицинскими экспертами, это могло бы сократить сроки рассмотрения дела.

Правильная постановка вопросов имеет значение еще и потому, что от нее зависит ответ эксперта. Как отмечают некоторые авторы, суды используют шаблонный подход к этой процедуре. Перед экспертами ставится типовый набор вопросов, переписанных из справочников, руководств, без учета специфики конкретной экспертной задачи [Использование специальных медицинских знаний 2013]. Однако несмотря на сходство споров, в каждом из них есть свои особенности, в том числе в оказании медицинской помощи

щи, так как не всегда процесс оказания медицинской услуги регламентирован в каких-либо документах [Чурляева 2018]. Следовательно, вопросы, которые должен поставить суд, должны быть определены с учетом мнения специалиста, быть корректными и учитывающими суть дела.

Другой проблемой является выбор специалистов, которые проводят экспертизу. Как правило, судебно-медицинский эксперт обладает специализацией лишь в определенной области медицины (хирургия, терапия, гинекология и т. д.), а этого недостаточно для всесторонней и объективной оценки дела. Между тем согласно п. 15 приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н руководитель государственного судебно-медицинского учреждения может назначить одного исполнителя, которому поручат проведение экспертизы. При этом в экспертном заключении указанный специалист дает оценочные суждения в области, в которой он не является сертифицированным специалистом.

Например, в заключении эксперта № 173 Бюро судебно-медицинской экспертизы Солнечногорского судебно-медицинского отделения было проведено описание рентгенологических снимков, хотя данный эксперт не был сертифицированным врачом лучевой диагностики. В случае, когда необходимо оценить степень тяжести вреда при черепно-мозговой травме и оправданность проведенного оперативного лечения, в состав комиссии должны входить специалисты, среди которых нейрохирург, врач челюстно-лицевой хирург, врач лучевой диагностики, врач-анестезиолог. Экспертиза, проведенная единолично одним специалистом, считается неполной или недостаточной, поэтому согласно ст. 87 ГПК РФ суд вправе назначить дополнительную судебно-медицинскую экспертизу, что в очередной раз увеличит сроки рассмотрения дела.

В спорах такой сложной категории вопрос о качественной медицинской помощи не может быть единолично рассмотрен специалистом одного профиля. Например, перед любым оперативным вмешательством, пусть даже на первый взгляд рутинным, пациента, кроме самого хирурга, как минимум осматривает еще и анестезиолог, поэтому даже дела о «банальном аппендиците» требуют участия врачей хотя бы двух специальностей.

Если закрепить в нормах, что судебно-медицинскую экспертизу должен проводить не один специалист, а больше, это позволит во многих случаях избежать необходимости назначать повторную и / или дополнительную экспертизу, что тоже существенно сократит сроки рассмотрения медицинских споров. Данный вопрос может быть разрешен и на уровне судебной практики, например в разъяснениях Верховного Суда РФ по конкретному делу или в обзоре судебной практики.

Как правило, судебно-медицинский эксперт обладает специализацией лишь в определенной области медицины (хирургия, терапия, гинекология и т. д.), а этого недостаточно для всесторонней и объективной оценки дела

Проблема в определении вопросов при проведении экспертизы увеличивает сроки производства судебной экспертизы, а значит, и сроки рассмотрения дела и в итоге – сроки компенсации фактических затрат на лечение, возмещения убытков в связи с потерей кормильца, компенсации морального вреда и т. д.

Корректная постановка вопросов при рассмотрении медицинского спора позволит повысить оперативность его рассмотрения. Следовательно, в перспективе необходимо привлечь для участия в медицинском споре специалистов и представителей, которые имеют медицинское образование. Подобная практика уже принята в арбитражном процессе (ч. 3 ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Ограничение участия представителей без высшего юридического образования вызывало много споров. Адвокатское сообщество вообще предлагало решить вопрос кардинально, предоставив право на участие в судебном процессе только адвокатам. Очевидно, что в тот момент – в 2018 г. – это было слишком радикально. В настоящее время тоже выдвигаются предложения о создании правил допуска юристов к оказанию гражданам юридической помощи¹ [см. также: Куликов 2023]. Подобные предложения требуют дальнейшего обсуждения.

¹ Минюст предлагает разрешить защищать граждан в суде только адвокатам. 2023 // URL: <https://rg.ru/2023/05/15/zashchita-po-korochkam.html> (дата обращения: 01.07.2024).

В связи с этим участие в медицинских спорах юристов, имеющих также медицинское образование, может повысить качество и скорость рассмотрения таких споров. Вместе с тем юристы с медицинским образованием все же представляют собой весьма узкий круг. Если законодательно закрепить необходимость участия в рассмотрении медицинских споров только юристов с медицинским образованием, это может привести к нехватке таких узких специалистов, а значит, будет способствовать созданию очереди на рассмотрение данных дел, что еще больше удлинит сроки их рассмотрения. Следовательно, в настоящий момент единственно возможный вариант решения проблемы – привлечение судом эксперта или специалиста.

Можно обратиться к опыту зарубежных стран. Например, в Германии существуют участковые суды, которые компетентны рассматривать гражданские и уголовные дела. Все гражданские дела рассматриваются единолично судьей, за исключением сельскохозяйственных вопросов, в рассмотрении которых кроме профессионального судьи участвуют два непрофессиональных судьи (лица, сведущие в сельском хозяйстве) [Бибило 2012]. Как видим, в зарубежных странах существует практика привлечения в судебное заседание специалистов, имеющих познания в определенной области.

В настоящий момент сложно представить ситуацию, когда в Российской Федерации в судебном процессе будут участвовать лица, являющиеся непрофессиональными судьями. Вместе с тем очевидно, что медицина представляет собой весьма сложную отрасль, поэтому судьям, не обладающим специальными знаниями в данной сфере, непросто разбираться во всех тонкостях, особенно когда в деле есть несколько экспертиз, которые противоречат друг другу. Привлечение специалиста в данном вопросе именно судом – возможный вариант разрешения проблемы. Важный момент, на который стоит обратить внимание: специалист и / или непрофессиональное лицо не должны участвовать в выне-

сении судебного решения. Кроме того, специалист должен быть привлечен именно судом, поскольку нельзя исключить определенную аффилированность специалистов, привлеченных каждой из сторон. В связи с этим можно предложить формировать реестры специалистов и экспертов, которые могут быть привлечены в таком качестве на уровне муниципальных образований и субъектов Российской Федерации.

Существует еще одна проблема: пострадавшие пациенты не всегда могут доказать вину врачей, поскольку судебно-медицинские эксперты, назначенные в рамках рассмотрения гражданского дела, могут скрыть факт нарушений из-за солидарности с медицинскими работниками. Особенно часты такие случаи, если бюро, которому поручено проведение экспертизы, находится в том же регионе, что и медицинское учреждение, в котором была оказана предполагаемо некачественная медицинская помощь. Решить проблему можно, законодательно закрепив необходимость проведения судебно-медицинской экспертизы в другом регионе. Здесь можно вспомнить, что согласно данным бюллетеня Национальной медицинской палаты именно правовая безграмотность медицинских работников зачастую приводит к их проигрышу в деле, поэтому законодательно целесообразно предусмотреть требование о наличии у специалистов юридического образования.

Таким образом, участие в суде первой инстанции специалистов, назначенных судом, значительно повысит скорость и качество рассмотрения медицинских споров.

Добавим, что ряд авторов, в том числе В. Г. Сапожников и Ю. Л. Дяблова, говорят о необходимости учитывать все доказательства по делу, ведь судебно-медицинская экспертиза является одним из основных доказательств по делам данной категории, но не единственным доказательством, так как она должна подлежать исследованию и оценке наряду с другими доказательствами по делу [Сапожников, Дяблова 2012].

Список литературы

Бибило В. Н. Судебные системы зарубежных государств. Мн.: БГУ, 2012. 93 с.

Использование специальных медицинских знаний при расследовании преступлений: справочно-информационные материалы. Курск: ОБУЗ Бюро СМЭ, 2013. Ч. 1: Назначение медицинских судебных экспертиз и исследований. 53 с.

Корнилов А. Р., Христофорова Е. И., Шмаева Т. А. Судебно-медицинская экспертиза как особая разновидность правовой экспертизы // Юридическая наука. 2020. № 11. С. 68–73.

Кудрявцева А. В., Кириллова Н. П., Кочемировский В. А. и др. Оценка вероятностных выводов экспертов в уголовном процессе // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. № 17. С. 4–11.

Невзгодина Е. Л. Юридическая квалификация медицинской ошибки и ее правовые последствия // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2015. № 2. С. 137–144.

Огнерубов Н. А. Экспертное заключение по уголовным делам о ятрогенных преступлениях и его оценка следователем и судом // Аграрное и земельное право. 2019. № 7. С. 126–128.

Пашиных Г. А., Ившин И. В. Судебно-медицинская экспертиза профессиональных правонарушений медицинских работников // Проблемы экспертизы в медицине. 2006. № 3. С. 11–15.

Сапожников В. Г., Дяблова Ю. Л. О роли и значении судебно-медицинской экспертизы в уголовном процессе // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2. С. 325–329.

Тягунов Д. В., Шаймухаметова И. Ф. Организация производства судебно-медицинских экспертиз по «врачебным делам» // Здравоохранение Югры: опыт и инновации. 2015. № 3. С. 41–46.

Чурляева И. В. О криминализации врачебной ошибки в уголовном законодательстве Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 4. С. 147–151.

Шарипова А. Р. Проблемы уголовной ответственности медицинских работников // StudNet. 2022. № 3. С. 1322–1330.

Майя Лазаревна Манн – врач-хирург городской клинической больницы № 40. 620102, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Волгоградская, д. 189; аспирант кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: m_mann86@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-8201-9888

Conducting Forensic Medical Examination in Litigation in the Field of Medical Services: Problems and Possible Solutions

When considering medical disputes, conducting a forensic medical examination is one of the main ways to prove the guilt or innocence of medical workers in providing medical services. However, such examination does not fully meet both the interests of the defendants (mainly medical workers), since it is often aimed at confirming their guilt, and the interests of the plaintiffs (patients and their relatives), for a number of factors, including the long duration of examinations, as well as the ability of experts to hide the presence of defects in the medical services due to corporate solidarity. In addition, the examination is carried out exclusively by state medical institutions, in this regard, various problems arise, which include the relationships between medical workers and experts, incorrect formulation of questions when considering a medical dispute, etc.

The author concludes that it is necessary to introduce norms into the current legislation that would allow medical workers to actively protect their interests during forensic medical examination, and would not violate the rights of patients to receive compensation. The consolidation of the procedure for conducting a forensic medical examination will also allow the court to simplify the process of considering medical disputes by excluding various controversial points.

Keywords: forensic medical examination, medical services, medical care, defect in the provision of medical services

Recommended citation

Mann M. L. Provedenie sudebno-meditsinskoj ehkspertizy v sudebnykh sporakh v sfere okazaniya meditsinskikh uslug: problemy i varianty ikh resheniya [Conducting Forensic Medical

Examination in Litigation in the Field of Medical Services: Problems and Possible Solutions], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 52–58, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-52-58.

References

Bibilo V. N. *Sudebnye sistemy zarubezhnykh gosudarstv* [Judicial Systems of Foreign Countries], Minsk, BGU, 2012, 93 p.

Churlyayeva I. V. O kriminalizatsii vrachebnoi oshibki v ugovnom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii [On Criminalization of Medical Error in the Criminal Legislation of the Russian Federation], *Yurist-Pravoved*, 2018, no. 4, pp. 147–151.

Ispol'zovanie spetsial'nykh meditsinskikh znaniy pri rassledovanii prestuplenii: spravochno-informatsionnye materialy [The Use of Special Medical Knowledge in the Investigation of Crimes: Reference and Information Materials], Kursk, OBUZ Byuro SME, 2013, pt. 1, 53 p.

Kornilov A. R., Khristoforova E. I., Shmaeva T. A. Sudebno-meditsinskaya ekspertiza kak osobaya raznovidnost' pravovoi ekspertizy [Forensic Medical Examination as a Special Kind of Legal Expertise], *Yuridicheskaya nauka*, 2020, no. 11, pp. 68–73.

Kudryavtseva A. V., Kirillova N. P., Kochemirovskii V. A. et al. Otsenka veroyatnostnykh vyvodov ekspertov v ugovnom protsesse [Assessment of Probabilistic Conclusions of Experts in Criminal Proceedings], *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2024, no. 17, pp. 4–11.

Nevzgodina E. L. Yuridicheskaya kvalifikatsiya meditsinskoi oshibki i ee pravovye posledstviya [Legal Qualification of a Medical Error and Its Legal Consequences], *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo*, 2015, no. 2, pp. 137–144.

Ognerubov N. A. Ekspertnoe zaklyuchenie po ugovnym delam o yatrogennykh prestupleniyakh i ego otsenka sledovatelem i sudom [Expert Opinion on Criminal Cases of Iatrogenic Crimes and Its Assessment by an Investigator and a Court], *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 2019, no. 7, pp. 126–128.

Pashinyan G. A., Ivshin I. V. Sudebno-meditsinskaya ekspertiza professional'nykh pravonarushenii meditsinskikh rabotnikov [Forensic Medical Examination of Professional Offenses of Medical Workers], *Problemy ekspertizy v meditsine*, 2006, no. 3, pp. 11–15.

Sapozhnikov V. G., Dyablova Yu. L. O roli i znachenii sudebno-meditsinskoi ekspertizy v ugovnom protsesse [On the Role and Significance of Forensic Medical Examination in Criminal Proceedings], *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2012, no. 1-2, pp. 325–329.

Sharipova A. R. Problemy ugovnoi otvetstvennosti meditsinskikh rabotnikov [Problems of Criminal Liability of Medical Workers], *StudNet*, 2022, no. 3, pp. 1322–1330.

Tyagunov D. V., Shaimukhametova I. F. Organizatsiya proizvodstva sudebno-meditsinskikh ekspertiz po «vrachebnym delam» [Organization of Production of Forensic Medical Examinations in «Medical Cases»], *Zdravookhranenie Yugry: opyt i innovatsii*, 2015, no. 3, pp. 41–46.

Maya Mann – surgeon, the City Clinical Hospital № 40. 620102, Russian Federation, Ekaterinburg, Volgogradskaya str., 189; postgraduate student of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: m_mann86@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-8201-9888

Дата поступления в редакцию / Received: 10.03.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.07.2024

К. М. Сманалиев, Р. А. Отонбаева
Кыргызский Национальный Университет им. Ж. Баласагына
(Кыргызская Республика, Бишкек)

ВЫВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ, ВСТУПИВШИХ В КОНФЛИКТ С ЗАКОНОМ, ИЗ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Выведение детей из системы правосудия – одна из альтернативных мер по недопущению назначения наказания, связанного с лишением свободы. Авторы оценивают, насколько регламентация института выведения детей из системы уголовного судопроизводства в УПК Кыргызской Республики и других законах, регулирующих отношения в системе ювенальной юстиции, соответствует международным стандартам в этой сфере. Внимание обращается на качество реализации указанного института в Кыргызской Республике. Рассматриваются условия и основания для выведения ребенка, нарушившего уголовное законодательство, из системы уголовного судопроизводства, подчеркиваются преимущества данного института. В частности, альтернативная уголовному преследованию мера воздействия на ребенка оградит его от судимости и ее последствий, позволит примириться с потерпевшим, выработать полезные навыки, научиться управлять своими эмоциями и т. д.

Признавая, что Кыргызстан сделал заметные шаги для обеспечения прав детей, авторы тем не менее вносят предложение по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Республики. В частности, предлагается дать прокурору право утверждать постановление о выведении ребенка из системы уголовного судопроизводства, а утверждение договора о выведении ребенка из системы уголовного судопроизводства закрепить за следственным судьей.

Ключевые слова: дети, несовершеннолетний, ребенок, находящийся в конфликте с законом, выведение из системы правосудия, исправление, перевоспитание, реинтергация

Для цитирования

Сманалиев К. М., Отонбаева Р. А. Выведение детей, вступивших в конфликт с законом, из системы уголовного судопроизводства // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 59–66. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-59-66.

УДК 343.1

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-59-66

Кыргызская Республика с момента приобретения независимости и суверенитета ратифицировала ряд международных документов. Среди них очень большое значение имеет Конвенция о правах ребенка, которая была ратифицирована Кыргызстаном в 1994 г. Тем самым Кыргызская Республика приняла обязательство всячески содействовать реализации всех прав детей. Таковыми правами признаются право на выживание, развитие, образование; право на семейную жизнь; право быть защищенным от насилия, дискриминации; право на доступ к инклюзивной системе социальной защиты.

Очевидно, что в последние годы Кыргызстан сделал заметные шаги для обеспечения прав детей. Один из них – приведение нормативно-правовой базы в соответствие с международными стандартами.

Базовым правовым актом в этом направлении стал принятый 10 июля 2012 г. Кодекс Кыргызской Республики о детях. Раздел 4 Кодекса посвящен юстиции для детей. Так, ч. 4 ст. 87 гласит, что «в отношении ребенка, совершившего правонарушение, должны быть приняты досудебные меры воспитательного характера, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством,

на основе плана мероприятий по реабилитации ребенка, находящегося в конфликте с законом. Указанный план разрабатывается и утверждается территориальным подразделением уполномоченного органа по защите детей по согласованию с адвокатом (защитником). В случае если в ходе применения досудебных мер воспитательного характера будет установлено, что ребенок исправился и утратил общественную опасность, уголовное или административное производство в отношении него может быть прекращено в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством».

Мы считаем, что данное положение отвечает п. «б» ч. 3 ст. 40 Конвенции о правах ребенка, согласно которому государства-участники стремятся «в случае необходимости и желательности» содействовать «принятию мер по обращению с такими детьми без использования судебного разбирательства при условии полного соблюдения прав человека и правовых гарантий».

О приоритете мер, альтернативных судебному разбирательству (не связанных с уголовной ответственностью), говорится и в Типовом законе о правосудии в отношении несовершеннолетних. В силу п. 4 ст. 13 Закона «где это возможно, необходимо рассматривать меры, альтернативные судебному процессу [замену уголовной ответственности альтернативными мерами] в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Любые внесудебные меры или действия, предпринимаемые в качестве альтернативных мер [замены уголовной ответственности], должны прежде всего обеспечивать уважение прав человека и правовые гарантии несовершеннолетних».

В п. 2 Замечаний общего порядка № 24 (2019) о правах ребенка в системе правосудия в отношении детей имеется следующее обоснование для применения мер, не связанных с изоляцией детей от общества: «Дети отличаются от взрослых по своему физическому и психологическому развитию. Такие различия дают основания для признания меньшей виновности и для создания отдельной системы с дифференцированным, индивидуализированным подходом. Было доказано, что воздействие системы уголовного правосудия наносит детям вред, ограничивая их шансы стать ответственными взрослыми». По мнению Н. В. Спесивова, нормы

и принципы международного права в сфере ювенальной юстиции показывают, что можно преобразовать карательные формы уголовного судопроизводства с участием детей в «воспитательно-коррекционные» [Спесивов 2015: 6].

Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), предусматривают следующее:

«11.1. При рассмотрении дел несовершеннолетних правонарушителей следует по возможности не прибегать к официальному разбору дела компетентным органом власти, указанным в правиле 14.1, ниже.

11.2. Полиция, прокуратура или другие органы, ведущие дела несовершеннолетних, должны быть уполномочены принимать решения по таким делам по своему усмотрению, без проведения официального слушания дела, согласно критериям, установленным для этой цели в соответствующей правовой системе, а также согласно принципам, содержащимся в настоящих Правилах.

11.3. Любое прекращение дела, связанное с его передачей в соответствующие общинные или другие службы, требует согласия несовершеннолетнего или его или ее родителей или опекуна, при условии что такое решение о передаче дела подлежит пересмотру компетентным органом власти на основании заявления».

В п. 5 Руководящих принципов Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядских руководящих принципов) подчеркивается, что «...следует избегать криминализации и наказания ребенка за поведение, не причиняющее серьезного ущерба развитию самого ребенка или вреда другим». А. И. Терегулова отмечает, что выведение детей из системы уголовного судопроизводства путем отказа от уголовного преследования занимает важное место среди руководящих принципов профилактики детской преступности [Терегулова 2019: 60].

Все упомянутые рекомендации свидетельствуют о важности создания для детей, находящихся в конфликте с уголовным законом, альтернативной институциональной базы, в которой приоритетными будут меры по отказу от уголовного преследования. Для

обеспечения прав, свобод и законных интересов детей требуется выработать правовые механизмы, которые должны быть реализованы не только государственными, но и негосударственными институтами [Полтавцева 2010].

В Рекомендациях № Rec (2003) 20 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О новых подходах к преступности среди несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних» также говорится, что альтернативы официальному уголовному преследованию «должны быть частью обычной процедуры, должны соответствовать принципу соразмерности, отражать интересы несовершеннолетнего и, как правило, применяться исключительно к делам, по которым несовершеннолетний признает свою вину».

М. М. Утяшев считает, что «...дифференциация форм уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних должна осуществляться не за счет упрощения порядка досудебной и судебной деятельности, а путем применения различных ювенальных процедур, реализуемых в рамках модели восстановительного правосудия». По его мнению, «восстановительное правосудие обычно относят к числу альтернативных уголовному преследованию процедур, под которыми понимаются меры, являющиеся новым явлением в системе российской уголовной юстиции, применяемые в досудебных и судебных стадиях процесса до разрешения дела по существу и сопряженные с заменой традиционных способов реакции государства на нарушения уголовного закона (уголовного преследования и косвенно наказания) иными формами реакции на него при условии, что для начала, продолжения и завершения уголовного преследования имеются юридические и фактические основания» [Утяшев 2003: 73].

В уголовном судопроизводстве Кыргызстана имеются определенные достижения в этом направлении. Статья 95 Кодекса Кыргызской Республики о детях так и называется: «Применение альтернативных мер воздействия к несовершеннолетним». Согласно ч. 1 данной статьи «к лицам в возрасте до 18 лет, совершившим преступления небольшой тяжести и менее тяжкие преступления, могут применяться следующие альтернативные меры воздействия:

- 1) извинение перед потерпевшим;
- 2) возмещение материального вреда как в денежном выражении, так и отработкой суммы причиненного ущерба несовершеннолетним;
- 3) выполнение общественных работ;
- 4) внесение благотворительного взноса;
- 5) направление в специализированное лечебное учреждение на обследование и лечение;
- 6) направление и размещение в специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков».

Наиболее значимым достижением в сфере приведения норм уголовно-процессуального законодательства в соответствие с международными стандартами стало внедрение такого института, как выведение ребенка из системы уголовного судопроизводства (ст. 467–475 УПК КР).

В международно-правовых актах, в частности в Замечании общего порядка № 24 (2019) о правах ребенка в системе правосудия в отношении детей, используется термин «изъятие из системы правосудия», под которым подразумеваются «меры по выведению детей из системы правосудия в любое время до или в ходе соответствующего разбирательства». В ч. 13 данного Замечания говорится, что «эти меры, как правило, подразделяются на две категории:

- a) меры по выведению детей из системы правосудия в любое время до или в ходе соответствующего разбирательства (изъятие из системы правосудия);
- b) меры в контексте судебного разбирательства».

Выведение из уголовного судопроизводства означает выведение отдельных дел из рамок уголовной юстиции при соблюдении соответствующих условий. В англосаксонской правовой системе данное полномочие реализует прокурор, хотя в других системах, где право зиждется на кодификации, эту функцию могут выполнять и должностные лица судебной системы. В международной практике за выведение ребенка из уголовного судопроизводства посредством проведения предупредительных, реабилитационных мероприятий отвечают специальные сотрудники правоохранительной системы, к примеру сотрудники полиции.

Большинство стран, считающих себя последователями соблюдения демократических принципов построения государства и общества, стараются максимально и безоговорочно соблюсти рекомендации ООН по внедрению механизмов выведения детей, находящихся в конфликте с законом, из уголовного судопроизводства. Общими условиями для такого выведения выступают чистосердечное признание вины, раскаяние ребенка, готовность понести ответственность за совершенное нарушение уголовного законодательства путем возмещения нанесенного им имущественного вреда, а также выполнения общественно полезной работы. Задачей выведения детей из уголовного судопроизводства является вовлечение их в разработанные государством специальные программы, позволяющие выработать навыки самостоятельности, управления самим собой, развитие эмоциональную устойчивость в кризисных ситуациях, чувство личной ответственности.

Целями наказания детей, вступивших в конфликт с законом, или применения альтернативных мер воздействия на них должны быть не кара за совершенное преступление, а исправление и перевоспитание

Системы с альтернативными уголовному преследованию мерами воздействия на детей, нарушивших уголовное законодательство, всегда признаются здоровыми. Такие меры ограждают несовершеннолетних правонарушителей от судимости и ее последствий. Ребенок, столкнувшийся с представителями криминального сообщества и имеющий клеймо судимости с раннего возраста, может потерять репутацию и сформировать искаженное представление о мироздании. Чтобы этого не допустить, нужно прибегать к альтернативным уголовному наказанию мерам воздействия. Лучше исключить контакт не только с представителями преступного мира в местах лишения свободы, но и в целом с уголовно-исполнительной системой.

Следует отметить, что по-прежнему неприемлемой целью наказания остается кара за совершенное преступление. Однако целями наказания детей, вступивших в конфликт с законом, или применения альтернативных мер воздействия на них должны быть не кара за

совершенное преступление, а исправление и перевоспитание. При реализации специальных программ дети, вступившие в конфликт с законом, могут быть, например, привлечены к общественно полезному труду, а затем направить заработанные деньги на возмещение имущественного вреда потерпевшему.

Советская доктрина утверждала, что судебное разбирательство оказывает воспитательное воздействие на несовершеннолетних. Исходя из этого строго обеспечивалась явка несовершеннолетнего в судебное заседание. В. И. Ленин считал, что «из всякого хорошо организованного и проводимого на высоком политическом уровне судебного процесса можно извлечь уроки общественной морали и практической политики, а воспитательное значение судов громадно» [Ленин 2016: 397]. Сегодня же, как было отмечено выше, развитие и реформирование уголовного судопроизводства в Кыргызской Республике направлено на приведение последнего в соответствие с международными стандартами, которые, напротив, требуют оградить детей, нарушивших уголовное законодательство, от суда.

Следует отметить, что предусмотренная уголовно-процессуальным законодательством Кыргызстана процедура называется выведением ребенка из системы уголовного судопроизводства, тогда как в международных документах употребляются, кроме прочих, понятия «отвлечение», «изъятие», «уголовное правосудие». Значит, уголовно-процессуальное законодательство КР использует более широкое обозначение для данной процедуры и выводит ребенка из уголовного процесса в целом.

В ч. 1 ст. 468 УПК КР перечислены следующие основания для выведения ребенка, нарушившего уголовное законодательство, из системы уголовного судопроизводства:

ребенок впервые совершил преступление небольшой тяжести или менее тяжкое преступление;

ребенок признался в содеянном;

ребенок впервые участвует в программе по выведению его из системы уголовного судопроизводства.

Дискреционными полномочиями по выведению ребенка, нарушившего уголовное законодательство, обладает следователь, который выносит соответствующее постановление.

В ч. 2 ст. 96 Кодекса Кыргызской Республики о детях указаны следующие условия

для применения программы по отвлечению от правосудия:

признание вины несовершеннолетним обвиняемым;

согласие несовершеннолетнего или его законных представителей на прохождение программы по отвлечению от правосудия.

Согласно ч. 2 ст. 88 Кодекса Кыргызской Республики о детях все сотрудники, которые работают с детьми, находящимися в конфликте с законом, должны пройти специальную подготовку по вопросам в области ювенальной юстиции. В силу ч. 1 ст. 92 Кодекса «должностные лица и специалисты государственных органов и органов местного самоуправления, деятельность которых связана с системой ювенальной юстиции, обязаны иметь необходимую специальную или профессиональную подготовку в области ювенальной юстиции, которая учитывается при их назначении на должность, а также при прохождении аттестации и перееаттестации». Кроме того, следователь, который принимает к производству уголовное дело с участием детей, в частности ребенка, находящегося в конфликте с законом, должен пройти специальную подготовку по вопросам ювенальной юстиции и по ювенальным технологиям в целом (см. определение в п. 8 ст. 5 УПК КР). Можно согласиться с Л. А. Шестаковой в том, что отсутствие у следователей и судей специализации может превратить особые правила ведения уголовных дел с участием подростков в формальности, в результате чего эти уголовные дела будут рассмотрены в «обычном режиме» [Шестакова 2015: 8].

Часть 1 ст. 469 УПК КР устанавливает гарантии для ребенка в ходе выведения его из системы уголовного судопроизводства. Так, при этом обязательно участие адвоката, поскольку необходимо в доступной форме объяснить ребенку суть условий договора о выведении из уголовного судопроизводства и принимаемых при этом мер. Главным условием данного договора является добровольное согласие ребенка, нарушившего уголовное законодательство. Согласие в свою очередь он может дать только после того, как поймет характер, содержание и сроки применения альтернативной меры.

В соответствии с ч. 2 ст. 468 УПК КР «договор о выведении из уголовного судопроизводства составляется следователем и подписыва-

ется следователем, ребенком, его законными представителями, адвокатом и сотрудником уполномоченного государственного органа по защите детей. Договор дополнительно может быть подписан лицами, указанными в части 2 статьи 474 настоящего Кодекса». Часть 3 этой статьи гласит: «В договоре о выведении ребенка из системы уголовного судопроизводства устанавливаются меры и условия для выполнения ребенком. Срок договора может составлять от 3 до 12 месяцев со дня подписания». Таковыми мерами согласно ч. 5 ст. 467 УПК КР признаются письменное предупреждение, полное или частичное возмещение причиненного ущерба, наложение обязательств, помещение на попечение.

В силу ч. 4 данной статьи «постановление и договор о выведении ребенка из уголовного судопроизводства утверждаются прокурором». Позиция законодателя, предоставляющего прокурору право на утверждение не только постановления, но и самого договора о выведении ребенка из системы уголовного судопроизводства, остается для нас спорной. Если даже данный договор имеет позитивный характер, то в любом случае заключается между стороной обвинения и защиты, т. е. следователем и ребенком, его законными представителями, адвокатом. Целесообразно было бы прокурору как главному представителю обвинения дать право утверждать постановление о выведении ребенка из системы уголовного судопроизводства, а утверждение самого договора оставить следственному судье как независимому арбитру и лицу, осуществляющему судебный контроль за обеспечением конституционных прав участников уголовного судопроизводства. Более того, не исключено, что нужно будет прекратить в целом производство по уголовному делу в отношении ребенка, вступившего в конфликт с законом, а не выводить его из системы уголовного судопроизводства и применять меры воздействия.

В связи с этим предлагаем внести изменения и дополнения в ч. 4 ст. 468 УПК КР и сформулировать ее так: «4. Постановление следователя о выведении ребенка из уголовного судопроизводства утверждается прокурором. Договор о выведении ребенка из уголовного судопроизводства утверждается следственным судьей». Также необходимо будет изложить п. 4 ч. 3 ст. 32 УПК КР в следующей редакции: «4) утверждает про-

цессуальное соглашение о признании вины и договор о выведении ребенка из уголовно-судопроизводства».

Подведем итоги. Каждый гражданин страны должен прилагать усилия, чтобы повысить уровень правосознания и правовой культуры, после чего требовать от правоохранительных органов и судов выполнять возложенные на них законом обязательства по реализации новых институтов уголовно-процессуального права. Современное общество больше склоняется к «восстановительному правосудию», которое позволяет осознать необходимость возмещения вреда пострадавшему, а также требует реабилитации, интегрирования ребенка, нарушившего уголовный закон, в социум. Такой ребенок должен считаться не преступником, подлежащим уголовной репрессии, а ребенком, оказавшимся в беде в силу тяжелых условий жизни, отсутствия должного воспитания и возможности для получения образования и т. д.

Главная цель выведения ребенка из системы уголовного судопроизводства – сохранить ребенка как полноценного члена социума

и защитить его от маргинализации. Ребенок, пройдя систему выведения из уголовного судопроизводства, должен освоить полезные навыки, путем возмещения вреда потерпевшему и примирения с ним осознать свое влияние на социум, в частности на семью потерпевшего, которой он причинил страдания. Основными задачами ювенальных судов, как пишет В. В. Фирсов, являются защита детей и их реабилитация [Фирсов 2015]. Совершенно прав А. О. Крамаров, с точки зрения которого ювенальная юстиция сможет лучше защитить детей от семейного насилия, сократит количество преступлений, совершаемых ими [Крамаров 2014: 580]. По мнению И. С. Брсоян, при ювенальной системе государство должно выступать в роли попечителя, ответственного за детей лица, защищать их от вредного и опасного окружения [Брсоян 2013: 24].

Таким образом, благодаря внедренному в уголовное судопроизводство Кыргызской Республики институту выведения детей из системы уголовного судопроизводства дети могут избежать клейма судимости и получить шанс на исправление и перевоспитание.

Список литературы

Брсоян И. С. Правосудие в отношении несовершеннолетних: российский и зарубежный опыт (на примере США и России) // Дружественное к ребенку правосудие и проблемы ювенальной уголовной политики: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Верховного суда Республики Бурятия (Улан-Удэ, 3–4 октября 2013 г.) / науч. ред. Э. Л. Раднаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 22–25.

Крамаров А. О. Правосудие по делам несовершеннолетних в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. № 3. С. 579–583.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. Т. 4. 596 с.

Полтавцева Л. И. Ювенальная уголовная политика и ювенальная юстиция: проблема соотношения // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 4. С. 23–27.

Спесивов Н. В. Международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних и их реализация в современном российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 241 с.

Терегулова А. И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в контексте рационализации стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2019. 218 с.

Утяшев М. М. Права человека в современной России. Уфа: Полиграфкомбинат, 2003. 616 с.

Фирсов В. В. К вопросу о ювенальной юстиции // Криминалисть. 2015. № 2. С. 48–51.

Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. 24 с.

Кынатбек Мойнокович Сманалиев – доктор юридических наук, директор юридического института Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. 720033, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547. E-mail: smanalievk@mail.ru.

ORCID: 0009-0002-8960-6916

Рахима Асанкуловна Отонбаева – заместитель директора института профессионального колледжа Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, преподаватель юридического института Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. 720033, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547. E-mail: rahima.otonbaeva@krena.kg.

ORCID: 0009-0007-3645-7183

Removing Children in Conflict with the Law from the Criminal Justice System

Removal of children from the justice system is one of the alternative measures to prevent punishment associated with deprivation of liberty. The authors assess to what extent the regulation of the institution of removing children from the criminal justice system in the Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic and other laws governing relations in the juvenile justice system complies with international standards in this area. Attention is drawn to the quality of implementation of this institution in the Kyrgyz Republic. The conditions and grounds for removing a child who has violated criminal law from the criminal justice system are considered, and the advantages of this institution are emphasized. In particular, an alternative measure to prosecution will protect a child from a criminal record and its consequences, will allow him to reconcile with the victim, develop useful skills, learn to manage his emotions, etc.

While recognizing that Kyrgyzstan has taken significant steps to ensure the rights of children, the authors nonetheless suggest improving the criminal procedure legislation of the Republic. In particular, it is proposed to give the prosecutor the right to approve a decision to remove a child from the criminal justice system, and to assign approval of an agreement to remove a child from the criminal justice system to the investigating judge.

Keywords: children, minor, child in conflict with the law, removal from the justice system, corrections, re-education, reintegration

Recommended citation

Smanaliev K. M., Otonbaeva R. A. Vyvedenie detei, vstupivshikh v konflikt s zakonom, iz sistemy ugovnogo sudoproizvodstva [Removing Children in Conflict with the Law from the Criminal Justice System], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 59–66, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-59-66.

References

Brsoyan I. S. *Pravosudie v otnoshenii nesovershennoletnikh: rossiiskii i zarubezhnyi opyt (na primere SShA i Rossii)* [Juvenile Justice: Russian and Foreign Experience (on the Example of the USA and Russia)], Radnaev E. L. (ed.) *Druzhestvennoe k rebenku pravosudie i problemy yuvenal'noi ugovnoi politiki* [Child-Friendly Justice and Problems of Juvenile Criminal Policy]: conference papers, Ulan-Ude, Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2013, pp. 22–25.

Firsov V. V. K voprosu o yuvenal'noi yustitsii [On the Issue of Juvenile Justice], *Kriminalist*, 2015, no. 2, pp. 48–51.

Kramarov A. O. Pravosudie po delam nesovershennoletnikh v Rossiiskoi Federatsii [Juvenile Justice in the Russian Federation], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, 2014, vol. 14, no. 3, pp. 579–583.

Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2016, vol. 4, 596 p.

Poltavtseva L. I. Yuvenal'naya ugovnaya politika i yuvenal'naya yustitsiya: problema sootnosheniya [Juvenile Criminal Policy and Juvenile Justice: The Problem of Correlation], *Yurist-Pravoved*, 2010, no. 4, pp. 23–27.

Shestakova L. A. *Realizatsiya kontseptsii yuvenal'noi yustitsii v proizvodstve po delam nesovershennoletnikh v Rossiiskoi Federatsii: genezis, sovremennost' i perspektivy* [Implementation of the Concept of Juvenile Justice in Juvenile Proceedings in the Russian Federation: Genesis, Modernity and Prospects]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Samara, 2015, 24 p.

Spesivov N. V. *Mezhdunarodnye standarty osushchestvleniya ugovnogo sudoproizvodstva s uchastiem nesovershennoletnikh i ikh realizatsiya v sovremenom rossiiskom ugovnom protsesse* [International Standards for the Implementation of Criminal Proceedings Involving Minors and Their Implementation in Modern Russian Criminal Proceedings]: cand. jur. sc. thesis, Saratov, 2015, 241 p.

Teregulova A. I. *Obespechenie prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh podozrevaemykh, obvinyaemykh v kontekste ratsionalizatsii stadii predvaritel'nogo rassledovaniya* [Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Juvenile Suspects, Accused in the Context of Rationalization of the Preliminary Investigation Stage]: cand. jur. sc. thesis, Ufa, 2019, 218 p.

Utyashev M. M. *Prava cheloveka v sovremennoi Rossii* [Human Rights in Modern Russia], Ufa, Poligrafkombinat, 2003, 616 p.

Kynatbek Smanaliev – doctor of juridical sciences, director of the Law institute, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn. 720033, Kyrgyz Republic, Bishkek, Frunze str., 547. E-mail: smanalievk@mail.ru.

ORCID: 0009-0002-8960-6916

Rakhima Otonbayeva – deputy director of the Institute of the professional college, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, lecturer at the Law institute, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn. 720033, Kyrgyz Republic, Bishkek, Frunze str., 547. E-mail: rahima.otonbaeva@krena.kg.

ORCID: 0009-0007-3645-7183

Дата поступления в редакцию / Received: 24.05.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 22.07.2024

М. В. Слифши

Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
(Москва)

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТАТЬЕЙ И. С. ДИКАРЕВА
«АНОМАЛИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ»**

В статье анализируются основные выводы, отраженные в публикации И. С. Дикарева «Аномалии правового положения органов дознания», разделяется его мнение о том, что отдельные статусные для органов дознания положения уголовно-процессуального закона не соответствуют отраслевому предмету правового регулирования. Высказываются некоторые критические соображения по поводу тезиса автора об «аномальности» законодательного включения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в число органов дознания. Рассматривается аргументация, касающаяся функциональной характеристики органов дознания.

Методологической базой исследования послужили методы анализа, синтеза, описания и интерпретации, историко-правовой метод. На основе буквального (лексико-грамматического) и системного методов толкования правовых норм формулируются юридические основания для приобретения уголовно-процессуальной правоспособности должностными лицами органов, реализующих законодательство об оперативно-розыскной деятельности. Оцениваются отдельные правовые позиции Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о совмещении одним должностным лицом уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных полномочий. Излагаются предложения по изменению редакции ч. 1 ст. 210 УПК РФ «Розыск подозреваемого, обвиняемого» и ряда иных связанных с ней норм уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: орган дознания, поручения следователя, должностное лицо органа дознания, уголовно-процессуальные функции

Для цитирования

Слифши М. В. Особенности правового регулирования процессуального статуса органов дознания: размышления над статьей И. С. Дикарева «Аномалии правового положения органов дознания» // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 67–78. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-67-78.

УДК 343.1

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-67-78

Проблемам правового положения органов дознания в российской научной литературе и периодике посвящено немало работ. Однако многие теоретические вопросы этой тематики остаются не вполне разрешенными либо спорными, в связи с чем их дальнейшее изучение представляется весьма актуальным. Отдельным таким вопросам посвящена статья И. С. Дикарева «Аномалии правового по-

ложения органов дознания» [Дикарев 2023]. В результате ретроспективного исследования, автор пришел к выводу об исторической преемственности ряда правовых положений, характеризующих статус современных органов дознания. Их устойчивость в условиях действия в России различных форм правления и политических режимов, на наш взгляд, свидетельствует о теоретической обоснован-

ности и практической востребованности исследуемых в публикации правовых норм.

Вместе с тем автор отмечает, что некоторые относящиеся к правовому статусу органов дознания (далее – ОД) предписания Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации уязвимы «с позиций чистоты предмета правового регулирования» [Дикарев 2023: 100]. В частности, п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК к органам дознания относит органы, деятельность которых «...не имеет уголовно-процессуального характера и осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством об оперативно-розыскной деятельности» [Там же: 98]. Кроме того, поручения следователя о производстве оперативно-розыскных и розыскных мер¹ исполняются вне пределов уголовно-процессуальной деятельности, однако закон предписывает адресовать такие поручения участникам уголовного судопроизводства – органам дознания. «Придание законом процессуального статуса субъектам, реализующим свои полномочия за рамками уголовно-процессуальной деятельности» [Там же: 99] автор определяет как «аномалию правового положения органа дознания» [Там же]. Наряду с этим в статье отмечается, что «...такой подход... является вынужденным и обусловлен практической целесообразностью» [Там же: 100]. В публикации также высказаны заслуживающие внимания замечания по вопросу о функциональной характеристике органов дознания.

Приведенные выводы автора, на наш взгляд, вызывают интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения, побуждая к их дальнейшему обсуждению.

Отнесение к органам дознания органов исполнительной власти, наделенных полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности

По нашему мнению, рассматривая вопрос о включении в перечень ОД (ч. 1 ст. 40 УПК) органов исполнительной власти, реализующих оперативно-розыскную деятельность, необходимо принимать во внимание следующее. Известно, что при отсутствии

¹ Часть 4 ст. 157 УПК РФ разделяет оперативно-розыскные и иные розыскные меры, акцентируя внимание на том, что розыск может производиться не только в рамках оперативно-розыскного процесса, но и в ходе административно-розыскной деятельности (прочесывание местности, привлечение к розыску сотрудников ГИБДД, участковых уполномоченных полиции и т. д.).

штатных дознавателей или их перегруженности указанные органы наряду с оперативно-розыскной деятельностью (далее – ОРД) традиционно проводят ряд уголовно-процессуальных процедур (рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях, производство неотложных следственных действий, исполнение поручений органов предварительного расследования). Для таких случаев закон и предусматривает возможность возложения на указанные органы уголовно-процессуальных прав и обязанностей.

При этом из буквального толкования ч. 2 ст. 41 УПК следует, что в стадии возбуждения уголовного дела допускается производство одним должностным лицом оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и уголовно-процессуальных действий по находящемуся у него в производстве проверочному материалу. Комментируемое правило запрещает производство дознания лицом, «которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия». Дознание в п. 8 ст. 5 УПК определяется как «...форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем), по уголовному делу...». Таким образом, действие ч. 2 ст. 41 УПК на стадию возбуждения уголовного дела не распространяется.

Кроме того, в ходе производства неотложных следственных действий реализующее полномочия ОД должностное лицо органа, осуществляющего ОРД (далее – оперативный работник, оперативник), одновременно вправе использовать и полномочия, предоставленные ему Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – Закон об ОРД). Уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность должностного лица в таких

² Закон также разделяет дознание и производство неотложных следственных действий, которые в п. 19 ст. 5 УПК определяются как «...действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления...». Следует, на наш взгляд, согласиться с высказанной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П правовой позицией, в соответствии с которой ч. 2 ст. 41 УПК «распространяется лишь на дознавателей и проведение ими дознания в предусмотренном главами 32 и 32.1 УПК Российской Федерации порядке...».

случаях тесно переплетаются, и в этом смысле формулировка п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК представляется вполне системной и органичной.

О возможности производства оперативным работником уголовно-процессуальных действий прямо свидетельствует и формулировка ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД, на основании которой «в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации». Приведенные предписания вызывают интерес не в меньшей степени, чем п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК, поскольку при системном их толковании, на наш взгляд, обнаруживается еще и правовая неопределенность: неясно, на каких основаниях оперативный работник приобретает уголовно-процессуальные полномочия в ходе производства им ОРМ.

Очевидно, что уголовно-процессуальные правоотношения не могут существовать вне прямой связи со статусом представителя компетентного государственного органа (предварительного расследования, прокуратуры или суда). Представляется неоспоримым мнение В. П. Божьева о том, что «ни один из участников уголовно-процессуальных отношений вне прямой и конкретной связи с представителем государства (следователем; лицом, производящим дознание; прокурором; судом) не может реализовать свои права и выполнить возложенные на него обязанности. Поэтому представитель государственного органа – обязательный участник всех этих отношений» [Божьев 1975: 157].

Поскольку в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (далее – УСП) правом на составление протоколов наделены лишь определенные в главе 6 УПК должностные лица органов предварительного расследования¹, рассматриваемые положения Закона об

¹ В соответствии с ч. 1 ст. 166 УПК в досудебных стадиях протоколы (за исключением протокола задержания – ч. 1 ст. 92 УПК) составляются лишь в ходе (или по окончании) следственных действий, правом производства которых наделены только следователь, руководитель следственного органа в случае реализации им полномочий следователя, дознавателя, начальники подразделения дознания и органа дознания при осуществлении ими полномочий дознавателя. Исключение из предусмотренного в ч. 1 ст. 166 УПК правила составляют лишь осуществляющиеся в рамках досудебных ста-

ОРД вызывают вопрос о том, обладает ли уголовно-процессуальной правоспособностью не упоминаемый в УПК в качестве субъекта УСП оперативный работник, и о том, на каких правовых основаниях он представляет орган дознания.

В уголовно-процессуальной теории выделялась общая и специальная правоспособность² субъектов уголовного процесса [Галкин 1962: 94–96; Кокорев 1971: 101]. Б. А. Галкин при этом использовал термин «правосубъектность», стремясь отграничить его от гражданско-правовых категорий правоспособности

Очевидно, что уголовно-процессуальные правоотношения не могут существовать вне прямой связи со статусом представителя компетентного государственного органа (предварительного расследования, прокуратуры или суда)

и дееспособности [Галкин 1962: 94]. В качестве общей уголовно-процессуальной правоспособности рассматривалась способность лица вообще быть субъектом уголовного судопроизводства. Под специальной уголовно-процессуальной правоспособностью понималась возможность лица быть участником судопроизводства по конкретному делу³.

дий контрольное судебное производство (ст. 125, 165 УПК), в ходе которого секретарь судебного заседания (помощник судьи) составляет протокол судебного заседания. См. п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² В общей теории права под специальной правоспособностью понимается отраслевая, т. е. способность лица или организации быть субъектом той или иной отрасли права. В рассматриваемом случае речь идет о подразделении уже отраслевой (уголовно-процессуальной) правоспособности на общую и специальную. Эта идея не получила дальнейшего развития в трудах отечественных процессуалистов, однако при помощи нее, на наш взгляд, можно наиболее наглядно рассмотреть вопрос о юридических основаниях приобретения уголовно-процессуальной правоспособности должностным лицом органа, осуществляющего ОРД.

³ При этом общая правоспособность должностных лиц органов расследования, прокуратуры и суда определялась законностью их назначения на соответствующую должность. Их специальная правоспособность связывалась с правилами об отводах в уголовном судопроизводстве. В целом соглашаясь с таким подходом, отметим, что поскольку не все сотрудники органа дознания по смыслу п. 7 ст. 5 УПК назначены на долж-

Например, начальник органа дознания (далее – НОД) представляет вверенную в его управление организацию в силу закона и с момента назначения на соответствующую должность (п. 17 ст. 5 УПК) приобретает как общую, так и специальную правоспособность (принимает участие в расследовании всех находящихся в производстве органа дознания уголовных дел: проверяет материалы дела, дает письменные указания дознавателю и т. д.). То же можно сказать и о начальнике подразделения дознания, но уже исключительно в части уголовных дел, находящихся в производстве руководимого им формирования. Например, в случаях производства неотложных следственных действий представляющим орган дознания оперативным работником (ч. 1 ст. 157 УПК) начальник подразделения дознания не является участником процесса по этому уголовному делу.

В соответствии с п. 7 ст. 5 УПК дознаватель – «...должностное лицо органа дознания, правомочное *либо уполномоченное начальником органа дознания* (курсив мой. – М. С.) осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом». Из буквального смысла этих положений следует, что процессуальные полномочия дознавателя приобретаются в результате назначения на одноименную должность (лицо правомочное) либо в силу отдельного распоряжения НОД возлагаются на лицо, замещающее в органе дознания иную должность (лицо, уполномоченное НОД) [Есина, Арестова 2009: 19–20].

При этом следует отметить, что назначенные на должность дознавателя лица в силу ч. 1 ст. 41 УПК приобретают полномочия по расследованию конкретного уголовного дела (а по совокупному смыслу п. 1 ч. 1 ст. 40.1, п. 1 ч. 1 ст. 40.2, ч. 1 ст. 41 УПК – и по проверке сообщения о преступлении), т. е. специальную правоспособность, после соответствующего указания начальника органа или подразделения дознания¹. Иные должностные

ности дознавателей, есть все основания полагать, что критерии их уголовно-процессуальной правоспособности должны рассматриваться несколько шире.

¹ По буквальному смыслу ч. 1 ст. 41 УПК поручения о производстве дознания даются исключительно в письменном виде. Представляется, что и иные предусмотренные в п. 1 ч. 1 ст. 40.2 УПК поручения на-

лица ОД приобретают специальную правоспособность одновременно с общей в результате поручения НОД о производстве неотложных следственных действий по конкретному уголовному делу (ст. 157 УПК), о проверке сообщения о преступлении (ст. 144 УПК), об исполнении поручения следователя (п. 6 ч. 1 ст. 40.2 УПК).

Поручая оперативному работнику или иному должностному лицу ОД (например, участковому уполномоченному) производство неотложных следственных действий (а равно проверку сообщения о преступлении), НОД делегирует ему свои полномочия². Рассматриваемые полномочия, как правило, возлагаются на должностное лицо ОД посредством проставления соответствующей резолюции на постановлении о возбуждении уголовного дела в порядке ст. 157 УПК (резолюции на заявлении или сообщении о преступлении либо поручении следователя) [Есина, Арестова 2009: 20–21].

Начальник органа дознания может делегировать уголовно-процессуальные полномочия и иными способами. Например, будучи начальниками органа дознания, руководители территориальных органов внутренних дел утверждают своим приказом состав дежурных суточных следственно-оперативных групп, наделяя тем самым дежурных должностных лиц органа дознания уголовно-процессуальными полномочиями по принятию заявлений и сообщений о преступлении (ч. 1 ст. 140 УПК), выезду на место происшествия и его осмотру, производству иных процессуальных действий в порядке ст. 144 УПК.

При этом применительно к ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД можно, на наш взгляд, лишь однозначно утверждать, что при проведении ОРМ в ходе производства неотложных следственных действий (проверки заявления или сообщения о преступлении, а равно исполнения поручения следователя) оперативный работник в силу наличия соответствующего указания начальника органа дознания действует от его имени, обладает уголовно-процессуальной правоспособностью и, сле-

дующим, начальник органа дознания должны оформляться им письменно.

² Именно такая правовая позиция выражена в уже приведенном нами Постановлении Конституционного Суда, из которого следует, что в ходе производства неотложных следственных действий оперативный работник действует от имени органа дознания.

довательно, вправе составлять протоколы. В иных случаях основания для представительства органа дознания оперативным работником, как минимум, не очевидны.

В силу ст. 2 Закона об ОРД должностные лица органов, осуществляющих ОРД, обязаны выявлять (а также раскрывать) преступления и лиц, их совершающих (совершивших), однако после выявления признаков преступного деяния для производства следственных и иных уголовно-процессуальных действий оперативному работнику необходимо приобрести полномочия органа дознания или дознавателя.

Согласно сопровождающим стадию возбуждения уголовного дела административно-правовым нормативным актам оперативный работник обязан регистрировать собранные им материалы о преступлении в установленном порядке¹. После регистрации рапорт (сообщение, заявление) о преступлении передается для предварительного рассмотрения НОД, который поручает его проверку дознавателю либо иному должностному лицу ОД, наделяя последнего процессуальными полномочиями дознавателя (а в случае применения ст. 157 УПК – органа дознания) по рассмотрению этого материала.

Так, в соответствии с п. 40 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (утв. приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736) «проверку зарегистрированного заявления (сообщения) осуществляет сотрудник органов внутренних дел по соответствующему поручению руководителя (начальника) территориального органа МВД России, его заместителя или заместителя начальника полиции либо начальника управления (отдела, отделения, пункта) полиции или его заместителя, начальника линейного отдела (отделения, пункта) полиции или его заместителя либо лиц, их замещающих...». В качестве альтернативы поручению о проверке может служить решение началь-

¹ Например, обязанность по регистрации заявлений и сообщений о преступлениях возлагается на территориальные органы внутренних дел в силу п. 1 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

ника органа дознания о передаче материалов для рассмотрения в иной орган дознания или в следственный орган.

В этом смысле, на наш взгляд, вызывает сомнения правовая позиция Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в определении от 7 декабря 2011 г. по уголовному делу № 53-О11-67. ВС РФ пришел к выводу об отсутствии нарушения законности в действиях оперативного работника И., осуществившего осмотр места происшествия в ходе производства оперативного эксперимента в целях проверки оперативной информации о взяточничестве.

В определении сказано: «Из положений п. 1 ч. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ следует, что органы, осуществляющие (согласно делу оперативного учета И. был исполнителем проведения оперативного эксперимента) оперативно-розыскную деятельность, обязаны (норма носит императивный характер) выполнить неотложные следственные действия. В соответствии с ч. 2 ст. 176 УПК РФ „в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела“.

С учетом требований ст. 40 и 57 УПК РФ проведение осмотра места происшествия в сложившихся по настоящему уголовному делу условиях возлагается на исполнителя проведения оперативного эксперимента. Поэтому действия И., связанные с проведением осмотра места происшествия в ходе проведения оперативного эксперимента, являются законными».

Приведенные выводы ВС РФ представляются некорректными. Пункт 2 ч. 2 ст. 40 УПК действительно возлагает на ОД обязанность производить неотложные следственные действия. Однако, во-первых, в данном случае Судебная коллегия ВС РФ допустила подмену понятия: термин «неотложное следственное действие» (п. 19 ст. 5 УПК РФ) не имеет никакого отношения к контексту ч. 2 ст. 176 УПК РФ. Во-вторых, по буквальному смыслу ст. 157 УПК неотложные следственные действия вправе производить исключительно орган дознания, который, разумеется, вправе делегировать свои полномочия как штатному дознавателю, так и иному должностному лицу ОД, включая оперативных работников.

Однако для этого необходимо соответствующее решение НОД (п. 7 ст. 5 УПК и пп. 1 и 6 ч. 1 ст. 42.2, ст. 157 УПК).

Представляется, что в рассматриваемом случае оперативный работник, самостоятельно возложив на себя права и обязанности органа дознания, вышел за пределы своих полномочий, вторгаясь тем самым в компетенцию начальника органа дознания.

Не будучи участником судопроизводства по рассматриваемому уголовному делу, автор настоящей статьи не имел возможности ознакомиться с его материалами. Вместе с тем если в материалах дела было адресованное оперативному работнику распоряжение НОД о проверке заявления (сообщения) о преступлении, на наш взгляд, в этой части отсутствовал бы предмет спора в суде кассационной инстанции, поскольку очевидно, что в рамках ст. 144 УПК (с учетом положений п. 8 ст. 5 и ч. 2 ст. 41 УПК в их буквальном толковании) действующий от имени органа дознания оперативный работник вправе производить осмотр места происшествия (отметим, что допустимость протокола осмотра места происшествия оспаривали два адвоката: составивший кассационную жалобу и участвующий в судебном заседании в качестве защитника). Кроме того, ссылка на ст. 144 УПК в рассматриваемом определении Судебной коллегии Верховного Суда отсутствует, но констатируется, что протокол осмотра места происшествия составлен «...в рамках проведения ОРМ „Оперативный эксперимент“». Суд основывает свои выводы в этой части не на материалах проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК (всегда прилагающихся к уголовному делу), а на материалах дела оперативного учета.

Следует принимать во внимание, что по правилам ст. 11 Закона об ОРД результаты ОРД, включая изъятые (в порядке ч. 1 ст. 15 этого же закона) предметы и документы, «...могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания...». Это позволяет сделать вывод о том, что ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД применима и в целях выявления преступлений, когда ОРМ производятся до поступления в ОД заявления (сообщения) о преступлении (ч. 1 ст. 140 УПК), на основе оперативной информации о фактах преступной деятельности, т. е. вне пределов дей-

ствия ст. 144 УПК. В таких случаях о производстве ОРМ начальника органа дознания можно (по закону) не информировать вплоть до представления ему результатов ОРД в качестве повода¹ и основания для возбуждения уголовного дела (ст. 11 Закона об ОРД).

С учетом приведенного примера из судебной практики можно сделать вывод о том, что по совокупному смыслу действующей редакции ст. 11 и п. 1 ст. 15 Закона об ОРД в ходе проведения гласных ОРМ допускается производство оперативным работником уголовно-процессуальных действий (составление протоколов) без соответствующего распоряжения начальника органа дознания, что противоречит п. 7 ст. 5 УПК и пп. 1 и 6 ч. 1 ст. 42.2, ст. 157 УПК в совокупном их толковании.

Изложенное, на наш взгляд, позволяет утверждать, что, установив в п. 1 ст. 15 Закона об ОРД право оперативного работника на составление в ходе проведения ОРМ уголовно-процессуальных протоколов, законодатель создал правовую неопределенность. Неясно, каковы основания для возникновения у оперативного работника уголовно-процессуальной правоспособности, если нет соответствующего поручения НОД. При этом следует подчеркнуть, что в рассматриваемом случае в наделении оперативного работника уголовно-процессуальными полномочиями, на наш взгляд, нет практической необходимости.

В соответствии с п. 1 ст. 15 Закона об ОРД при решении задач ОРД органы, уполномоченные ее осуществлять, вправе изымать предметы и документы. Однако представляется, что факт изъятия предметов и документов вполне легитимно и надежно можно зафиксировать и посредством оперативно-розыскного документирования (ст. 10 Закона об ОРД), после чего представленные следователю документы² и предметы могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств (ч. 2 ст. 11 Закона об ОРД).

Кроме того, заслуживает поддержки практика привлечения должностных лиц органов

¹ В таких случаях составляется рапорт об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК).

² Примечательно, что часть оперативно-розыскных документов на практике именовалась протоколами ОРМ. Естественно, такие протоколы не имели уголовно-процессуальной природы и не являлись доказательствами в смысле ст. 83 УПК [Доля 1996: 84–85].

предварительного расследования к реализации результатов оперативно-розыскных операций. Такое взаимодействие заранее согласовывается руководителями служб, после чего следователь (при необходимости) безотлагательно прибывает на место производства ОРМ либо присутствует на нем с момента начала ОРМ.

Вернемся к п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК в контексте возможных причин использования словосочетания «органы исполнительной власти, наделенные... полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности». Можно предположить, что к такой формулировке законодатель прибегнул, с одной стороны, стремясь не перегружать закон перечислением большого количества органов исполнительной власти, которых закон наделяет соответствующими полномочиями¹. С другой стороны, в современной России нередки случаи создания, реорганизации и ликвидации правоохранительных органов. Обобщенная формулировка позволяет избежать последующих многочисленных поправок в соответствующие положения УПК в связи с возможной реорганизацией элементов системы исполнительной власти². Таким образом, в данном случае речь идет, скорее, не об аномалии, а об особенностях законодательной техники.

Использование термина «орган дознания» в п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41, ч. 2 ст. 95, ч. 4 ст. 157 и ч. 1 ст. 210 УПК

Рассматривая вопрос об использовании обобщенного термина «орган дознания» в правовом регулировании поручений следователя (дознавателя), прежде всего необходимо отметить, что такие поручения могут иметь разную правовую природу и носить как уго-

¹ Следует заметить, что и определение органа дознания посредством указания в законе наименования конкретного органа исполнительной власти также способно вызывать критику. Например, С. И. Гирько и С. В. Харченко полагают, что закрепление в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК органов внутренних дел в качестве органов дознания неоправданно, поскольку осуществление уголовно-процессуальной деятельности не единственная форма реализации ими своей компетенции. Как субъект административных правоотношений они именуется «органом, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях» (ст. 23.3 КоАП РФ), а как участник оперативно-розыскного процесса – «органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» (ст. 13 Закона об ОРД) [Харченко, Гирько 2019: 131].

² Статья 117 УПК РСФСР в течение довольно продолжительного периода содержала исчерпывающий перечень органов дознания [см., например: Научно-практический комментарий 1970: 169].

ловно-процессуальный, так и иной правовой характер.

Адресация органу дознания поручений о производстве уголовно-процессуальных действий вопросов не вызывает, поскольку как участник УСП орган дознания вправе (и обязан) осуществлять процессуальную деятельность. Вместе с тем использование термина «орган дознания» для обозначения адресата поручений о производстве действий иной правовой природы, на наш взгляд, вызывает сомнения.

Следует согласиться с мнением И. С. Дикарева о том, что размещение в уголовно-процессуальном законе предписаний о поручениях, исполняемых вне пределов уголовного процесса, с практической точки зрения оправданно [Дикарев 2023: 100].

Использование обобщенного термина «орган дознания» для обозначения адресата поручений в контексте ч. 1 ст. 210 УПК вряд ли целесообразно

Право давать такие поручения представляет собой одно из уголовно-процессуальных полномочий должностных лиц органов предварительного расследования (ст. 38, 41 УПК) и суда (ч. 3 ст. 253 УПК и др.). Кроме того, уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность возложения обязанностей, реализуемых вне пределов уголовного судопроизводства, и в иных случаях. Например, представления следователя и суда об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления (ч. 4 ст. 29, ч. 2 ст. 158 УПК), а также постановления (определения) о применении мер безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК, ст. 18 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства») исполняются должностными лицами органов исполнительной власти³ в ходе их административной деятельности.

При этом использование обобщенного термина «орган дознания» для обозначения адресата поручений в контексте ч. 1 ст. 210 УПК вряд ли целесообразно. Во-первых, «опера-

³ Адресатами представления могут быть не только государственный орган, но и коммерческие и иные негосударственные организации.

тивно-розыскные» поручения следователя исполняются должностными лицами органов, осуществляющих ОРД, посредством реализации прав, не предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Во-вторых, такими поручениями на указанных лиц возлагаются обязанности, выполняемые вне пределов уголовного судопроизводства¹.

И. С. Дикарев справедливо отмечает, что в ходе исполнения поручений о производстве ОРМ рассматриваемые должностные лица не приобретают статуса участника судопроизводства со стороны обвинения по конкретному уголовному делу [Там же: 100]². Более того, при необходимости такие лица допрашиваются следователем (дознавателем) и приобретают в ходе расследования процессуальный статус свидетеля.

Следует, на наш взгляд, также согласиться с выводом о том, что рассматриваемая «аномалия» в положениях УПК является, скорее, результатом стремления законодателя сохранить некоторую преемственность закона [Там же: 100]. В связи с этим заслуживает внимания правовая позиция С. И. Гирько, полагающего, что подобные нормы в УПК РСФСР служили тому, «...чтобы создать элементарную правовую основу для оперативно-розыскной деятельности, которая до принятия специального закона регулировалась ведомственными нормативными правовыми актами» [Гирько 2013: 87]. При этом отдельные представители советской уголовно-процессуальной науки рассматривали ОРД как составную часть дознания [Семенов 1984: 253; Абдумаджидов 1986: 70–71]. Однако после принятия Закона об ОРД подобные уголовно-процессуальные предписания, по мнению С. И. Гирько, «пред-

ставляют интерес лишь в методологическом плане» [Гирько 2013: 87], т. е. можно сказать, несут реликтовый характер.

Российские процессуалисты предлагали изменить редакцию п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 4 ст. 157 УПК и иные аналогичные уголовно-процессуальные положения, установив право следователя на дачу розыскных поручений непосредственно органам, осуществляющим ОРД [Бекетов 2004: 73]. Однако такое предложение не учитывает, что розыск ведут не только оперативно-розыскные, но и другие службы правоохранительных органов. На розыск ориентируют, например, участковых уполномоченных полиции³ и иные подразделения органов внутренних дел: патрульно-постовую службу, ГИБДД (в большей степени по транспорту). В Вооруженных Силах розыск осуществляют органы военной полиции⁴, командиры воинских частей, соединений и т. д. Поскольку перечисленные государственные органы и подразделения не наделены полномочиями по производству ОРД, реализация рассматриваемого предложения привела бы к блокированию части розыскных возможностей.

С учетом изложенного, на наш взгляд, допустимой может быть такая формулировка ч. 1 ст. 210 УПК: «Если местонахождение подозреваемого, обвиняемого неизвестно, то следователь поручает его розыск органам исполнительной власти, наделенным федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной и иной розыскной деятельности, что указывает в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносит отдельное постановление». Соответствующие изменения необходимо внести и в положения п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 152 УПК, регулирующие правовые взаимоотношения между следователем (дознавателем) и органами, уполномочен-

¹ Уголовно-процессуальные средства розыска может применять лишь должностное лицо органа дознания, принявшее уголовное дело к своему производству либо входящее в состав группы дознавателей (ст. 223.2 УПК). Имеющие значения для розыска сведения также могут быть получены органом дознания в ходе производства следственных и иных уголовно-процессуальных действий по поручению следователя [подробнее см.: Слифиш 2022а: 42–44].

² Аналогичная ситуация складывается и с поручениями следователя об исполнении постановлений (о приводе, задержании и т. д.). Процессуальное решение о приводе (задержании) по уголовному делу принимает следователь, а доставление по приводу либо фактическое задержание осуществляют не принимающие участия в производстве по делу должностные лица (например, участковые-уполномоченные, сотрудники патрульно-постовой службы и др.) в ходе их административно-правовой деятельности.

³ Пункты 4.3 и 5.2 Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции (утв. приказом МВД РФ от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции») возлагают на участковых уполномоченных полиции обязанности по выявлению, раскрытию преступлений и розыску лиц, подозреваемых и обвиняемых в их совершении.

⁴ Розыскные полномочия органов военной полиции определены в ст. 189–196 Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 25 марта 2015 г. № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»).

ными осуществлять оперативно-розыскные мероприятия и иные розыскные меры. Этим же органам следует адресовать и поручения об административно-правовых мерах (исполнение решений о задержании, аресте и т. д.), направленных на оказание содействия следователю (дознавателю)¹.

Рассматривая ч. 2 ст. 95 УПК, предусматривающую право следователя допускать встречи «сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность» с находящимся под стражей подозреваемым, трудно, на наш взгляд, не принимать во внимание формулировку ч. 7 ст. 164 УПК. В ней законодатель предоставляет следователю право привлечь к участию в следственном действии «должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность». Непоследовательность законодателя, установившего разные наименования одного и того же правового статуса физического лица, по сути, в аналогичных правовых условиях, может быть объяснима, на наш взгляд, лишь архаикой изложения ч. 2 ст. 95 УПК.

С учетом сказанного полагаем, что в ч. 2 ст. 95 УПК из формулировки «сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность» целесообразно исключить слово «дознания». Кроме того, необходимо исключить из ч. 4 ст. 157 УПК положения, определяющие полномочия «органа дознания» по производству ОРМ после направления им уголовного дела руководителю следственного органа. Вопросы юрисдикции органов, реализующих ОРД, в том числе применительно к предусмотренной в ч. 4 ст. 157 УПК следственной ситуации, должны регулироваться законодательством об ОРД, например правилами, устанавливающими ос-

¹ Такие действия, на наш взгляд, для рассматриваемых органов вполне органичны, поскольку включены административным законодательством в круг их обязанностей. Так, в соответствии со ст. 194–196 Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в перечень ее обязанностей входят задержание и конвоирование военнослужащих. Для органов, осуществляющих ОРД, соответствующие требования предусмотрены определяющим их правовой статус федеральными законами – ст. 12 ФЗ «О полиции», ст. 12 ФЗ «О Федеральной службе безопасности» и др. Кроме того, подобного рода обязанности определяются общим смыслом ст. 2 Закона об ОРД, устанавливающей в качестве одной из задач ОРД «осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда», и результатом выполнения этой задачи должны быть задержание и конвоирование.

нования для прекращения дел оперативного учета [Шумилов 2007: 300–301], и др.

Функциональная характеристика уголовно-процессуальной деятельности органов дознания

Весьма интересны и суждения, высказанные И. С. Дикаревым по вопросу об уголовно-процессуальных функциях ОД [Дикарев 2023: 101–103].

Законом ОД отнесены к стороне обвинения. Вместе с тем следует в целом согласиться с выводом автора о том, что исполнение поручений следователя о производстве уголовно-процессуальных действий вряд ли допустимо во всех случаях напрямую связывать с осуществлением органами дознания функции обвинения². Такая процессуальная деятельность по отношению к обвинению нередко нейтральна, хотя элементы обвинительной деятельности в ней, безусловно, присутствовать могут. Например, поручение о производстве обыска предполагает активное собирание органом дознания доказательств обвинения. При этом довод И. С. Дикарева о рассмотрении функционального интереса как основного критерия отнесения субъекта УСП к той или иной категории участников уголовного процесса [Там же: 101] представляется убедительным, поскольку имеет правовую основу в виде ч. 2 ст. 15 УПК. Однако следует и признать, что в случаях исполнения поручений следователя органами дознания, выявившими (или раскрывшими) расследуемое преступление, функциональный интерес, как правило, в значительной степени присутствует³.

² К таким уголовно-процессуальным действиям относятся, например, выемка справок на обвиняемого из психоневрологических и наркологических диспансеров, медицинских и характеризующих документов из военкоматов на обвиняемых-курсантов или военнослужащих по призыву и т. п.

³ Количество выявленных (раскрытых) преступлений – один из существенных показателей эффективности служебной деятельности большинства органов исполнительной власти, обладающих полномочиями органов дознания. В соответствии со сложившейся практикой преступление считается раскрытым после выдвижения обвинения (или как минимум подозрения, например при заключении под стражу – п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК) против конкретного лица. Если уголовное преследование в отношении такого лица прекращено по реабилитирующим основаниям, аннулируется и результат служебной деятельности по раскрытию преступления. В связи с этим начальники рассматриваемых органов нередко прямо заинтересованы в развитии уголовного преследования и повышении эффективности обвинения по делам, расследуемым следственными органами.

Кроме того, необходимо отметить, что субъекты процесса со стороны обвинения, очевидно, осуществляют не только уголовное преследование, но и иные процессуальные функции. Например, в стадии предварительного расследования прокурор осуществляет функции уголовного преследования и прокурорского надзора [Тушев 2005: 29–32]. При этом вполне можно констатировать, что совмещение участником процесса процессуальных функций не всегда способствует объективности и эффективности осуществления какой-либо из них [Слифиш 2022b]. На наш взгляд, законодательное устранение такого совмещения возможно¹, но применительно к органам дознания вряд ли целесообразно,

¹ Например, есть не лишние определенные оснований общеизвестные предложения о перераспределении надзорных функций прокурора в пользу судебного контроля. См., например: п. 6 раздела IV Концепции судебной реформы (утв. постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы»). Кроме того, при производстве следствия надзорные полномочия прокурора во многом уже заменены на ведомственный контроль.

поскольку усложнит закон без ощутимых практических результатов. Более того, отнести в рассматриваемом контексте орган дознания «к иным участникам уголовного процесса» вряд ли оправданно, поскольку в таком случае к ним необходимо будет отнести и следователя, которого закон также обязывает исполнять поручения о производстве следственных действий в порядке ч. 1 ст. 152 УПК.

Наряду с этим необходимо признать, что аргументы И. С. Дикарева по вопросу о совмещении органами дознания различных процессуальных функций, несомненно, заслуживают внимания. Дальнейшее исследование функциональной характеристики участников уголовного судопроизводства, включая органы дознания, на наш взгляд, будет способствовать развитию уголовно-процессуальной теории. Кроме того, поскольку в число целей науки входят описание, а также объяснение процессов и явлений действительности, рассматриваемые результаты исследования, безусловно, могут использоваться в сфере юридического образования.

Список литературы

- Абдумаджидов Г. А. Расследование преступлений: Процессуально-правовое исследование. Ташкент: Узбекистан, 1986. 191 с.
- Бекетов М. Ю. Следователь органов внутренних дел и милиция: взаимодействие при расследовании преступлений: учеб. пособие. М.: Щит-М; МосУ МВД РФ, 2004. 95 с.
- Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юрид. лит., 1975. 176 с.
- Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М.: Госюриздат, 1962. 255 с.
- Гирько С. И. Уголовно-процессуальные функции полиции в Российской Федерации: моногр. М.: ВНИИ МВД России, 2013. 100 с.
- Дикарев И. С. Аномалии правового положения органов дознания // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2. С. 97–104.
- Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Спарк, 1996. 111 с.
- Есина А. С., Арестова Е. Н. Уголовно-процессуальная деятельность органов внутренних дел в качестве органов дознания. М.: Кнорус, 2009. 323 с.
- Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. 160 с.
- Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / под ред. Л. Н. Смирнова. М.: Юрид. лит., 1970. 560 с.
- Семенов В. М. Суд и правосудие в СССР. М.: Юрид. лит., 1984. 319 с.
- Слифиш М. В. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Инфра-М, 2022а. 169 с.
- Слифиш М. В. О процессуальных функциях военного прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Военное право. 2022b. № 6. С. 167–173.
- Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2005. 323 с.

Харченко С. В., Гирько С. И. О соотношении уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Закон и право. 2019. № 2. С. 127–132.

Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учеб. для вузов. М.: Издат. дом Шумиловой И. И., 2007. 375 с.

Мечислав Викторович Слифшиш – кандидат юридических наук, доцент, преподаватель Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. 123001, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14. E-mail: mechislav64@yandex.ru.

ORCID: 0009-0000-5089-7088

Peculiarities of Legal Regulation of the Procedural Status of Bodies of Inquiry: Reflections on I. S. Dikarev's Article «Anomalies of the Legal Status of Bodies of Inquiry»

The author analyzes the main conclusions reflected in I. S. Dikarev's paper «Anomalies of the legal status of bodies of inquiry», sharing his point of view on the inconsistency of certain status provisions of the criminal procedure law for bodies of inquiry with the sectoral subject of legal regulation. Some critical considerations on I. S. Dikarev's thesis about the «anomaly» of the legislative inclusion of the bodies carrying out operational and investigative activities in the number of bodies of inquiry are expressed. Argumentation concerning the functional characterization of bodies of inquiry is considered.

The methodological framework of the study includes analysis, synthesis, description, interpretation, and historical-legal method. On the basis of literal and systematic methods of legal norms interpretation the legal grounds for the acquisition of criminal procedural legal capacity by officials of bodies carrying out operational and investigative activities are formulated. Some positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation on combining criminal procedural and operational powers by one official are evaluated. Proposals to change the wording of Part 1 of Article 210 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and several related rules of the criminal procedural law, are outlined.

Keywords: body of inquiry, investigator's instructions, official of the body of inquiry, criminal procedural functions

Recommended citation

Slifish M. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya protsessual'nogo statusa organov doznaniya: razmyshleniya nad stat'ei I. S. Dikareva «Anomalii pravovogo polozheniya organov doznaniya» [Peculiarities of Legal Regulation of the Procedural Status of Bodies of Inquiry: Reflections on I. S. Dikarev's Article «Anomalies of the Legal Status of Bodies of Inquiry»], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 67–78, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-67-78.

References

Abdumadzhidov G. A. *Rassledovanie prestuplenii: Protsessual'no-pravovoe issledovanie* [Investigation of Crimes: A Procedural and Legal Study], Tashkent, Uzbekistan, 1986, 191 p.

Beketov M. Yu. *Sledovatel' organov vnutrennikh del i militsiya: vzaimodeistvie pri rassledovanii prestuplenii* [Investigator of the Internal Affairs Bodies and the Police: Interaction in the Investigation of Crimes], Moscow, Shchit-M, 2004, 95 p.

Bozh'ev V. P. *Ugolovno-protsessual'nye pravootnosheniya* [Criminal Procedural Legal Relations], Moscow, Yurid. lit., 1975, 176 p.

Galkin B. A. *Sovetskii ugolovno-protsessual'nyi zakon* [The Soviet Criminal Procedure Law], Moscow, Gosyurizdat, 1962, 255 p.

- Gir'ko S. I. *Ugolovno-protsessual'nye funktsii politsii v Rossiiskoi Federatsii* [Criminal Procedural Functions of the Police in the Russian Federation], Moscow, VNII MVD Rossii, 2013, 100 p.
- Dikarev I. S. Anomalii pravovogo polozheniya organov doznaniya [Anomalies of the Legal Status of the Bodies of Inquiry], *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2023, no. 2, pp. 97–104.
- Dolya E. A. *Ispol'zovanie v dokazyvanii rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Use in Proving the Results of Operational Investigative Activities], Moscow, Spark, 1996, 111 p.
- Esina A. S., Arestova E. N. *Ugolovno-protsessual'naya deyatel'nost' organov vnutrennikh del v kachestve organov doznaniya* [Criminal Procedural Activity of Internal Affairs Bodies as Bodies of Inquiry], Moscow, Knorus, 2009, 323 p.
- Kharchenko S. V., Gir'ko S. I. O sootnoshenii ugolovno-protsessual'noi i operativno-rozysknoi deyatel'nosti [On the Correlation of Criminal Procedural and Operational Investigative Activities], *Zakon i pravo*, 2019, no. 2, pp. 127–132.
- Kokorev L. D. *Uchastniki pravosudiya po ugolovnym delam* [Participants in Criminal Justice], Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1971, 160 p.
- Semenov V. M. *Sud i pravosudie v SSSR* [Court and Justice in the USSR], Moscow, Yurid. lit., 1984, 319 p.
- Shumilov A. Yu. *Kurs osnov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Course of the Basics of Operational Investigative Activities], Moscow, Izdat. dom Shumilovoi I. I., 2007, 375 p.
- Slifish M. V. *Ugolovno-protsessual'naya deyatel'nost' organov doznaniya Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii* [Criminal Procedural Activity of the Bodies of Inquiry of the Armed Forces of the Russian Federation], Moscow, Infra-M, 2022a, 169 p.
- Slifish M. V. O protsessual'nykh funktsiyakh voennogo prokurora v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva [On the Procedural Functions of a Military Prosecutor in the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings], *Voennoe pravo*, 2022b, no. 6, pp. 167–173.
- Smirnov L. N. (ed.) *Nauchno-prakticheskii kommentarii k UPK RSFSR* [Scientific and Practical Commentary on the Code of Criminal Procedure of the RSFSR], Moscow, Yurid. lit., 1970, 560 p.
- Tushev A. A. *Prokuror v ugolovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii* [Prosecutor in the Criminal Process of the Russian Federation], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2005, 323 p.

Mechislav Slifish – candidate of juridical sciences, associate professor, lecturer of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky. 123001, Russian Federation, Moscow, Bolshaya Sadovaya str., 14. E-mail: mechislav64@yandex.ru.

ORCID: 0009-0000-5089-7088

Дата поступления в редакцию / Received: 28.03.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.07.2024

Н. И. Биюшкина, Г. С. Пытина

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород)

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЙ «НЕПРАВОСУДНОЕ РЕШЕНИЕ», «НЕПРАВОМЕРНОЕ РЕШЕНИЕ» И «ПРАВОСУДИЕ»

В работе приводятся авторская периодизация процесса реформирования судебной системы в Российской Федерации, а также другие его периодизации, предлагаемые в научной литературе. Отмечается, что новый вектор преобразований в этой сфере обусловлен стремлением к унификации судебной практики. Вместе с тем остается актуальной проблема вынесения неправосудных решений и привлечения судей к ответственности в связи с этим. С точки зрения авторов, для определения неправосудности решения необходима разработка соответствующего понятийного аппарата.

Авторы исследуют различные источники права, регулирующие уголовные и уголовно-процессуальные правоотношения и предусматривающие ответственность судей за неправомерные решения, анализируют правоприменительную практику стран англосаксонской, романо-германской, мусульманской и азиатской правовых систем. Изучаются и определения неправосудности судебного акта в отечественной правовой доктрине. Предлагаются дефиниции понятий «неправосудное решение», «неправомерное решение» (причем второй термин понимается шире, чем первый), приводятся доктринальные и авторские определения термина «правосудие». В заключение подчеркивается необходимость дальнейшего пристального изучения этой проблемы.

Ключевые слова: неправосудное решение, правосудие, суд, неправомерное решение, судопроизводство

Для цитирования

Биюшкина Н. И., Пытина Г. С. Об определении понятий «неправосудное решение», «неправомерное решение» и «правосудие» // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 79–87. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-79-87.

УДК 347.97/.99

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-79-87

В настоящее время вынесение судебного решения приобретает особую отрицательную коннотацию в связи с дрящимися преобразованиями в судебной сфере. Трансформация органов правосудия в Российской Федерации носит поэтапный характер:

первый этап: 1991–2001 гг.¹, становление постсоветской судебной системы, характеризующееся кардинальным изменением статуса судей и глобальной перестройкой системы судов в свете конституционно-правовых преобразований;

второй этап: 2002–2013 гг., оформление и функционирование судебной системы РФ. Этот этап отмечен принятием программ «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 гг.² и на 2007–2011 гг.³;

третий этап: 2014–2018 гг., изменение структуры органов правосудия и оформление унификации судебной практики, характеризующееся упразднением Высшего Арби-

¹ Постановление Верховного Суда РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР».

² Постановление Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. № 805 «О федеральной целевой программе „Развитие судебной системы России“ на 2002–2006 годы» (в ред. от 6 февраля 2004 г.).

³ Распоряжение Правительства РФ от 4 августа 2006 г. № 1082-р «О Концепции федеральной целевой программы „Развитие судебной системы России“ на 2007–2011 годы».

тражного Суда РФ¹; формирование вектора судопроизводства, нацеленного на создание единого общероссийского правоприменительного пространства. Отличительной особенностью этого периода стал процесс выработки специализированного законодательства во избежание различий в понимании законов судьями и иными правоприменителями. Так, был принят Кодекс административного судопроизводства РФ², снявший большое количество противоречий и избавивший судопроизводство от явных споров и несоответствий между нормами гражданского, арбитражного и административного процессов. В этот период утверждена программа «Развитие судебной системы России» на 2013–2020 гг., ее цель – повышение качества осуществления правосудия;

четвертый этап: с 2018 г. по настоящее время, период реформирования судебной системы, выраженного в образовании кассационных и апелляционных судов. Были внесены поправки в многочисленные законы, определяющие организационно-правовой статус судов. По мнению инициаторов, выступавших за данные изменения, «это позволит в будущем усовершенствовать иерархию построения судебной системы РФ, сформировав ее по четырехзвенному принципу»³.

Представленная классификация этапов реформирования судебной системы современной России далеко не единственная. Так, Е. В. Парахина приводит альтернативную периодизацию, основанную на формально-юридическом критерии [Парахина 2019]. Каждый этап связан с принятием соответствующей целевой программы или концепции развития судебной системы. Иные авторы отмечают длящийся характер построения судебной системы, ее изменчивость, исходя из меняющегося геополитического вектора, стабилизации и укрепления вертикали власти, основ федерации, с учетом внедрения модели единства

правовой и судебной практики, единого правового поля. Например, Ю. К. Орлов приводит два этапа судебной реформы: с 1991 по 2002 г. и с 2002 г. по настоящее время. Первый этап определен как период становления всей судебной системы РФ. С точки зрения Ю. К. Орлова, его отличает наличие такого самостоятельного этапа, как принятие Конституции Российской Федерации, в которой закрепляются независимость судебной власти и правовые основы ее организации. На втором этапе уточнен правовой статус судов, органов судейского сообщества, определены иерархии судов, взаимоотношений с высшими судебными инстанциями, законодательно закреплён статус судей [Орлов 2020].

Однако какими бы ни были представленные периодизации изменений в судебной системе России, исследователи едины во мнении о том, что сейчас преобразование судебной системы приобретает качественно новый вектор. Его можно определить как стремление к унификации судебной практики в масштабах страны, ее глубокий, всесторонний анализ, на основании которого должно строиться правотворчество, что полностью соответствует сложившимся традициям развития российского правосудия, правотворческого процесса, их взаимопроникновения и влияния.

Неизжитая проблема вынесения неправосудных решений диссонирует со всеми глобальными преобразованиями в сфере правосудия в Российской Федерации. Кроме того, вопросы неправосудного решения в основном рассматривались процессуалистами и специалистами в области материального уголовного права в контексте привлечения судей к уголовной ответственности за другие составы. Таким образом, речь идет об аналогии права, запрет на которую установлен в уголовном законе. На наш взгляд, преодолеть данные противоречия и решить обозначенную проблему можно, в частности, посредством разработки понятийного аппарата для определения неправосудности решения.

Некоторые теоретики и практикующие юристы в стремлении упростить правовые дефиниции указывают на необходимость применить знакомый нам опыт романо-германской системы. Например, согласно § 339 Уголовного уложения ФРГ «судья... который при руководстве судебным разбирательством или при вынесении решения по делу об-

¹ Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О судебной системе Российской Федерации“».

² Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

³ Бунин О. Ю. Что есть неправосудный судебный акт и как с ним бороться? 2019 // URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/24/chto_est_nepravosudnyj_sudebnyj_akt_i_kak_s_nim_borotsya (дата обращения: 12.03.2024).

ходит закон в пользу или во вред одной из сторон, наказывается лишением свободы...» [Репьев 2007; см. также: Головненков 2021]. Представитель адвокатского сообщества О. Ю. Бунин, изучая понятие «неправосудность» в действующем законодательстве Германии, не формулирует понятий «обход закона» и «неправосудное решение»¹, при этом правовая неопределенность первого понятия гораздо шире и объемнее второго.

Весьма нестандартные юридические термины и определения можно встретить в уголовном праве Китая. Согласно ст. 399 действующего Уголовного кодекса Китайской Народной Республики неправосудным является решение, принятое правоприменителями, которые извратили закон из корыстных побуждений, позволили подвергнуть преследованию и обвинению заведомо невиновное лицо, выгораживают заведомо виновное лицо и помогают ему избежать преследования и предъявления обвинения, либо в процессе судебного разбирательства по уголовному делу отступили от реальных фактов и от закона, либо вынесли приговор на основании вольного толкования закона².

Данное определение понятия «неправосудное решение», на наш взгляд, наиболее точное. Самый большой интерес вызывает термин «вольное толкование закона», который отнюдь не означает отрицания свободной оценки доказательств, осуществляемой правоприменителем, но закрепляет приоритет принципа законности над свободой воли судьи, его субъективным правосознанием, на основании которого субъект правосудия выносит решение. Симптоматично, что в анализируемом определении особое значение приобретают защита и охрана прав и законных интересов лиц, ведущих правомерный образ жизни. В то же время абсолютизируется принцип неотвратимости наказания для лиц, преступивших закон, независимо от их статуса. На суд возлагается особая ответственность за соблюдение правил относимости и допустимости доказательств и проверки всей доказательственной базы в целом. Таким образом, де-юре формулируется и

¹ Бунин О. Ю. Что есть неправосудный судебный акт и как с ним бороться?

² Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. 2016 // URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 03.04.2024).

достигается цель правосудия – установление объективной истины.

Мусульманская правовая система предлагает не подвергать сомнению и дискредитации принятые судом решения, в целом основываться на правосознании, совести и правовом воспитании лиц, в отношении которых принят акт правосудия и, если он нарушает баланс интересов, справедливости, указывать на это правоприменителю. Так, из хадиса 3583 главы о судье, который выносит неправильное решение, Книги судопроизводства Сунана Абу Давуда следует, что «человеку, в пользу которого судья вынес решение, не разрешается брать ничего из того, что ему присудили, если он знает, что в действительности это не дозволено ему и у него нет на это права, потому что, если он возьмет это, зная, что поступает неправильно, это станет для него частью адского Пламени. Это касается не только имущества, но и вопросов, касающихся брака и развода и возмездия за кровь. Если человек знает, что судья по ошибке присудил ему то, что ему не принадлежит, он должен добровольно отказаться от этого в пользу того, кто имеет на это право»³.

Реализация представленного доктринального понимания неправосудного и даже неправильного решения возможна только для такого общества, в котором глубоко укоренены основы шариата. Данная система правосудия может быть эффективной только в традиционном обществе, где морально-религиозные нормы, диктующие правила поведения, воспитания, взаимодействия субъектов во всех сферах жизни, представляют абсолютный авторитет и являются основным регулятором общественных отношений. Для российской правовой системы, носящей светский характер, полезны, скорее, примеры воспитания личности, строго действующей в духе законодательства по пути преодоления правового нигилизма.

Определения неправосудности судебного акта в отечественной правовой доктрине весьма разнообразны, однако осмысляются они все так же в русле изучения уголовного материального и процессуального права.

³ 7. Глава о судье, который выносит неправильное решение // Электронный сборник хадисов. URL: <https://sunna.e-minbar.com/sunan-abu-davud/kniga-14/glava-07/> (дата обращения: 28.06.2024).

Е. А. Летягина отмечает, что с 1996 г. – года принятия УК РФ – «основная тенденция законодательства в отношении преступлений против правосудия связана в первую очередь с расширением пределов ответственности по определенным составам преступлений, конкретизацией квалифицирующих признаков, введением определенных формулировок составов» [Летягина 2020: 67]. Автор утверждает, что «законодательство поэтапно развивалось по пути выделения судебной власти как независимого объекта уголовно-правовой охраны, позволяющего сформировать систему соответствующих запретов, исходя из „широкой“ трактовки правосудия как определенной иерархической системы, обеспечивающих эффективное, регламентированное действующим законодательством функционирование суда и органов, содействующих суду в выполнении судебных полномочий» [Там же]. Следует согласиться с представлением автора о наличии в развитии законодательства разнонаправленных тенденций, связанных, с одной стороны, с закреплением ответственности за неправосудное решение, а с другой – с отсутствием признаков соответствующего состава.

А. В. Титова пишет: «Неправосудность приговора, решения или иного судебного акта означает в юридическом смысле несоответствие судебного акта (в любой его части) фактическим обстоятельствам юридического конфликта, подлежащего судебному разрешению, выраженное в неправильном применении судом норм материального и (или) процессуального права, назначении наказания, не соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления» [Титова 2010: 10–11]. Таким образом, автор справедливо подчеркивает, что неправосудное решение является результатом ошибочного применения норм материального и процессуального права и как следствие – пренебрежения нормами права, которое, в свою очередь, дискредитирует судебную власть в глазах общества и создает благоприятную среду для развития правового нигилизма.

В. Л. Кудрявцев полагает, что «неправосудный судебный акт – это акт суда, разрешающий дело по существу, отмененный или измененный вышестоящей судебной инстанцией как незаконный и (или) необоснованный, а приговор еще и (или) как несправед-

ливый» [Кудрявцев 2017]. Автор утверждает, что «одна из ключевых особенностей неправосудности судебного акта, отраженная в решении Верховного Суда РФ на основе анализа правовой позиции Конституционного Суда РФ от 18 октября 2011 г. № 23-П, заключается в том, что неправосудным может быть только такой судебный акт, который признан в установленном процессуальном законом порядке незаконным и (или) необоснованным» [Там же].

У современных ученых и практиков нет единства во мнении о том, что определение неправосудного судебного акта не может повлиять на условия привлечения судьи к ответственности за иные преступления, не включенные в состав ст. 305 УК РФ. Важность определения понятия «неправосудное решение» заключается не только в необходимости отличить один состав преступления от другого, но и (в более широком смысле) в возможности применять указанное понятие в иных правоотношениях. И. А. Гагг подчеркивает, что «вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ) является наиболее опасным из всех преступлений против правосудия с точки зрения причинения вреда объекту посягательства» [Гагг 2016: 43–48].

Представления об объекте преступлений против правосудия развиваются. Ю. И. Кулешов отмечает, у советского законодателя задолго до вступления в силу УК РСФСР 1960 г. возникла идея о выделении преступлений против правосудия в единую главу. Глава 9 «Преступления против правосудия» появилась уже в проекте УК РСФСР 1946 г. [Кулешов 2001: 152]. Такое решение вопроса «основывалось не на узком (принятие решения по уголовным и гражданским делам), а на широком понимании правосудия, что дало возможность свести к единому объекту уголовно-правовой охраны действия представителей суда, следствия, представителей исправительно-трудовых учреждений, предприятий, организаций и отдельных лиц, от которых так или иначе зависит установление истины по делу, объективная оценка всех фактических и юридических обстоятельств и обоснованное принятие решений о его исполнении. Вместе с тем данный подход учитывал специфику признаков, характеризующих того субъекта, деяние которого наруша-

ло интересы правосудия в каждом отдельном случае» [Георгиевский, Кравцов 2021: 101].

Такая двойственность в позициях теоретиков и практиков еще раз подчеркивает актуальность проблемы определения неправосудного судебного решения, свидетельствует о необходимости устранить все пробелы и противоречия в законе. Для решения этой задачи в первую очередь следует ответить на вопрос о том, достаточно ли наличия одного признака для квалификации неправосудного решения или необходима вся их совокупность. С точки зрения практики этот вопрос звучит следующим образом: достаточно ли одного юридического факта или требуется юридический состав для доказывания неправосудного решения? Если нужен юридический состав, то какой из юридических фактов в рамках юридического состава имеет доминирующее значение?

В связи с этим для глубокого анализа предмета исследования, которому посвящена данная статья, необходимо опираться на понятийный аппарат, выработанный в нашей предыдущей статье [Биюшкина, Пыпина 2022]. Таким образом, под неправосудным решением можно понимать выносимый судьей итоговый документ по делу, который составлен в нарушение норм и принципов действующего права; игнорирует правовые позиции высших судов; идет вразрез с антикоррупционным профессиональным правосознанием; вынесен с нарушением судебной практики, сформированной судами и обобщенной органами судейского сообщества; содержит состав правонарушения; влечет дискредитацию государства в лице судебной власти среди широких слоев населения; способствует росту негативных устремлений отдельных граждан прибегнуть к неправым способам воздействия на правосудие в корыстных интересах.

Термин «неправомерное решение», по нашему мнению, шире по смыслу, чем понятие «неправосудное решение», и охватывает все виды и стадии процесса, деятельность правоприменителей, в том числе судей. Неправосудное решение мы считаем видом неправомерного решения.

Предлагаем следующую дефиницию понятия «неправомерное решение»: это правоприменительный акт, который вынесен с нарушением норм и принципов действующего права; противоречит антикоррупционному

профессиональному правосознанию; содержит признаки правонарушения; дискредитирует тот или иной орган государственной и муниципальной власти; порождает правовой нигилизм и иные деструктивные устремления у граждан. Данное определение позволяет разграничить и упорядочить категории «неправомерное решение» и «неправосудное решение», устанавливая роль и место последнего с точки зрения правовой теории, действующего законодательства и правоприменения.

Неправосудное решение затрагивает основополагающие, жизненно важные положения индивидуального правового статуса, права и свободы, законные интересы субъектов права. Неправосудное решение – акт, фиксирующий результат процессуального разбирательства. На практике данный акт должен быть обжалован, в противном случае решение является правосудным, даже если нарушает нормы действующего права. Предложенное определение неправосудного решения позволяет выявить неправомерность судебного акта вне зависимости от факта его обжалования.

Термин «неправомерное решение» шире по смыслу, чем понятие «неправосудное решение»

Чтобы получить наиболее полное представление о понятии «неправосудное решение», следует обратиться к вопросу о том, что понимается под термином «правосудие». Несмотря на кажущуюся очевидность его смысла, единого определения в действующем законодательстве Российской Федерации не сформулировано.

О. В. Панкова указывает, что «вопрос об общем понятии и признаках правосудия до сих пор остается дискуссионным. Во многом это обусловлено тем, что, несмотря на активное использование термина „правосудие“ в российских нормативных правовых актах, его значение в них не раскрывается» [Панкова 2018: 528].

А. А. Яшина и С. В. Морозов отмечают, что понятия «судебная защита» и «правосудие» тесно связаны между собой, но не идентичны и не взаимозаменяемы, их невозможно употреблять в науке как синонимы [Яшина,

Морозов 2018]. Правосудие – главная, но не единственная форма судебной защиты, хотя и имеющая приоритетное значение.

Д. М. Замышляев считает, что можно определить правосудие так: «это осуществляемая в процессуальной форме судебных заседаний деятельность по реализации судом его исключительного полномочия по окончательному разрешению правовых конфликтов для обеспечения защиты нарушенных и оспоренных прав и законных интересов» [Замышляев 2015: 123, 124].

Действительно, в настоящий период происходят смешение и подмена понятий «судоустройство», «судопроизводство», «суд», «процесс». Особенно это характерно для студентов и обывателей. Неопределенность понятийно-категориального аппарата в данной сфере, как на уровне правового регулирования, так и в доктрине, порождает непонимание сущности описываемых явлений в правовой сфере и влечет негативные последствия, в том числе коллизии, ошибки вплоть до принятия неправосудных решений и иных неправомερных правоприменительных актов в ходе прокурорской и следственной деятельности, работы органов внутренних дел.

Определение правосудия может звучать следующим образом: это многостадийный, разноуровневый процесс, осуществляемый судьей единолично или коллегиально, с уча-

стием присяжных, арбитражных заседателей или без таковых, их профессиональная деятельность, которая строго регламентирована, формируется судебским сообществом, представляет интересы общества и государства, призвана стабилизировать общественные отношения, служит традиционным ценностям и идеалам, охраняет правопорядок и авторитет власти, основана на положениях Кодекса судебной этики, а также результат этой деятельности, отраженный в соответствующих судебных актах. Признаки, включенные в предложенное определение, позволят отличить понятие «правосудие» от иных терминов.

В заключение отметим, что отсутствие в действующем законодательстве Российской Федерации определений понятий «правосудие», «неправосудное решение» и «неправомерное решение», а также развернутая дискуссия среди ученых-правоведов и практикующих юристов о доктринальном оформлении заявленных дефиниций убедительно доказывают необходимость пристального и системного изучения этой проблемы. Предпринятая авторами попытка сформулировать соответствующие определения с учетом современных политико-правовых реалий преследует цель восполнить пробел как в доктринальной сфере, так и в области правовой регламентации и правоприменительной практики.

Список литературы

Биошкина Н. И., Пыпина Г. С. Юридическая ответственность судей как комплексный правовой институт: особенности и трансформация // Юридическая орбита. 2022. № 2. С. 128–132.

Гааг И. А. Проблема определения объекта вынесения заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ) // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 43–48.

Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В. Преступления против правосудия в советском уголовном законодательстве // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4. С. 98–103.

Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 с.

Замышляев Д. М. Судебная специализация: проблемы понятийного аппарата // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 122–130.

Кудрявцев В. Л. Правовые и процессуальные проблемы определения предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» // Евразийская адвокатура. 2017. № 5. С. 70–84.

Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации: учеб. пособие. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2001. 152 с.

Летягина Е. А. Исторические этапы и предпосылки развития законодательства об уголовной ответственности за преступления против правосудия // Теория государства и права. 2019. № 4. С. 62–68.

Орлов Ю. К. Судоустройство и правоохранительные органы: учеб. для бакалавров. М.: Проспект, 2020. 336 с.

Панкова О. В. Правосудие в современной России: понятие и признаки // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 527–546.

Парахина Е. В. Этапы судебной реформы в Российской Федерации: Итоги и перспективы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 3. С. 104–119.

Репьев Г. А. Гражданско-правовое регулирование возмещения вреда, причиненного судебными органами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 232 с.

Титова А. В. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2010. 27 с.

Яшина А. А., Морозов С. В. К вопросу о соотношении понятий правосудие, судебная защита, судебная деятельность, судопроизводство // Наука. Общество. Государство. 2018. № 4. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/yashina_aa_morozov_sv_2018_4_25.pdf.

Надежда Иосифовна Биюшкина – доктор юридических наук, заведующий кафедрой судебной и прокурорской деятельности Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603022, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, корп. 2. E-mail: asya_biyushkina1@list.ru.

ORCID: 0000-0002-6796-4600

Галина Сергеевна Пыпина – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной и прокурорской деятельности Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603022, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, корп. 2. E-mail: gallcc@mail.ru.

ORCID: 0009-0006-4435-2376

On the Issue of Defining the Concepts of «Unjust Decision», «Unlawful Decision» and «Justice»

The paper presents the author's periodization of the judicial system reforming in the Russian Federation, as well as other periodizations proposed by scholars. It is noted that the new vector of transformations in this area is due to the desire to unify judicial practice. At the same time, the problem of making unjust decisions and holding judges accountable in this regard remains relevant. From the authors' point of view, in order to determine the unjust nature of a decision, it is necessary to develop an appropriate conceptual apparatus.

The authors examine various sources of law regulating criminal and criminal-procedural legal relations and providing for liability for unlawful decisions of judges, analyze the law enforcement practice of countries with Anglo-Saxon, Romano-Germanic, Muslim and Asian legal systems. The definitions of the unjust nature of a judicial act in the domestic legal doctrine are also studied. Definitions of the concepts of «unjust decision» and «unlawful decision» are proposed, doctrinal and authors' definitions of the term «justice» are given. In conclusion, the need for further careful study of this problem is emphasized.

Keywords unjust decision, justice, court, unlawful decision, judicial proceedings

Recommended citation

Buyishkina N. I., Pypina G. S. Ob opredelenii ponyatii «nepravosudnoe reshenie», «nepravomernoe reshenie» i «pravosudie» [On the Issue of Defining the Concepts of «Unjust Decision», «Unlawful Decision» and «Justice»], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 79–87, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-79-87.

References

- Biyushkina N. I., Pypina G. S. Yuridicheskaya otvetstvennost' sudei kak kompleksnyi pravovoi institut: osobennosti i transformatsiya [The Legal Responsibility of Judges as a Complex Legal Institution: Features and Transformation], *Yuridicheskaya orbita*, 2022, no. 2, pp. 128–132.
- Gaag I. A. Problema opredeleniya ob"ekta vyneseniya zavedomo nepravosudnogo prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta (st. 305 UK RF) [The Problem of Determining the Object of a Deliberately Wrongful Verdict, Decision or other Judicial Act (Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation)], *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2016, no. 4, pp. 43–48.
- Georgievskii E. V., Kravtsov R. V. Prestupleniya protiv pravosudiya v sovetskom ugovolnom zakonodatel'stve [Crimes against Justice in Soviet Criminal Legislation], *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 2021, no. 4, pp. 98–103.
- Golovnenkov P. V. *Ugolovnoe ulozhenie Federativnoi Respubliki Germaniya. Nauchno-prakticheskii kommentarii i perevod teksta zakona* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany. Scientific and Practical Commentary and Translation of the Text of the Law], Potsdam, Universitätsverlag Potsdam, 2021, 489 p.
- Kudryavtsev V. L. Pravovye i protsessual'nye problemy opredeleniya predmeta prestupleniya, predusmotrennogo st. 305 UK RF «Vnesenie zavedomo nepravosudnykh prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta» [Legal and Procedural Problems of Determining the Subject of a Crime Provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation «Making a Knowingly Unlawful Verdict, Decision or other Judicial Act»], *Evraziiskaya advokatura*, 2017, no. 5, pp. 70–84.
- Kuleshov Yu. I. *Prestupleniya protiv pravosudiya: ponyatie, sistema, yuridicheskii analiz i problemy kvalifikatsii* [Crimes against Justice: Concept, System, Legal Analysis and Qualification Problems], Khabarovsk, RITs KhGAEhP, 2001, 152 p.
- Letyagina E. A. Istoricheskie etapy i predposylki razvitiya zakonodatel'stva ob ugovolnoi otvetstvennosti za prestupleniya protiv pravosudiya [Historical Stages and Prerequisites for the Development of Legislation on Criminal Liability for Crimes against Justice], *Teoriya gosudarstva i prava*, 2019, no. 4, pp. 62–68.
- Orlov Yu. K. *Sudoustroistvo i pravookhranitel'nye organy* [Judicial System and Law Enforcement Agencies], Moscow, Prospekt, 2020, 336 p.
- Pankova O. V. Pravosudie v sovremennoi Rossii: ponyatie i priznaki [Justice in Modern Russia: The Concept and Features], *Vestnik RUDN. Ser. Yuridicheskie nauki*, 2018, vol. 22, no. 4, pp. 527–546.
- Parakhina E. V. Etapy sudebnoi reformy v Rossiiskoi Federatsii: Itogi i perspektivy [Stages of Judicial Reform in the Russian Federation: Results and Prospects], *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii*, 2015, no. 3, pp. 104–119.
- Rep'ev G. A. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya vreda, prichinennogo sudebnymi organami* [Civil Law Regulation of Compensation for Damage Caused by Judicial Authorities]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2007, 232 p.
- Titova A. V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za vnesenie zavedomo nepravosudnykh prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta* [Criminal Liability for the Imposition of a Knowingly Unlawful Sentence, Decision or other Judicial Act]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Rostov on Don, 2010, 27 p.
- Yashina A. A., Morozov S. V. K voprosu o sootnoshenii ponyatii pravosudie, sudebnaya zashchita, sudebnaya deyatel'nost', sudoproizvodstvo [On the Question of the Correlation of the Concepts of Justice, Judicial Protection, Judicial Activity, Judicial Proceedings], *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2018, no. 4, available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/yashina_aa_morozov_sv_2018_4_25.pdf.
- Zamyshlyayev D. M. Sudebnaya spetsializatsiya: problemy ponyatiinogo apparata [Judicial Specialization: Problems of the Conceptual Apparatus], *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2015, no. 2, pp. 122–130.

Nadezhda Buyishkina – doctor of juridical sciences, head of the Department of judicial and prosecutorial activities, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 603022, Russian Federation, Nizhny Novgorod, Gagarin ave., 23 build. 2.
E-mail: asya_biyushkina1@list.ru.

ORCID: 0000-0002-6796-4600

Galina Pypina – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of judicial and prosecutorial activities, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 603022, Russian Federation, Nizhny Novgorod, Gagarin ave., 23 build. 2.
E-mail: gallcc@mail.ru.

ORCID: 0009-0006-4435-2376

Дата поступления в редакцию / Received: 05.06.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 23.08.2024

Н. С. Калистратова, А. С. Кушнарев
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Статья посвящена изучению системы органов прокуратуры в Китайской Народной Республике, Советском Союзе и Российской Федерации. Определяются место прокуратуры в механизме разделения властей, принципы, на которых основывается ее деятельность, и др. Важное место занимает исследование вопроса о взаимоотношении прокуратуры с судами. Авторы пришли к выводу, что в КНР сохранена советская модель органов прокуратуры, при которой прокуратура совмещает две функции: контроля над судебными органами и поддержания государственного обвинения.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, системный подход и логический анализ, источниковую базу – труды отечественных и зарубежных авторов по соответствующей тематике.

Делается вывод о том, что органы прокуратуры КНР не относятся ни к одной из ветвей государственной власти КНР, поскольку КНР присущ принцип демократического централизма с единством государственной власти. В государствах с демократическим политическим режимом органы прокуратуры независимы, неподотчетны местной власти и не относятся ни к одной из ветвей государственной власти, в то время как в государствах с недемократическим политическим режимом прокуратура частично подотчетна местным органам власти и находится в зависимом положении от политических партий.

Ключевые слова: органы прокуратуры, прокуратура КНР, место прокуратуры в системе государственной власти, система органов прокуратуры, взаимоотношение прокуратуры и судов

Для цитирования

Калистратова Н. С., Кушнарев А. С. Сравнительно-правовой анализ положения органов прокуратуры в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 88–93. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-88-93.

УДК 340.5

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-88-93

Небезызвестно, что советский опыт государственного строительства имел большое значение для создания китайского государства. Республика советского типа, которая утвердилась в Китае в 1949 г. (КНР), в значительной степени копировала советские политическую систему и государственный строй. Тесное сотрудничество между КНР и СССР выразилось в заимствовании результатов социалистического труда и затрагивало сферы правовой и правоохранительной

деятельности [Майоров, Дунаева, Пряников 2021: 107]. Так, после принятия первой Конституции КНР (1954 г.) в Китае начали учреждаться первые прокуратуры, аналогом для которых стала система советской прокуратуры, но с учетом некоторых национальных особенностей [Корешникова 2019: 204].

В свою очередь конституционный строй нашего государства с момента распада СССР изменился коренным образом, эволюцию претерпели и органы прокуратуры. В связи

с этим представляется актуальным сравнить систему органов прокуратуры, место прокуратуры в механизме разделения властей в Китайской Народной Республике и Российской Федерации, поскольку советская модель организации прокуратуры выступала прототипом прокуратур сравниваемых государств. Для начала необходимо обратиться к историческому прошлому данных стран, проследить истоки формирования системы прокуратуры, проанализировать первые нормативные правовые акты, регламентирующие статус и положение органов прокуратуры, а также рассмотреть основные вехи развития и становления прокуратур КНР и РФ вплоть до наших дней.

Как говорилось ранее, повсеместно прокуратуры в КНР стали появляться лишь после принятия первой Конституции КНР (1954 г.). Согласно ей прокуратуры нижнего звена находились под контролем вышестоящих народных прокуратур, которые, в свою очередь, были всецело подконтрольны Верховной народной прокуратуре. Следовательно, в первые годы существования КНР система прокуратуры строилась по принципам централизации и независимости от местных органов государственной власти и управления. Коренным образом положение прокуратуры КНР изменилось после «культурной революции». В соответствии с Конституцией КНР 1978 г., принятие которой ознаменовало завершение революции, первичные звенья системы органов прокуратуры КНР стали подконтрольны органам местной власти [Егоров 1982]. С этого времени система прокуратуры стала функционировать по принципу двойного подчинения – от центральной и местной власти. Данный принцип сохранился и до сего дня, причем по действующему законодательству КНР, в отличие от законодательства СССР и России, органы прокуратуры не формируются прямым назначением сверху. Так, в силу ч. 1 ст. 38 Закона КНР об организации народной прокуратуры главные прокуроры провинциального уровня избираются собраниями народных представителей соответствующих провинций.

Несколько иначе обстоят дела с построением российской системы органов прокуратуры. Первоначально согласно Положению о прокурорском надзоре в СССР (утв. указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г.) советская система органов

прокуратуры основывалась на принципах независимости и централизованности. Органы прокуратуры не были подотчетны местной власти, прокуроров всех уровней назначала Генеральная прокуратура СССР, местные органы законодательной и исполнительной власти участвовать в назначении прокуроров соответствующих уровней не могли. Таким образом, была построена единая, независимая и централизованная система органов прокуратуры во главе с Генеральным прокурором СССР [Новиков 1981: 9].

Заложенные в основу советской прокуратуры принципы независимости и централизованности были использованы при создании современной отечественной прокуратуры. Так, согласно п. 2 ст. 4 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры осуществляют полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления. В свою очередь принцип централизованности реализуется в установленном порядке назначения прокуроров на должность, согласно которому органы прокуратуры формируются прямым назначением сверху [Савелов 2014: 214].

Таким образом, одной из отличительных черт сравниваемых моделей прокуратур выступает независимость органов российской прокуратуры от местного уровня власти, в то время как в КНР первичное звено прокуратуры находится в зависимом положении от депутатского корпуса парламента, или иначе – от местных властей.

Ключевым для настоящего дискурса является вопрос об определении места прокуратуры в механизме разделения властей. Советский строй отрицал принцип разделения властей, в СССР господствовал принцип демократического централизма, который заключается в существовании единственного центра власти и в обязательности исполнения его директив [Краснов 2017: 81]. В соответствии со ст. 2 Конституции СССР 1977 г. народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР, все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов. Таким образом, прокуратуру в советское время нельзя было отнести к какой-либо из

ветвей власти, поскольку вся власть принадлежала Советам народных депутатов, при этом функции субординированных органов государственной власти разделялись [Романенко 2010: 175].

Иначе дела обстоят с российской прокуратурой, поскольку с образованием суверенной Российской Федерации произошло отступление от советского принципа принадлежности всей власти народным собраниям, на первый план вышли идеи о правовом, демократическом государстве, необходимым элементом которого выступает механизм разделения властей. Так, в соответствии со ст. 10 Конституции Российской Федерации государственная власть осуществляется на основе

Реализация принципа разделения властей в государстве определяет положение органов прокуратуры в системе органов государственной власти

разделения на законодательную, исполнительную и судебную, согласно ст. 11 Конституции государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. Прокуратуры среди указанных органов нет, что может означать следующее: прокуратура является самостоятельной ветвью государственной власти либо не относится ни к одной из ветвей государственной власти [Авакьян 2017]. Ряд ученых в области прокурорской деятельности считают, что прокуратура – часть судебной власти [Ергашев 2014].

В КНР же в соответствии со ст. 57 Конституции КНР власть народа осуществляется Всекитайским собранием народных представителей, которое является высшим органом государственной власти. Стоит сказать, что в КНР по-прежнему сохранился принцип демократического централизма, отсутствует механизм разделения властей, следовательно, и прокуратура КНР не входит в какую-либо ветвь государственной власти.

Анализируя приведенные положения, можно прийти к интересному выводу: в тех государствах, где реализуется принцип разделения властей, прокуратура выступает самостоятельным и независимым органом, а

в государствах, руководствующихся принципом единства власти, прокуратура всецело подконтрольна законодательной ветви. Таким образом, реализация принципа разделения властей в государстве определяет положение органов прокуратуры в системе органов государственной власти.

Немалое значение для прокуратур сравнимых государств имеет принцип партийности прокурорского надзора. В основе формирования органов прокуратуры КНР на протяжении всего времени их существования лежит негласный принцип их подчинения партии [Чжоу 1958: 204]. Народная прокуратура КНР подчиняется генеральной линии Коммунистической партии Китая, строго следуя ее указаниям и директивам, прокуратура помогает партии в осуществлении ее общегосударственных программ. В таком случае можно отметить, что органы прокуратуры являются «политико-юридическим придатком партийного и административного аппарата» [Политическая структура КНР 1986: 128]. Российская прокуратура в настоящее время основывается на принципе внепартийности. В соответствии с п. 3 ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурорские работники не могут быть членами общественных объединений, преследующих политические цели, и принимать участие в их деятельности.

Приведенное отличие между прокуратурами сравнимых государств связано с образованием нового государства – Российской Федерации, в котором политическая партия перестала иметь государствообразующий статус, а ключевыми устоями общества стали законность, равенство и другие общеправовые принципы. В то же время в Китайской Народной Республике господство политической партии в государственном управлении осталось неизменным, что позволило ей сохранить влияние и на органы прокуратуры КНР.

Не менее интересным вопросом в рамках настоящего дискурса остается вопрос о положении органов прокуратуры во взаимоотношениях с судом. Дело в том, что советская модель прокурорского надзора, ставшая прототипом для моделей прокуратур рассматриваемых государств, наделяла органы прокуратуры функцией надзора за судами. Так, в соответствии с постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 17 декабря 1933 г. «По-

ложение о прокуратуре Союза ССР» органы прокуратуры СССР наделялись полномочием по осуществлению надзора за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями, т. е. советская прокуратура совмещала в своем надзоре две главенствующие функции: осуществление надзора за судами и поддержание государственного обвинения в судах. При этом в Китайской Народной Республике органы прокуратуры по-прежнему выполняют функцию надзора за деятельностью судов.

Известный китайский правовед Чэнь Вэй-дун крайне негативно высказывается по этому поводу, указывая на неправомерное совмещение двух разных функций: процессуальной и надзорной [Чэнь 2012: 1064]. Недостаток такого совмещения функций, по мнению исследователя, вызван прежде всего тем, что органы прокуратуры КНР встроены в партийно-государственный механизм, зависят от воли Коммунистической партии Китая, и соответственно последняя посредством органов прокуратуры может оказывать на суд скрытое влияние. Другой китайский исследователь Чжан Цзюе справедливо отмечает, что обязательным элементом состязательной конструкции судебного разбирательства выступает равноправие сторон, как это реализуется в российском уголовном процессе, где прокурор осуществляет только уголовное преследование [Чжан 2007: 10]. Таким образом, принятый в отечественном уголовном процессе принцип состязательности сторон кардинально повлиял на взаимоотношение прокуратуры и суда, в то время как в КНР по-прежнему реализуется советская модель надзора органов прокуратуры за судами.

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы. Прототипом для образования органов прокуратуры рассматриваемых государств послужила советская модель системы прокуратуры, однако за более чем полвека Российская Федерация и КНР пришли к разным результатам строительства органов прокуратуры. В Российской Федерации вследствие коренного изменения государственного устройства после принятия Конституции 1993 г. взят курс на построение правового, демократического государства, что обусловило качественные изменения в положении органов прокуратуры, которые обрели независимость от законодательной власти, самостоятельность в осуществлении возложенных на них законом функций. В КНР вследствие сохранения социалистической системы государственного устройства и политики демократического централизма прокуратура не претерпела значительных изменений, в основе ее функционирования по-прежнему лежит советская модель организации системы прокуратуры, но с учетом национальных особенностей китайского государства.

Следовательно, та или иная модель организации прокуратуры зависит от существующего в государстве политического режима. В странах с демократическим правовым режимом органы прокуратуры независимы, неподотчетны местной власти и не относятся ни к одной из ветвей государственной власти, в то время как в государствах с недемократическим политическим режимом прокуратура частично подотчетна местным органам власти, подчинена политическим партиям, что не позволяет говорить о ее объективности и независимости.

Список литературы

- Авакьян С. А. Конституционное право России. М.: Норма; Инфра-М, 2017. 719 с.
- Егоров К. А. Государственный аппарат КНР, 1967–1981. М.: Наука, 1982. 161 с.
- Ергашев Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учеб. для бакалавров. М.: Юрайт, 2014. 392 с.
- Корешникова Н. Р. Правовые статусы прокуратур Российской Федерации и Китайской Народной Республики (сравнительно-правовой анализ) // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 2. С. 203–208.
- Краснов Э. В. Принцип разделения властей в трудах отечественных ученых // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 6. С. 80–82.
- Майоров В. И., Дунаева О. Н., Пряников А. М. Опыт Китайской Народной Республики по организации взаимодействия полиции и общества в охране общественного порядка // Вестник ННГУ. 2021. № 3. С. 107–113.
- Новиков С. Г. Закон о прокуратуре СССР // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 1. С. 3–11.

Политическая структура КНР (1949–1982). М.: Ин-т Дальнего Востока АН СССР, 1986. 287 с.

Романенко В. Б. Разделение властей в теории и практике конституционализма // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 173–177.

Савелов М. А. Независимость органов прокуратуры как важнейший конституционный принцип их деятельности // Проблемы экономики и судебной практики. 2014. № 2. С. 213–215.

Чжан Цзюэ. Прокурор в современном уголовном процессе: Сравнительный анализ законодательства Китайской Народной Республики и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.

Чжоу Фан. Государственные органы Китайской Народной Республики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 223 с.

Чэнь Вэйдун. Реформа системы прокуратуры в КНР // Государство в меняющемся мире: материалы VI Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26–28 мая 2011 г.) / отв. ред. В. И. Лафитский. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2012. С. 1060–1066.

Наталия Сергеевна Калистратова – преподаватель кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: kns003@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-7614-7047

Александр Сергеевич Кушнарев – студент Института прокуратуры Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: kushnarev-02@list.ru.

ORCID: 0000-0002-7433-1473

Comparative Legal Analysis of the Prosecution Service Situation in the Russian Federation and the People's Republic of China

The paper is devoted to the study of the system of prosecution services in the People's Republic of China, the Soviet Union and the Russian Federation. The place of the prosecutor's office in the mechanism of separation of powers, the principles of its activities, etc. are determined. Particular attention is paid to the study of the relationship between the prosecutor's office and the courts. The authors conclude that the PRC has retained the Soviet model of prosecutorial bodies, in which the prosecutor's office combines two functions: control over the judiciary and support of public prosecution.

The methodological basis of the study is formed by formal-legal and comparative-legal methods, as well as systematic approach and logical analysis. The source base were the works of domestic and foreign scholars on the relevant subject.

The conclusion is that the PRC prosecutor's offices are not part of any of the branches of state power of the PRC, since the PRC is inherent in the principle of democratic centralism with the unity of state power. In countries with democratic legal regime the prosecutorial bodies are independent, unaccountable to the local authorities and are not included in any of the branches of state power, while in states with non-democratic legal regime the prosecutor's offices are independent, unaccountable to the local authorities and are not included in any of the branches of state power.

Keywords: *prosecutor's office, prosecutor's office of the People's Republic of China, the place of the prosecutor's office in the system of state power, the system of prosecutorial bodies, the relationship between the prosecutor's office and the courts*

Recommended citation

Kalistratova N. S., Kushnarev A. S. Sravnitel'no-pravovoi analiz polozheniya organov prokuratury v Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respublike [Comparative Legal Analysis

of the Prosecution Service Situation in the Russian Federation and the People's Republic of China], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 88–93, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-88-93.

References

Avak'yan S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia], Moscow, Norma, Infra-M, 2017, 719 p.

Chen' Veidun. *Reforma sistemy prokuratury v KNR* [Reform of the Prosecution System in the PRC], Lafitskii V. I. (ed.) *Gosudarstvo v menyayushchemsya mire* [The State in a Changing World]: conference papers, Moscow, In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii, 2011, pp. 1060–1066.

Chzhan Tszyue. *Prokuror v sovremennom ugovnom protsesse: Sravnitel'nyi analiz zakonodatel'stva Kitaiskoi Narodnoi Respubliki i Rossiiskoi Federatsii* [The Prosecutor in Modern Criminal Procedure: A Comparative Analysis of the Legislation of the People's Republic of China and the Russian Federation]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2007, 30 p.

Chzhou Fan. *Gosudarstvennye organy Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [State Bodies of the People's Republic of China], Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1958, 223 p.

Egorov K. A. *Gosudarstvennyi apparat KNR, 1967–1981* [State Apparatus of the PRC, 1967–1981], Moscow, Nauka, 1982, 161 p.

Ergashev E. R. *Prokurorskii nadzor v Rossiiskoi Federatsii* [Prosecutor's Supervision in the Russian Federation], Moscow, Yurait, 2014, 392 p.

Koreshnikova N. R. *Pravovye statusy prokuratur Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki (sravnitel'no-pravovoi analiz)* [The Legal Statuses of the Prosecutor's Offices of the Russian Federation and the People's Republic of China (Comparative Legal Analysis)], *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 2019, no. 2, pp. 203–208.

Krasnov E. V. *Printsip razdeleniya vlastei v trudakh otechestvennykh uchenykh* [The Principle of Separation of Powers in the Works of Russian Scientists], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2017, no. 6, pp. 80–82.

Maiorov V. I., Dunaeva O. N., Pryanikov A. M. *Opyt Kitaiskoi Narodnoi Respubliki po organizatsii vzaimodeistviya politsii i obshchestva v okhrane obshchestvennogo poriyadka* [The Experience of the People's Republic of China in Organizing Interaction between the Police and Society in the Protection of Public Order], *Vestnik NNGU*, 2021, no. 3, pp. 107–113.

Novikov S. G. *Zakon o prokurature SSSR* [The Law on the Prosecutor's Office of the USSR], *Izvestiya NNGU*, 1981, no. 1, pp. 3–11.

Politicheskaya struktura KNR (1949–1982) [Political Structure of the PRC (1949–1982)], Moscow, In-t Dal'nego Vostoka AN SSSR, 1986, 287 p.

Romanenko V. B. *Razdelenie vlastei v teorii i praktike konstitutsionalizma* [Separation of Powers in the Theory and Practice of Constitutionalism], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2010, no. 3, pp. 173–177.

Savelov M. A. *Nezavisimost' organov prokuratury kak vazhneishii konstitutsionnyi printsip ikh deyatelnosti* [Independence of the Prosecutor's Office as the Most Important Constitutional Principle of their Activity], *Problemy ekonomiki i sudebnoi praktiki*, 2014, no. 2, pp. 213–215.

Natalia Kalistratova – lecturer of the Department of theory of state and law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: kns003@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-7614-7047

Alexandr Kushnarev – student at the Institute of Prosecutor's office, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: kushnarev-02@list.ru.

ORCID: 0000-0002-7433-1473

Дата поступления в редакцию / Received: 27.06.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 23.08.2024

М. А. Югова, С. В. Павлова
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

РАЗВИТИЕ МЕТАКОГНИТИВНЫХ НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Авторы характеризуют основные черты профессиональной юридической деятельности и навыки, необходимые компетентному специалисту, подчеркивают важность метакогнитивной составляющей юридического образования. Раскрываются понятия «метакогниция», «метакогнитивные навыки», «учебная автономия». Обучаясь таким метакогнитивным стратегиям, как планирование своей познавательной деятельности, наблюдение за ней, ее контроль и оценка, студенты обеспечивают свою автономию в этой деятельности. В статье предлагается применять алгоритм управления своим познавательным процессом, состоящий из двенадцати основных этапов, которые четко коррелируют с основными метакогнитивными стратегиями. Универсальность этого алгоритма позволяет использовать его для решения познавательных задач в учебной и профессиональной деятельности.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что предоставляются рекомендации по развитию у студентов-юристов метакогнитивных навыков в контексте учебных дисциплин «Иностранный язык» и «Иностранный язык в сфере юриспруденции», изучаемых на первом году обучения в вузе. Так, предлагается вести «метакогнитивный» дневник, применять метакогнитивные стратегии чтения, интерактивные методы. В качестве основного инструмента можно использовать учебник иностранного языка для юристов, который опирается на компетентностный, личностно-ориентированный и личностно-деятельностный подходы.

Ключевые слова: метакогнитивные навыки, юридическое образование, профессиональная личность юриста, иностранный язык, саморазвитие

Для цитирования

Югова М. А., Павлова С. В. Развитие метакогнитивных навыков у студентов юридических вузов // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 94–103. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-94-103.

УДК 34.06

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-94-103

Общество, в котором мы живем, определяется как «постиндустриальное общество», «общество риска» и находится на той стадии эволюции, для которой свойственны смена технологических укладов, предельное ускорение темпов социальных и экономических процессов, изменение геоэкономических и геополитических ландшафтов. В таких условиях профессиональная деятельность и образ жизни становятся неустойчивыми и сложно прогнозируемыми, требования, предъявляемые к специалисту, и задачи, которые перед ним ставит его динамичное социаль-

ное окружение, постоянно меняются. Высокая степень неопределенности социальных условий приводит к необходимости быть готовым встраиваться в эти изменения и постоянно осваивать новое профессиональное знание, что делает актуальной концепцию «образования в течение всей жизни» путем самообразования и саморазвития [Данилов, Безнюк, Богдевич и др. 2022].

В основе саморазвития и самообразования лежат метакогнитивные навыки, которые дают обучающемуся понять себя как субъекта обучения, позволяют развивать свои лич-

ностные качества и наделяют способностью управлять своей познавательной деятельностью. Это означает, что ученик / студент обладает знаниями о своей когнитивной системе, мыслительном процессе, знает, как работают его память и мышление, и способен планировать, контролировать, оценивать и регулировать этот процесс, т. е. речь идет о метакогниции («знаниях о познании») [Югова, Павлова 2023].

Идея метакогниции (метапознания) отнюдь не является порождением современной науки, она прослеживается уже у древних греков. Например, известное изречение Сократа «Я знаю, что ничего не знаю» транслирует глубокую мысль об осознании своего незнания как о пути к истинному знанию. Хотя феномен метакогниции изучался учеными различных эпох и научных направлений на протяжении многих веков, сам термин «метапознание» / «метакогниция» был впервые предложен американским психологом Джоном Флейвеллом только в 1970-х гг. Согласно его концепции метакогниция представляет собой познание о познании и демонстрирует осознание субъектом собственных познавательных процессов и результатов [Flavell 1979].

Для юридического образования метапознание особенно актуально в связи с тем, что право как динамичный регулятор общественных отношений вступает в противоречие со статичностью образовательной системы, чем придает большую значимость развитию метакогнитивных навыков в юридическом образовании. Профессиональная юридическая деятельность требует постоянной включенности в процесс познания и готовности к саморазвитию и самообразованию вкупе с умением управлять своей познавательной деятельностью.

Необходимость развития метакогнитивных навыков обуславливается и такими особенностями юридической деятельности, как организация собственной работы и совместной работы с другими лицами, причем зачастую в условиях ненормированного рабочего времени, а также творческий характер юридической деятельности и ее коммуникативная направленность. Юристы с большим опытом работы утверждают, что основная сложность юридической профессии заключается в «постоянном давлении сроков и обстоятельств,

усложнении законов и правовых процедур, необходимости постоянного обновления информации о юриспруденции, доктрине и законах, высоком уровне требований со стороны клиентов, конкуренции с коллегами, постоянном интеллектуальном напряжении, контакте с конфликтами, агрессией и обвинениями» [Морозов, Жданов, Красавчикова и др. 2019: 85–86].

Все эти специфические черты юридической деятельности определяют требования к профессиональной личности юриста, влияют на формирование основных направлений, по которым осуществляются воспитание и обучение будущих юристов. Одним из таких направлений является развитие у студентов-юристов метакогнитивных навыков или, другими словами, умения учиться, которое обеспечивает автономию студентов в познавательной деятельности. В этом контексте автономия означает, что обучающийся сам определяет цель и стратегию обучения и признает их важными, полезными или иным образом ценными для него лично, а не принимает их только потому, что они навязаны внешним авторитетом.

Психолого-педагогические исследования подтверждают предположение о том, что любой студент на любом уровне может максимизировать свой врожденный интеллектуальный талант, развивая метакогнитивные навыки [Беленкова 2015; Карпов 2018; Мельникова, Богданчикова 2022; Перикова, Ловягина, Бызова 2019; Фомин 2015]. Метакогнитивные навыки – это общеучебные, междисциплинарные умения и навыки, регулирующие и организующие эффективную познавательную деятельность. Они усиливают способность понимать и использовать устную и письменную речь, внимание и память. Способность анализировать свой опыт и последовательно использовать свои выводы при решении новых задач, а также навыки коммуникации, убеждения, сбора информации и управления стрессом работают более эффективно за счет хорошо развитых метакогнитивных навыков.

Юридическое образование нацелено на формирование основных профессиональных навыков, которые подразумевают, что юрист должен: 1) обладать независимым мышлением, анализировать и обобщать правовые принципы; выстраивать логичную и убедительную линию рассуждений в устной и письменной

форме; опрашивать клиентов, свидетелей, составлять запросы и заявления; обоснованно выражать свое мнение в дискуссиях, переговорах и спорах; 2) обрабатывать и систематизировать большие объемы информации, эффективно использовать полученный интеллектуальный продукт для достижения цели; 3) критически оценивать роль и реализацию правовой доктрины и норм права, находить и объединять различные подходы к решению профессиональных задач; 4) определять цели, которых хочет достигнуть клиент, распределять их по значимости, разрабатывать возможные стратегии для их реализации.

Юридический вуз может научить студентов планировать, оценивать и регулировать свою познавательную деятельность таким образом, что позволит помочь выстроить профессиональные траектории для достижения успеха. В течение всей профессиональной деятельности практикующему юристу приходится снова и снова становиться «студентом». «Можно сказать, что юриспруденция – это тридцати- или сорокалетний курс обучения. Возможно, самый полезный навык для хорошего юриста – это способность учиться на опыте» [Schultz 1992].

Метакогнитивные навыки позволяют юристам справляться с профессиональными вызовами быстрее, эффективнее и с меньшим стрессом. Юристам необходимо ежедневно изучать новый материал, будь то правовая концепция, процессуальная норма или совершенно новая идея, лежащая в основе правовой проблемы. Обучение студентов тому, как они будут учиться на протяжении всей жизни, должно стать одним из «важнейших компонентов юридического образования». Обучить всем областям права и всем навыкам, которые будут востребованы в будущей профессиональной деятельности, очевидно, невозможно, поэтому основное внимание должно быть уделено обучению студентов тому, как применить полученные в вузе знания в новых ситуациях, с которыми они столкнутся на практике [Niedwiecki 2012]. Научиться работать в различных профессиональных контекстах позволяют методы интерактивного обучения, опирающиеся на личностно-ориентированные и личностно-деятельностные технологии, благодаря которым студенты погружаются в смоделированные профессиональные ситуации [Winarti, Ambaryani, Putranta 2022].

В исследованиях, посвященных метакогнитивному подходу в юридическом образовании, раскрываются основные этапы мыслительного процесса, которые проходит обучающийся или уже выпускник юридического вуза, обладающий хорошо развитыми метакогнитивными навыками, столкнувшись с интеллектуальной задачей, например чтением или изложением дела, сдачей промежуточного экзамена, написанием ходатайства или встречей с клиентом [Niedwiecki 2012; Preston, Stewart, Moulding 2015; Riebe, Schwartz 2006; Schwartz 2003]. Можно определить двенадцать ключевых этапов, которые четко коррелируют с основными метакогнитивными стратегиями, представляющими собой специфическую последовательность действий (планирование, управление информацией, мониторинг, исправление ошибок и оценку):

1) постановка цели или желаемых результатов предстоящей деятельности;

2) определение ресурсов, которыми студент уже обладает и которые могут помочь достичь поставленных целей, а также времени и способа использования этих ресурсов. Ресурсы могут включать предыдущие личные знания и опыт, интеллектуальные и эмоциональные навыки, а также методы достижения личной продуктивности;

3) выявление дополнительных ресурсов, которые могут помочь в достижении целей, но которыми студент пока не обладает (далее он определяет, как получить доступ к этим ресурсам, когда и как их использовать);

4) выявление барьеров или личных слабостей, которые могут помешать продвижению к целям;

5) определение ряда возможных стратегий, которые студент мог бы использовать для достижения целей;

6) выбор стратегии, которые, по мнению студента, будут наиболее эффективными;

7) выполнение задания (профессиональной познавательной задачи) с использованием выбранных стратегий;

8) сбор информации, которая может указывать на то, было ли выступление успешным или нет, в том числе информации, полученной из внешних источников (например, оценку за тест или решение судьи), а также информации, полученной самим студентом;

9) определение того, какое действие позволило достичь целей, поставленных на первом этапе, а какое – нет;

10) оценка способов, с помощью которых в ходе деятельности (в ходе выполнения конкретного действия) цели были достигнуты, и способов, которые достичь этих целей не помогли;

11) определение того, что способствовало совершению как успешных, так и неудачных действий во время выполнения задачи;

12) определение того, как студенту следует скорректировать или адаптировать свое мышление и поведение, чтобы улучшить свою работу в будущем.

Проходя весь цикл, студент применяет то, что узнал из предыдущего опыта для дальнейшего изменения своего мышления и действий. Чем чаще этот цикл повторяется, тем больше у студента возможностей усовершенствовать свой подход и добиться большего успеха. Фактическое выполнение поставленной задачи служит основным катализатором обучения, а пристальное внимание к своим мыслительным процессам позволяет совершенствоваться, т. е. лицо, обладающее сильными метакогнитивными навыками, тщательно планирует, оценивает и корректирует свои мыслительные процессы и поведение с явной целью улучшить свои результаты.

Метакогнитивный подход на первый взгляд может показаться «естественным» процессом обучения, но на самом деле он в высшей степени противоречит здравому смыслу и неестествен для большинства, поскольку предлагает людям подвергнуть сомнению свои инстинктивные модели и способы мышления и поведения и осознанно заменить их на более эффективные. Таким образом, овладение метакогнитивными навыками – это, скорее, результат активного и постоянного управления своим когнитивным процессом. Метакогнитивный навык не является врожденным или легко усваиваемым; ему необходимо целенаправленно и планомерно обучать, а студенты должны сознательно и постоянно практиковать его. Соответственно, будущим юристам необходимо тщательное, поэтапное обучение, чтобы с течением времени приобретать и развивать метакогнитивные навыки путем пошагового выполнения необходимых мыслительных действий. «Прохождение» указанных двенадцати этапов в конечном счете станет более автоматическим, однако такое «метакогнитивное мастерство» обычно приходит только после многих лет профессиональной практики [Lee 2022].

Очевидно, что метакогнитивный аспект юридического образования не должен игнорироваться в силу его важности, особенно на начальных этапах профессионализации. В дальнейшем компенсировать неэффективность профессионального воспитания и обучения в первые годы обучения в вузе затруднительно. Этот процесс при отсутствии соответствующих педагогических установок протекает стихийно и неполно, что может заложить предпосылки для профессиональной деформации, проявляющейся у некоторых юристов в ходе практической работы [Соколова 2008].

Фундамент для развития профессиональной личности юриста закладывают дисциплины, преподаваемые на первом году обучения в юридическом вузе и входящие в базовую часть основной образовательной программы, например «Иностранный язык» и / или «Иностранный язык в сфере юриспруденции». Они изучаются именно на первом курсе – на этапе адаптации студентов к системе высшего профессионального образования и формирования отношения к будущей профессиональной деятельности. Роль дисциплин, связанных с изучением иностранного языка в профессии, как правило, раскрывается благодаря пониманию их глубокого образовательного, развивающего и воспитательного потенциала [Югова, Павлова 2023]. Иностранный язык как учебная дисциплина предоставляет практически безграничные возможности для организации и активизации познавательной и творческой деятельности обучающихся за счет безграничности языка как «пространства мысли» и многомерности языка как «зеркала культуры».

Развивать метакогнитивные навыки у студентов в первый год обучения целесообразно эксплицитными и имплицитными способами. К эксплицитным можно отнести планирование (собственных) учебных мероприятий: определение их регулярности, длительности, объема материала для того, чтобы достигать обозначенных целей; отслеживание этапов своего мыслительного процесса с фокусировкой на возникающих трудностях, результатах и стратегиях мышления, их вербализация и анализ; оценивание эффективности выбранных стратегий в соответствии с обозначенной целью. Все это следует фиксировать в «метакогнитивном» дневнике. А включение метакогнитивных стратегий

в повседневные учебные материалы путем применения определенных приемов и методов обучения конкретной учебной дисциплине – это уже имплицитный способ.

Метакогнитивные навыки расширяют способность быстро понимать, обрабатывать и правильно применять язык в устных и письменных текстах. Например, использование метакогнитивных навыков позволяет участникам судебного процесса быстро понять и обработать информацию и выразить соответствующую реакцию. За пределами зала суда хороший юрист должен понятно объяснить закон и его применение непрофессионалу, одновременно направляя клиента на поиск

Метакогнитивные навыки расширяют способность быстро понимать, обрабатывать и правильно применять язык в устных и письменных текстах

решений. Кроме того, юристу приходится работать со сложными текстами: ходатайствами, судебными протоколами, договорами, мировыми соглашениями, требованиями и множеством других документов, которые должны быть сформулированы точно и убедительно. Во время чтения метакогнитивные навыки необходимы, чтобы отслеживать сложность текста, выделять трудные отрывки для повторного чтения и останавливаться, чтобы установить связи между различными элементами текста. Читая документы и законы, изучая судебную практику и другие источники права, практикующие юристы выявляют тонкие различия в фактах и анализе, которые часто приводят к огромным последствиям.

Традиционно в методике преподавания иностранных языков выделяют три этапа работы с текстом: дотекстовый, текстовый и послетекстовый:

на этапе «предчтения» (дотекстовый этап) применяется метакогнитивная стратегия планирования, которая предполагает предвидение возможных трудностей, выбор подходящих стратегий понимания, активизацию предыдущих знаний, определение целей и критериев для оценки результатов и процесса понимания текста, наблюдение за прогрессом в усвоении информации и понимании;

на этапе непосредственного чтения (текстовый этап) «работают» метакогнитивные стратегии управления информацией, мониторинга, исправления ошибок. Эти стратегии выполняют такие функции, как постоянное оценивание адекватности понимания текста, поиск и обнаружение противоречий в информации и ошибочных выводов, регулярное наблюдение за результатом понимания, оценка эффективности выбранных стратегий для достижения цели, принятие решения об изменении плана действий в случае необходимости;

на этапе «постчтения» (послетекстовый этап) включается метакогнитивная стратегия оценки, которая выполняет следующие функции: определение необходимости скорректировать результат, устранение ошибок в понимании текста после выполнения задания, активация и использование предыдущих знаний, внесение новых знаний в свой когнитивный опыт, оценка эффективности примененных когнитивных стратегий, формулирование мнения о целесообразности их использования в будущем, выражение отношения к себе как к субъекту понимания [Карпов 2018].

Метакогнитивные навыки могут позволить юристу более эффективно собирать информацию и лучше оценивать варианты решения. С каждой новой задачей юристы с высокими метакогнитивными навыками улучшают свою способность вырабатывать стратегию – определить то, что им уже известно, заполнить пробелы в своих знаниях и предсказать, сколько времени потребуется для решения проблемы. Метакогнитивные навыки проявляются при проведении встреч с клиентами. Опрашивая клиентов, юристы должны внимательно отслеживать свой мыслительный процесс, чтобы не исказить информацию, получаемую от клиентов, под влиянием собственных предубеждений и ожиданий. Регулируемый метакогнитивный процесс поможет не «диагностировать» преждевременно проблемы клиентов, попадающие под знакомую модель, и оставаться внимательным к деталям [DiPipra, Peters 2003].

В контексте учебной дисциплины, преподаваемой авторами данной статьи, метакогнитивные навыки у будущих юристов можно развивать не только эксплицитным способом, но и имплицитно, задействуя учебники по иностранному языку. Кафедра русского, ино-

странных языков и культуры речи УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева подготовила ряд учебников по английскому языку для трех уровней обучения: среднего профессионального образования, бакалавриата и специалитета, магистратуры и аспирантуры. Учебники объединены названием «Английский язык для юристов», их содержание носит профессионально-ориентированный характер, а учебные задания в них (разработка мини-проектов, проведение круглых столов, конференций, дискуссий, ролевых игр, разбор проблемных ситуаций и др.) созданы с учетом принципов личностно-ориентированного обучения и направлены на развитие у студентов метакогнитивных навыков [Павлова, Югова 2023].

Рассмотрим задание в одном из упомянутых учебников, иллюстрирующее развитие метакогнитивных навыков у студентов-юристов [Югова, Тросклер, Павлова и др. 2020]. Задание связано с проведением ролевой игры в формате собеседования с клиентами, является итоговым в *Unit 8.5 «Lawyers and Clients»* [Там же: 409–411].

Методическая организация этого раздела учебника выстроена таким образом, чтобы подвести студентов к выполнению задания наиболее эффективным образом: путем выполнения упражнений снимаются лексические и грамматические трудности, далее студенты читают и обсуждают текст и отвечают на вопросы, связанные с профессиональной ролью юриста и этикой, затем знакомятся с отрывками из кодексов профессиональной этики разных стран (*the ABA Model Rules of Professional Conduct, the Barristers' Code of Conduct, the SRA Handbook*), рассматривают кейсы на основе этих кодексов и разрабатывают «преамбулы» со своим видением вопроса профессиональной этики. Далее студенты просматривают видео, в котором обсуждаются навыки, необходимые для собеседования с клиентами, и пошаговый план его проведения. Последующие упражнения предполагают обсуждение полезных рекомендаций для проведения собеседования и, что немаловажно, полезные фразы и клише. Таким образом, когда студенты приступают к заданию по проведению ролевой игры «*Act out an Interview*», в котором им предлагается самим поучаствовать в собеседовании с клиентом, они обладают всем необходимым инструментарием для его осуществления.

При подготовке к ролевой игре значительное внимание уделяется самостоятельной познавательной деятельности студента. Для того чтобы интервью состоялось, студенту-субъекту познавательной деятельности необходимо определить цель работы, сопоставить новое с тем, что уже известно, проанализировать свои ресурсы, свои сильные и слабые стороны, определить приоритетные задачи, сопоставить время и усилия, которые нужно потратить на выполнение этих задач, затем наблюдать за собственными познавательными процессами, проанализировать, сравнить их с познавательными процессами других людей и, наконец, продумать вероятные результаты своей познавательной деятельности и альтернативные пути их достижения. Все перечисленное относится к метакогнитивным действиям, которые следует совершать для успешного выполнения познавательной задачи. В ходе собеседования студентам рекомендуется делать записи, что помогает не только грамотно структурировать диалог, но и детально проанализировать его результат, отследив свой мыслительный процесс.

Для упорядочивания своей познавательной деятельности и контроля за ней используется этап рефлексии. Целесообразно посвящать данному этапу достаточно времени, это позволит осознать свои преимущества, скорректировать недостатки и усовершенствовать свои подходы к познавательной деятельности.

Рефлексия выступает элементом метакогнитивной стратегии контроля и оценки. Этап рефлексии необходим для сознательного рассмотрения своего мышления, понимания собственных стратегий мыслительной деятельности, для упорядочивания и нормализации когнитивного и метакогнитивного процессов. Этот этап позволяет отследить согласованность между целями и результатами деятельности, проанализировать свои успехи и неудачи в выполнении конкретных познавательных задач, осознать новое знание, полученное в результате выполнения этих задач. Для того чтобы организовать этот этап метакогнитивной деятельности, позволяющий студенту активно в нее включиться, необходимо продумать вопросы, на которых стоит сосредоточиться в целях самоанализа, самооценки и дальнейшего самосовершенствования. Предлагаем опорные вопросы для рефлексии на занятиях по иностранному языку: *What*

new information have I learnt on this topic that was previously unknown to me? What was easy for me? What was difficult to learn? Do I now understand it? What were the reasons behind my mistakes in this matter? Where did I succeed? Where did I fail? How can you do things differently next time? Рефлексия в конце занятия может быть коллективной, групповой и индивидуальной. Приведенные выше вопросы можно использовать для всех форм рефлексии.

Метакогнитивные навыки – важнейший инструмент развития профессиональной личности юриста, так как позволяют студентам достичь совершенства самим. Отводя студентам главную роль в обеспечении их собственного интеллектуального роста, метакогнитивный подход опровергает распространенные предположения о том, что академический успех в первую очередь определяется силами,

неподвластными личному контролю человека, такими как врожденный талант или субъективизм преподавателей. Юристы учатся «на протяжении всей жизни», а это означает, что способность к саморазвитию и самообразованию должна рассматриваться как более ценный навык, чем приобретение теоретических знаний или юридических навыков.

Метакогнитивный подход стимулирует студентов сознательно применять строгие, но адекватные способы самооценки для обучения на собственном опыте. Такого рода обучение делает юридический вуз началом, а не концом юридического образования юриста. Кроме того, метапознание имеет особые перспективы для юридического образования, поскольку оно укрепляет основной юридический навык: способность адаптировать сложные, абстрактные принципы к новым контекстам.

Список литературы

DiPippa J. M. A., Peters M. M. The Lawyering Process: An Example of Metacognition at Its Best // *Clinical Law Review*. 2003. № 10. P. 311–322.

Flavell J. Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry // *American Psychologist*. 1979. № 34. P. 906–911.

Lee J. From Socrates to Selfies: Legal Education and the Metacognitive Revolution // *Drexel Law Review*. 2020. № 12. P. 227–286.

Niedwiecki A. Teaching for Lifelong Learning: Improving the Metacognitive Skills of Law Students Through More Effective Formative Assessment Techniques // *Capital University Law Review*. 2012. Vol. 40. № 149. P. 149–193.

Preston Ch. B., Stewart P., Moulding L. Teaching «Thinking Like a Lawyer»: Metacognition and Law Students // *Brigham Young University Law Review*. 2015. Iss. 5. P. 1053–1093.

Riebe D., Schwartz M. H. Pass the Bar! Durham: Carolina Academic Press, 2006. 322 p.

Schultz N. L. How Do Lawyers Really Think? // *Journal of Legal Education*. 1992. Vol. 42. P. 57–73.

Schwartz M. H. Teaching Law Students to Be Self-Regulated Learners // *Michigan State-DCL Law Review*. 2003. Vol. 2. № 447. P. 447–505.

Winarti W., Ambaryani S. E., Putranta H. Improving Learners' Metacognitive Skills with Self-Regulated Learning Based Problem-Solving // *International Journal of Instruction*. 2022. № 15. P. 139–154.

Беленкова Ю. С. Обучение метакогнитивным навыкам и методы оценки их сформированности // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 3-2. С. 20–23.

Данилов А. Н., Безнюк Д. К., Богдевич И. М. и др. Современный социум: новые вызовы и риски // *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022. № 4. С. 12–33. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-4-12-33.

Карнов А. А. Проблема формирования и развития метакогнитивных стратегий в процессе обучения в высших учебных заведениях // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки*. 2018. № 4. С. 92–96.

Мельникова М. Л., Богданчикова Ю. Р. Обоснование методов и методик исследования связи метакогнитивной включенности и обучаемости // *Человеческий капитал как фактор*

социальной безопасности: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16 декабря 2021 г.). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2022. С. 159–168.

Морозов А. В., Жданов С. П., Красавчикова Л. И. и др. Психология профессиональной деятельности адвоката // Психология и право. 2019. № 2. Т. 9. С. 84–94. DOI: 10.17759/psylaw.2019090206.

Павлова С. В., Югова М. А. Дидактические возможности учебника в подготовке студентов к самостоятельной познавательной деятельности // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Психолого-педагогические науки. 2023. Т. 20. № 4. С. 51–62. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2023.4.5>.

Перикова Е. И., Ловягина А. Е., Бызова В. М. Эффективность метакогнитивных стратегий принятия решений в учебной деятельности // Science for Education Today. 2019. Т. 9. № 4. С. 19–35. DOI: 10.15293/2658-6762.1904.02.

Соколова Е. Н. Психолого-педагогические проблемы профессионального становления юриста // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. № 9. С. 95–99.

Фомин А. Е. Теория и практика метакогнитивного обучения // Развитие профессионального мышления: исследовательские подходы и образовательные технологии: коллективная моногр. / под ред. Е. И. Горбачевой. Калуга: Калуж. гос. ун-т им. К. Э. Циолковского, 2015. С. 87–143.

Югова М. А., Павлова С. В. Развитие метакогнитивных навыков на основе учебника иностранного языка // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-4. С. 273–276.

Югова М. А., Тросклер Е. В., Павлова С. В. и др. Английский язык для юристов: учеб. М.: Юрайт, 2020. 471 с.

Мария Анатольевна Югова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: mayugova@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-3274-4042

Светлана Викторовна Павлова – старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: pavlovasveta26@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-8374-5950

Developing Law Students' Metacognitive Skills

The authors describe the main characteristics of professional legal activity and skills necessary for a competent lawyer, and emphasize the importance of metacognitive component of legal education. The concepts of «metacognition», «metacognitive skills», «learner autonomy» are defined. Students achieve learning autonomy by developing metacognitive strategies such as planning, observing, regulating and evaluating their cognitive activity. For this purpose, the paper suggests using an algorithm for managing cognitive process consisting of twelve main stages that clearly correlate with the basic metacognitive strategies. Due to its flexibility this algorithm can be used to solve cognitive problems in academic and professional activities.

The practical relevance of the research lies in providing specific recommendations for the development of law students' metacognitive skills in the context of first-year academic disciplines «Foreign Language» and «Foreign Language in the Field of Jurisprudence». In particular, keeping a «metacognitive» diary, using metacognitive reading strategies and various interactive methods would be beneficial. The authors suggest using a foreign language textbook for lawyers that takes into account competence-based, person-centered and active-learning strategies.

Keywords: *metacognitive skills, legal education, lawyer's professional personality, foreign language, personal development*

Recommended citation

Yugova M. A., Pavlova S. V. Razvitie metakognitivnykh navykov u studentov yuridicheskikh vuzov [Developing Law Students' Metacognitive Skills], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 94–103, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-94-103.

References

Belenkova Yu. S. Obuchenie metakognitivnym navykam i metody otsenki ikh sformirovannosti [Training Metacognitive Skills and Assessment Methods of Their Formation], *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 3-2, pp. 20–23.

Danilov A. N., Beznyuk D. K., Bogdevich I. M. et al. Sovremenniy sotsium: novye vyzovy i riski [Modern Society: New Challenges and Risks], *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya*, 2022, no. 4, pp. 12–33, DOI: 10.33581/2521-6821-2022-4-12-33.

DiPippa J. M. A., Peters M. M. The Lawyering Process: An Example of Metacognition at Its Best, *Clinical Law Review*, 2003, no. 10, pp. 311–322.

Flavell J. Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry, *American Psychologist*, 1979, no. 34, pp. 906–911.

Fomin A. E. *Teoriya i praktika metakognitivnogo obucheniya* [Theory and Practice of Metacognitive Training], Gorbacheva E. I. (ed.) *Razvitie professional'nogo myshleniya: issledovatel'skie podkhody i obrazovatel'nye tekhnologii* [Development of Professional Thinking: Research Approaches and Educational Technologies], Kaluga, Kaluzh. gos. un-t im. K. E. Tsiolkovskogo, 2015, pp. 87–143.

Karpov A. A. Problema formirovaniya i razvitiya metakognitivnykh strategii v protsesse obucheniya v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh [The Problem of Formation and Development of Metacognitive Strategies in the Learning Process in Higher Education Institutions], *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2018, no. 4, pp. 92–96.

Lee J. From Socrates to Selfies: Legal Education and the Metacognitive Revolution, *Drexel Law Review*, 2020, no. 12, pp. 227–286.

Mel'nikova M. L., Bogdanchikova Yu. R. *Obosnovanie metodov i metodik issledovaniya svyazi metakognitivnoi vklyuchennosti i obuchaemosti* [Justification of the Choice of Methods and Methods for Researching the Relationship of Metacognitive Inclusion and Learning], *Chelovecheskii kapital kak faktor sotsial'noi bezopasnosti* [Human Capital as a Factor of Social Security]: conference papers, Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, 2022, pp. 159–168.

Morozov A. V., Zhdanov S. P., Krasavchikova L. I. et al. Psikhologiya professional'noi deyatel'nosti advokata [The Psychology of Advocacy Work], *Psychology and Law*, 2019, no. 2, vol. 9, pp. 84–94, DOI: 10.17759/psylaw.2019090206.

Niedwiecki A. Teaching for Lifelong Learning: Improving the Metacognitive Skills of Law Students Through More Effective Formative Assessment Techniques, *Capital University Law Review*, 2012, vol. 40, no. 149, pp. 149–193.

Pavlova S. V., Yugova M. A. Didakticheskie vozmozhnosti uchebnika v podgotovke studentov k samostoyatel'noi poznavatel'noi deyatel'nosti [Didactic Potential of the Textbook in Preparing Students for Self-Regulated Cognitive Activity], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2023, vol. 20, no. 4, pp. 51–62, DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2023.4.5>.

Perikova E. I., Lovyagina A. E., Byzova V. M. Effektivnost' metakognitivnykh strategii prinyatiya reshenii v uchebnoi deyatel'nosti [Metacognitive Strategies of Decision Making in Educational Activities: Efficiency in Higher Education], *Science for Education Today*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 19–35, DOI: 10.15293/2658-6762.1904.02.

Preston Ch. B., Stewart P., Moulding L. Teaching «Thinking Like a Lawyer»: Metacognition and Law Students, *Brigham Young University Law Review*, 2015, iss. 5, pp. 1053–1093.

- Riebe D., Schwartz M. H. *Pass the Bar!* Durham, Carolina Academic Press, 2006, 322 p.
- Schultz N. L. How Do Lawyers Really Think? *Journal of Legal Education*, 1992, vol. 42, no. 1, pp. 57–73.
- Schwartz M. H. Teaching Law Students to Be Self-Regulated Learners, *Michigan State-DCL Law Review*, 2003, vol. 2, no. 447, pp. 447–505.
- Sokolova E. N. Psikhologo-pedagogicheskie problemy professional'nogo stanovleniya yurista [Psychological and Pedagogical Problems of Professional Formation of a Lawyer], *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, 2008, no. 9, pp. 95–99.
- Winarti W., Ambaryani S. E., Putranta H. Improving Learners' Metacognitive Skills with Self-Regulated Learning Based Problem-Solving, *International Journal of Instruction*, 2022, no. 15, pp. 139–154.
- Yugova M. A., Pavlova S. V. Razvitie metakognitivnykh navykov na osnove uchebnika inostrannogo yazyka [Metacognitive Skills Development backed by a Foreign Language Textbook], *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2023, no. 80-4, pp. 273–276.
- Yugova, M. A., Troskler E. V., Pavlova S. V. et al. *Angliiskii yazyk dlya yuristov* [English for Lawyers], Moscow, Yurait, 2020, 471 p.

Yugova Maria – candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Department of Russian, foreign languages and speech culture, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: mayugova@mail.ru.
ORCID: 0000-0002-3274-4042

Svetlana Pavlova – senior lecturer of the Department of Russian, foreign languages and speech culture, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: pavlovasveta26@yandex.ru.
ORCID: 0000-0002-8374-5950

Дата поступления в редакцию / Received: 19.06.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 29.07.2024

Л. В. Бабушкина, М. С. Саликов, Ю. И. Серкова
Законодательное собрание Свердловской области,
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: 30 ЛЕТ РЕГИОНАЛЬНОМУ ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ В РОССИИ

Статья посвящена истории и современному состоянию представительных органов субъектов Российской Федерации, обращается особое внимание на Законодательное собрание Свердловской области. Существование регионального парламентаризма вытекает из федеративного устройства России и опирается на Конституцию РФ, положения Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», которые разграничивают полномочия между РФ и ее субъектами, а также на конституции (уставы) субъектов Федерации, которые выступают основой для их законодательства.

Отмечается, что в настоящее время законодательная власть регионов сталкивается с рядом проблем. Они вызваны, с одной стороны, доминированием федерального законодательства, которое оставляет очень мало места для законотворческой инициативы регионов, а с другой – слепым копированием регионами положений федерального законодательства даже в тех случаях, когда оно допускает альтернативное регулирование.

В таких условиях законодательной власти Свердловской области удалось создать уникальную, комплексную и разветвленную систему регионального законодательства, которая действительно регулирует широкий спектр общественных отношений начиная с вопросов общественной безопасности и заканчивая социальными гарантиями для жителей.

Ключевые слова: региональный парламентаризм, федерализм, органы субъектов Федерации, конституция (устав) субъекта Федерации, Свердловская область

Для цитирования

Бабушкина Л. В., Саликов М. С., Серкова Ю. И. Законодательная власть субъектов Российской Федерации: 30 лет региональному парламентаризму в России // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 104–120. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-104-120.

УДК 342.53

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-104-120

Итоги регионального парламентаризма в России

Российская Федерация в соответствии с ее Конституцией является федеративным государством. В ч. 4 ст. 5 Конституции Российской Федерации определены основные принципы федеративного устройства Российского государства: государственная целостность, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государ-

ственной власти субъектов Российской Федерации, равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации.

Разграничение предметов ведения и полномочий доминирует в деятельности законодательных органов государственной власти Российской Федерации и законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, поскольку с помощью собственных актов, принимаемых данными органами, осуществляется правовое регулирование наиболее важных для госу-

дарства и общества общественных отношений, определяются основы государственной политики, организация публичной власти в Российской Федерации и ее субъектах, полномочия федеральных и региональных органов государственной власти и многие другие вопросы.

Принцип разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти, будучи одним из ведущих принципов федерализма, тесно связан еще с одним из основополагающих принципов – субсидиарностью. Данный принцип позволяет органам государственной власти, в том числе законодательным органам, принимать законы в тех сферах, где они будут наиболее эффективно реализованы на соответствующем уровне публичной власти (федеральном или региональном).

Названный принцип развивается и конкретизируется в положениях главы 3 Конституции Российской Федерации «Федеративное устройство». В частности, в ней определены предметы исключительного ведения Российской Федерации (ст. 71), предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72) и предметы исключительного ведения субъектов Российской Федерации (ст. 73).

Общие принципы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления предусмотрены в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». В конституциях и уставах субъектов Российской Федерации данные положения конкретизированы. В них определены полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Федерации и субъектов Российской Федерации, а также полномочия региональных органов государственной власти по предметам собственного ведения субъектов Российской Федерации.

Например, глава 3 Устава Свердловской области «Предметы ведения и полномочия Свердловской области» устанавливает правовые основы определения предметов ведения и полномочий Свердловской области (ст. 22), предметы ведения Свердловской

области, полномочия Свердловской области по предметам ее ведения (ст. 23), предметы совместного ведения Российской Федерации и Свердловской области, полномочия Свердловской области по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 24) и другие положения, определяющие особенности распределения компетенции между Российской Федерацией и Свердловской областью.

В силу ч. 2 ст. 76 Конституции Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов принимаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов (ч. 4 ст. 76 Конституции РФ) [см. также: Кокотов 2002].

Безусловно, ключевая роль в распределении компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами принадлежит именно законодательным органам государственной власти субъектов Российской Федерации, которые обладают полномочиями по принятию законов и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, а также по предметам исключительного ведения субъектов Федерации.

Согласно ч. 2 ст. 11 Конституции Российской Федерации государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти. Соответственно во всех субъектах Российской Федерации учреждены законодательные органы государственной власти. Законодательный орган государственной власти субъекта Российской Федерации является представительным, единственным постоянно действующим законодательным органом государственной власти субъекта Российской Федерации (чч. 1, 2 ст. 7 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»).

Ввиду многообразия субъектов в составе Российской Федерации законодательные органы субъектов называются по-разному. В большинстве субъектов Российской Федерации это законодательные собрания (например, в Свердловской, Владимирской, Запорожской, Нижегородской, Тверской областях), народные собрания (например, в Республиках Дагестан, Ингушетия), народные советы (например, в Донецкой и Луганской Народных Республиках), собрания депутатов (например, в Ненецком автономном округе), областные и краевые думы (например, в Курганской, Московской, Тюменской, Херсонской областях, Ставропольском, Хабаровском краях),

Законодательные органы государственной власти субъектов Российской Федерации занимают ключевое место в системе государственного управления

государственные советы (например, в Республиках Адыгея, Крым, Татарстан) и др. В некоторых республиках в наименованиях законодательных органов учитывают национальные и исторические традиции данных республик (например, в Республике Адыгея – Государственный совет – Хасэ, в Республике Алтай – Государственное собрание – Эл Кумуртай, в Республиках Бурятия, Калмыкия – Народный Хурал; в Республике Саха (Якутия) – Государственное собрание (Ил Тумэн, в Республике Тыва – Верховный Хурал и др.).

Законодательные органы государственной власти субъектов Российской Федерации занимают ключевое место в системе государственного управления. Они представляют интересы граждан, обеспечивают разработку и принятие законов, контролируют их исполнение, участвуют в назначении ряда должностных лиц.

Перечень полномочий законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, закрепленный в ст. 8 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и в конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации, не является исчерпывающим [Саликов 2021а]. В связи с этим рассмотрим наиболее важные полномочия законодательных

органов субъектов Российской Федерации: принятие конституций (уставов) субъектов и внесение в них изменений, а также осуществление законодательного регулирования по предметам ведения субъектов Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Сам факт функционирования федеративного государства предполагает наличие правовой системы федерации и правовых систем ее субъектов. Конституция устанавливает базовые положения в этой части: республика (государство) имеют свои конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеют свои устав и законодательство. К примеру, установлено всего два вида учредительных актов субъектов РФ: конституция и устав. Тем не менее и здесь можно проследить разные подходы.

Так, большинство республик именуют свои учредительные акты конституциями. Однако Республика Саха (Якутия) использует двойное наименование – «Конституция (Основной закон)», а Республика Калмыкия – «Степное уложение (Конституция)». Большая часть краев, областей, городов федерального значения, автономных округов называют свои учредительные акты уставами. Однако ряд из них используют двойное наименование – «Устав (Основной закон)». К таким субъектам относятся Алтайский и Ставропольский края, Владимирская, Волгоградская, Калининградская, Кемеровская, Кировская, Магаданская, Омская, Оренбургская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Челябинская области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ.

Кроме того, имеются отличия в порядке их принятия. Если федеральная Конституция не устанавливает порядка принятия республиками конституций, следовательно, они вправе принимать свои конституции любым приемлемым для себя путем (проведение референдума, принятие закона парламентом, специально учрежденным органом и т. д.), то способ принятия уставов остальных субъектов прямо закреплен в Конституции РФ. В силу ч. 2 ст. 66 устав принимается законодательным (представительным) органом соответствующего субъекта РФ. Полагаем,

данное положение противоречит закреплённому в ст. 5 Конституции принципу равноправия субъектов РФ. Что касается законов субъектов РФ, то можно выделить три их вида: конституционные (уставные) законы, обычные законы и кодексы. Конституционные (уставные) законы принимаются не во всех субъектах РФ. К примеру, их принятие предусмотрено конституциями (уставами) ряда субъектов: Республик Алтай, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Тыва, Ингушетия, Калининградской области, Красноярского края. Они обладают более высокой юридической силой по сравнению с другими законами и, как правило, принимаются в ходе более сложной процедуры, чем процедура принятия обычных законов. Конституционные (уставные) законы субъектов РФ принимаются по вопросам, предусмотренным их конституциями (уставами).

Конституция (устав) субъекта Российской Федерации выступает основой всей системы его законодательства, что находит отражение во всех подобных актах в России. В связи с этим просматривается совершенно определённая аналогия с местом Конституции РФ в системе федерального законодательства. Н. В. Витрук отмечает, что «конституции и уставы субъектов РФ находятся в одном ряду с Конституцией РФ и составляют высший уровень (ядро, фундамент) нормативно-правовой системы Российской Федерации и ее субъектов» [Витрук 1999: 32].

Конституция (устав) субъекта Российской Федерации – основной закон субъекта РФ, который обладает высшей юридической силой в системе его законодательства, принимается в установленном федеральной Конституцией порядке, определяет статус субъекта РФ и регламентирует вопросы, отнесенные к его ведению Конституцией Российской Федерации. В отличие от республик, изначально обладавших правом принимать собственные конституции, края, области, города федерального значения и автономии получили право принятия своих уставов относительно недавно. Данные источники включают в себя нормы, регламентирующие правовой статус того или иного субъекта РФ, права, свободы и обязанности граждан, проживающих на соответствующей территории, порядок образования и полномочия региональных государственных органов и органов местного самоуправления

и т. д. И конституции республик, и уставы остальных субъектов, по сути, равнозначные юридические документы учредительного характера, регламентирующие схожие общественные отношения [Саликов 2021b].

Один из основных принципов федерализма – принцип верховенства федерального законодательства над региональным [Карасев, Морозова 2015]. Это в полной мере относится и к конституционному законодательству. Конституции (уставы) субъектов Федерации не могут противоречить федеральной Конституции. Задача конституционного законодателя субъекта РФ состоит в том, чтобы адекватно, т. е. в полном соответствии с федеральной Конституцией, отражать в своем конституционном (уставном) законодательстве собственный государственно-правовой статус субъекта федеративного объединения, не вторгаясь при этом в сферу федерального ведения и полномочий Федерации в сфере совместного ведения.

Обычные законы являются наиболее распространенными источниками в правовых системах субъектов РФ. Кодексы равны по юридической силе с обычными законами, принимаются по той же процедуре, однако представляют собой крупные кодифицированные акты. В качестве примеров можно привести избирательные кодексы Свердловской, Тюменской областей, Москвы, Республики Башкортостан и др.

При реализации законодательной власти возникают проблемы процедурного и содержательного характера. Что касается первого аспекта, то здесь субъекты, к сожалению, зачастую демонстрируют отсутствие самостоятельности. Дело в том, что поскольку на федеральном уровне принимаются какие-то поправки к федеральному законодательству, то субъекты начинают реагировать. Однако реакция должна быть адекватной. Если имеется императивное требование привести региональное законодательство в соответствие с федеральным, то, разумеется, законодатель субъекта обязан произвести необходимые действия. Если федеральный законодатель оставляет регионам альтернативу в выборе, субъекты все равно копируют федеральный вариант. К примеру, в избирательном законодательстве на федеральном уровне в свое время подняли заградительный барьер до 7 %, и практически все субъекты скопирова-

ли это, хотя были вправе оставить имевшийся в тот момент барьер. В таких случаях региональной законодательной власти следует проявлять известную мудрость и принимать более взвешенные решения, учитывая ситуацию на местах.

Часто субъекты Федерации копируют федеральные нормы. Новых институциональных законов, которые в целом регламентируют какой-то институт, какую-то группу отношений, немного. Вносятся большое количество поправок в уже действующие законы, что говорит и о качестве законодательства. В известной мере наблюдается своеобразная презумпция недоверия федерального центра к законодательному процессу на уровне субъектов Федерации. Федеральные законы, якобы устанавливающие общие принципы правового регулирования, например организации органов власти, местного самоуправления, избирательного процесса и др., оставляют очень мало места для регулирования на уровне субъектов Федерации. В связи с этим довольно трудно говорить о полноценной правовой системе субъекта, его законодательство страдает от отсутствия комплексности, полноценности.

Опыт функционирования законодательной власти в Свердловской области

За прошедшие десятилетия в Свердловской области сформирована эффективная система законодательства, обеспечивающая регулирование всех сфер государственной, хозяйственной и социальной жизни области. Создана комплексная нормативно-правовая база, обеспечивающая стабильное региональное развитие, позволяющая оперативно реагировать на новые задачи и вызовы. Законодательство постоянно совершенствуется, меняется в соответствии с современными требованиями, запросами общества.

Анализируя опыт осуществления законодательной власти в Свердловской области, нельзя не отметить тот факт, что именно здесь был принят закон от 10 марта 1999 г. № 4-ОЗ «О правовых актах в Свердловской области» (далее – Закон № 4-ОЗ). Подобного закона до сих пор нет на федеральном уровне.

Данный закон устанавливает общие положения о правовых актах и правотворчестве в Свердловской области, закрепляет систему ее законодательства, регулирует вопросы разграничения правотворческих полномочий

государственных органов Свердловской области, определяет порядок подготовки, внесения, рассмотрения, принятия, опубликования, вступления в силу, действия, толкования, изменения, приостановления действия и признания утратившими силу нормативных правовых актов Свердловской области, а также общие требования к ненормативным (индивидуальным) правовым актам, принимаемым государственными органами Свердловской области. В соответствии с Законом № 4-ОЗ порядок подготовки, одобрения или отклонения и предварительного согласования проектов договоров и соглашений Свердловской области, а также договоров и соглашений государственных органов Свердловской области, порядок заключения, утверждения заключения, вступления в силу, изменения, расторжения, утверждения расторжения и прекращения действия таких договоров и соглашений устанавливаются федеральным и областным законодательством.

Кроме того, в силу указанного закона порядок подготовки, рассмотрения, принятия, опубликования, вступления в силу, действия, реализации, изменения, приостановления действия и признания утратившими силу муниципальных правовых актов, порядок подготовки проектов договоров и соглашений муниципальных образований, а также договоров и соглашений органов местного самоуправления, заключения, вступления в силу, изменения, расторжения и прекращения действия таких договоров и соглашений устанавливаются на основе федерального законодательства уставами муниципальных образований и другими муниципальными правовыми актами, если иное не предусмотрено федеральным законом.

В Законе № 4-ОЗ говорится, что ему не должны противоречить другие законы Свердловской области, регулирующие отдельные вопросы правотворчества. В случае противоречия между ними действует именно закон о правовых актах.

Ниже представлен обзор законов, принятых Законодательным собранием Свердловской области как по предметам совместного ведения Российской Федерации и Свердловской области, так и по предметам исключительного ведения Свердловской области¹.

¹ Авторы благодарят сотрудников Уральского института регионального законодательства за составле-

Законодательство по вопросам государственного устройства и общественной безопасности

Свердловская область стала одним из первых регионов нашей страны, разработавших собственный Устав. Он был рекомендован в качестве модельного закона для других субъектов Российской Федерации. С принятием в 1994 г. Устава в Свердловской области начался процесс государственного строительства, были сформированы система выборных органов народовластия, легитимная система государственных институтов власти.

В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки. В качестве предмета ведения Российской Федерации была закреплена организация публичной власти (п. «г» ч. 1 ст. 71 Конституции РФ); органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления вошли в единую систему публичной власти (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ); были закреплены требования к кандидатам на должности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (ч. 3 ст. 77 Конституции РФ). Кроме того, в 2021 г. был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». В связи с изложенным потребовалось внести большее количество изменений в Устав Свердловской области.

Законодательным собранием Свердловской области был принят закон от 20 декабря 2022 г. № 147-ОЗ «О внесении изменений в Устав Свердловской области». В частности, скорректированы положения, определяющие порядок взаимодействия на территории Свердловской области органов, входящих в единую систему публичной власти в Российской Федерации. Кроме того, проведена корректировка норм, определяющих правовой статус лиц, замещающих государственные должности Свердловской области; организацию системы исполнительных органов государственной власти Свердловской области; порядок принятия, официального опубликования, вступления в силу законов Свердловской области; порядок управления и распоряжения имуществом, находящимся в государственной

ние ежегодных докладов о состоянии законодательства Свердловской области, материалы которых были использованы при подготовке данного обзора.

собственности Свердловской области; полномочия органов государственной власти (закон Свердловской области от 20 декабря 2022 г. № 147-ОЗ).

В 1997 г. региональный парламент принял Избирательный кодекс Свердловской области (областной закон от 5 декабря 1997 г. № 72-ОЗ). В связи со значительными изменениями федерального законодательства в сфере гарантий избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации в 2003 г. была принята новая редакция Избирательного кодекса (закон Свердловской области от 29 апреля 2003 г. № 10-ОЗ).

В 2001 г. был принят закон «О мировых судьях Свердловской области» (закон Свердловской области от 19 февраля 2001 г. № 22-ОЗ), который урегулировал отношения, связанные с обеспечением деятельности института мировых судей.

Свердловская область одной из первых в России создала институты Уполномоченного по правам человека (закон Свердловской области от 18 октября 2010 г. № 72-ОЗ), Уполномоченного по правам ребенка (закон Свердловской области от 15 апреля 2010 г. № 57-ОЗ). За многолетнюю историю они доказали свою результативность и востребованность обществом.

Парламентариями была разработана основа для эффективной борьбы с административными правонарушениями в Свердловской области (закон Свердловской области от 14 июня 2005 г. № 52-ОЗ).

Развитие регионального законодательства позволило создать условия для безопасного проведения публичных мероприятий на территории Свердловской области (закон Свердловской области от 7 декабря 2012 г. № 102-ОЗ), усилить меры по противодействию коррупции (закон Свердловской области от 20 февраля 2009 г. № 2-ОЗ), гарантировать жителям Свердловской области право на получение бесплатной юридической помощи (закон Свердловской области от 5 октября 2012 г. № 79-ОЗ).

Чтобы обеспечить взаимодействие граждан и общественных объединений с государственными органами и органами местного самоуправления, а также осуществление общественного контроля, в 2018 г. была создана Общественная палата Свердловской обла-

сти (закон Свердловской области от 22 марта 2018 г. № 32-ОЗ).

Социальное законодательство

Неизменным приоритетом в деятельности депутатов остается формирование законодательной базы в сфере социальной политики.

Особое внимание уделяется поддержке семей с детьми. В регионе предоставляется областной материнский капитал (закон Свердловской области от 20 октября 2011 г. № 86-ОЗ). Депутатами приняты законы «О защите прав ребенка» (областной закон от 23 октября 1995 г. № 28-ОЗ), «О ежемесячном пособии на ребенка» (закон Свердловской области от 14 декабря 2004 г. № 204-ОЗ), «О социальной поддержке многодетных семей в Свердловской области» (закон Свердловской области от 20 ноября 2009 г. № 100-ОЗ).

Многое делается для повышения доступности образования и медицинской помощи, социальной защиты педагогов и врачей, укрепления престижа этих профессий. Действуют законы Свердловской области от 21 ноября 2012 г. № 91-ОЗ «Об охране здоровья граждан» и от 15 июля 2013 г. № 78-ОЗ «Об образовании в Свердловской области».

Важное направление деятельности регионального парламента – социальная защита населения. Еще в 2007 г. принят закон «Об оказании государственной социальной помощи, материальной помощи и предоставлении социальных гарантий отдельным категориям граждан в Свердловской области» (закон Свердловской области от 29 октября 2007 г. № 126-ОЗ). Малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам предоставляется государственная социальная помощь на основании социального контракта (закон Свердловской области от 29 октября 2007 г. № 126-ОЗ).

За прошедшие годы выработан всесторонний и адресный подход к обеспечению достойного уровня жизни пожилых уральцев, действуют закон Свердловской области от 25 ноября 2004 г. № 190-ОЗ «О социальной поддержке ветеранов» и региональная программа в интересах граждан старшего поколения.

За последние пять лет (2019–2024 гг.) депутаты Законодательного собрания многократно вносили изменения в закон об областном материнском капитале: корректировали условия его предоставления и вво-

дили новые возможности для использования средств (см., например: законы Свердловской области от 2 августа 2019 г. № 68-ОЗ, от 3 марта 2020 г. № 20-ОЗ, от 22 ноября 2022 г. № 135-ОЗ, от 30 июня 2022 г. № 79-ОЗ, от 19 апреля 2022 г. № 42-ОЗ, от 16 ноября 2023 г. № 122-ОЗ).

Существенно был расширен перечень получателей социальных гарантий в связи с газификацией жилья. В него включены медицинские и педагогические работники (закон Свердловской области от 9 июня 2022 г. № 66-ОЗ), инвалиды и участники Великой Отечественной войны, инвалиды и ветераны боевых действий, многодетные семьи (закон Свердловской области от 27 февраля 2023 г. № 12-ОЗ), инвалиды I группы и лица, осуществляющие уход за детьми-инвалидами (закон Свердловской области от 21 декабря 2023 г. № 146-ОЗ).

В настоящее время законодатели особое внимание уделяют социальному обеспечению участников специальной военной операции и их семей. Наши земляки, выполняющие сложные и опасные задачи в интересах страны, заслуживают особого уважения и поддержки. Региональными законами для участников специальной военной операции предусмотрены льготы в сфере газификации (закон Свердловской области от 1 ноября 2023 г. № 100-ОЗ), освобождение от уплаты транспортного налога (закон Свердловской области от 1 ноября 2023 г. № 89-ОЗ) и выплата на приобретение земельного участка (закон Свердловской области от 7 декабря 2023 г. № 130-ОЗ).

Приняты меры, касающиеся обеспечения детей защитников бесплатным питанием в школах, а также питанием, одеждой, обувью и инвентарем в профессиональных образовательных организациях (законы Свердловской области от 26 июля 2022 г. № 95-ОЗ и от 7 июня 2023 г. № 57-ОЗ).

Законодательство по бюджету, финансам и налогам

На Среднем Урале сформирована комплексная нормативно-правовая база в сфере бюджетной, финансовой и налоговой политики.

Был принят областной закон от 25 ноября 1994 г. № 8-ОЗ «О бюджетном процессе в Свердловской области», на основе которого в течение всех последующих лет строилась работа над главным финансовым документом региона – областным бюджетом. Впервые об-

ластной бюджет был утвержден законом в 1995 г. (областной закон от 14 марта 1995 г. № 7-ОЗ), а впервые утвержден на трехлетний период – в 2008 г. (закон Свердловской области от 19 декабря 2008 г. № 119-ОЗ). Важно отметить, что на протяжении десятилетия бюджет Среднего Урала сохраняет социальную направленность.

Законом Свердловской области от 7 декабря 2023 г. № 128-ОЗ «Об областном бюджете на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов» установлены следующие параметры областного бюджета: общий объем доходов – 420,1 млрд руб., общий объем расходов – 438,4 млрд руб., дефицит – 18,3 млрд руб.

Одними из важнейших механизмов поддержки региональной экономики стали предоставление организациям налоговых льгот, обеспечение стабильных условий для ведения предпринимательской деятельности. В перечень ключевых законов в сфере налогов и сборов входят законы о ставке налога на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков (закон Свердловской области от 29 ноября 2002 г. № 42-ОЗ), об установлении и введении в действие транспортного налога (закон Свердловской области от 29 ноября 2002 г. № 43-ОЗ), о налоге на имущество организаций (закон Свердловской области от 27 ноября 2003 г. № 35-ОЗ), об упрощенной системе налогообложения (закон Свердловской области от 15 июня 2009 г. № 31-ОЗ), о патентной системе налогообложения (закон Свердловской области от 21 ноября 2012 г. № 87-ОЗ).

За прошедшие пять лет парламентарии обеспечивали принятие законов об областном бюджете. В целях реализации контрольных полномочий за использованием финансовых ресурсов Свердловской области Законодательное собрание ежегодно рассматривает отчет об исполнении областного бюджета за отчетный финансовый год.

Депутаты продолжили активно работать над совершенствованием налогового законодательства. Приняты законы, расширяющие налоговые преференции по налогу на имущество организаций, налогу на прибыль организаций, транспортному налогу.

По единому сельскохозяйственному налогу на 2019–2024 гг. установлена пониженная налоговая ставка в размере 5 % для всех кате-

горий налогоплательщиков (закон Свердловской области от 6 ноября 2018 г. № 114-ОЗ).

Срок «налоговых каникул» увеличен до 1 января 2025 г. для впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, применяющих патентную или упрощенную систему налогообложения, осуществляющих деятельность в производственной, социальной и (или) научной сферах, а также в сфере бытовых услуг населению и услуг по предоставлению мест временного проживания. Закон Свердловской области от 19 апреля 2022 г. № 27-ОЗ позволит продолжить практику стимулирования начинающих предпринимателей и обеспечения самозанятости населения.

В новой редакции был принят закон «О применении на территории Свердловской области инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль организаций» (закон Свердловской области от 1 ноября 2023 г. № 91-ОЗ). Он предусматривает право налогоплательщика уменьшить суммы налога (авансового платежа) по налогу на прибыль, подлежащие зачислению в областной бюджет, в порядке и на условиях, которые установлены Налоговым кодексом Российской Федерации и законом субъекта Российской Федерации.

Законодательство в сфере промышленной, инновационной политики и предпринимательства

Благодаря принятым за последние 30 лет законам обеспечено стабильное развитие промышленности и инновационного производства, существенно возросла инвестиционная привлекательность региона. Законодательная база Среднего Урала доказала свою эффективность во время экономических кризисов, внешнеполитического и санкционного давления.

В 2001 г. был принят закон «О государственной научно-технической политике Свердловской области» (закон от 2 апреля 2001 г. № 33-ОЗ). В немалой степени росту промышленного производства и техническому перевооружению предприятий способствует привлечение новых инвестиций в экономику. Законом от 30 июня 2006 г. № 43-ОЗ «О государственной поддержке субъектов инвестиционной деятельности в Свердловской области» определены меры государственной поддержки для субъектов инвестиционной деятельности.

В соответствии с законом от 4 февраля 2008 г. № 10-ОЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Свердловской области» реализуются меры финансовой, имущественной, информационной, консультационной, образовательной, иной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Законом от 20 октября 2011 г. № 95-ОЗ «О технопарках в Свердловской области» определена правовая основа предоставления органами государственной власти региона поддержки управляющим компаниям технопарков, базовым организациям технопарков и резидентам технопарков.

В 2015 г. принят закон «Об отдельных вопросах реализации в Свердловской области промышленной политики Российской Федерации» (закон от 23 ноября 2015 г. № 136-ОЗ). Закон установил меры стимулирования, которые могут применяться к субъектам промышленной деятельности, урегулировал вопросы развития кадрового потенциала промышленности, создания государственного фонда развития промышленности Свердловской области, заключения специального инвестиционного контракта.

Чтобы уменьшить риски инвесторов при реализации инвестиционных проектов и улучшить инвестиционную привлекательность Свердловской области, принят закон от 23 мая 2011 г. № 28-ОЗ «Об участии Свердловской области в государственно-частном партнерстве».

В 2019–2024 гг. депутатами Законодательного собрания были внесены изменения в базовые законы, а также приняты новые.

Расширен перечень видов экономической деятельности, входящих в систему приоритетных инвестиционных проектов Свердловской области. В этот перечень включены виды деятельности, входящие в классы «Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги», «Деятельность в области информационных технологий» и «Научные исследования и разработки» (закон Свердловской области от 27 апреля 2019 г. № 32-ОЗ), а также входящие в группу «Деятельность вспомогательная прочая, связанная с перевозками» (закон Свердловской области от 16 ноября 2023 г. № 117-ОЗ).

Принят закон Свердловской области от 10 декабря 2020 г. № 140-ОЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Свердловской области», который регулирует отдельные отношения, возникающие в связи с осуществлением в Свердловской области инвестиций на основании соглашений о защите и поощрении капиталовложений.

Законодатели продолжили работу по обеспечению поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП). Были приняты изменения, устанавливающие преимущественное право субъектов МСП на приобретение арендуемого ими движимого имущества, находящегося в областной или муниципальной собственности (закон Свердловской области от 27 февраля 2023 г. № 8-ОЗ).

Поддержка агропромышленного комплекса и законодательство в сфере земельных отношений

В 2008 г. принят региональный закон о государственной поддержке юридических и физических лиц, осуществляющих производство, переработку и закупку сельскохозяйственной продукции (закон Свердловской области от 4 февраля 2008 г. № 7-ОЗ). Он регламентирует порядок передачи в безвозмездное пользование казенного имущества региона, порядок предоставления государственных гарантий и субсидий из областного бюджета.

Свердловская область стала одним из первых субъектов Российской Федерации, принявших региональный закон о продовольственной безопасности (закон Свердловской области от 31 января 2012 г. № 6-ОЗ). Норма закона о том, что объем господдержки для сельхозпроизводителей в очередном финансовом году не может быть уменьшен по сравнению с текущим годом, имеет большое значение для аграриев.

Большое внимание уделяется обеспечению эффективного использования и охране земель. Основополагающим является закон от 7 июля 2004 г. № 18-ОЗ «Об особенностях регулирования земельных отношений на территории Свердловской области». Он регламентирует отношения по использованию и охране земель как основы жизни и деятельности населения, проживающего на территории региона, в том числе устанавливает особенности приобретения земельных участков в государственную собственность

Свердловской области, их использования и отчуждения.

В 2019–2024 гг. депутаты неоднократно уточняли перечень объектов и масштабных инвестиционных проектов, для размещения и реализации которых земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, может предоставляться в соответствии с распоряжением губернатора Свердловской области в аренду без проведения торгов. Так, в 2023 г. была предусмотрена возможность предоставления земельных участков в аренду без проведения торгов для реализации инвестиционного проекта, предполагающего строительство в единых границах (микрорайоне) с промышленным парком объектов жилой, социальной, инженерной, транспортной инфраструктуры с объемом капитальных вложений не менее 20 млрд руб. (закон Свердловской области от 31 марта 2023 г. № 19-ОЗ).

Региональная политика и развитие местного самоуправления

Устав Свердловской области и областной закон от 13 апреля 1995 г. № 12-ОЗ «О местном самоуправлении в Свердловской области» определили возможность на прочной правовой основе реформировать систему местного самоуправления. В законе изложены основные принципы организации местного самоуправления на территории области, урегулированы вопросы местного значения.

Депутаты совершенствуют административно-территориальное устройство Свердловской области в соответствии с современными требованиями по рациональному использованию территории. Закреплено фактическое, исторически сложившееся административно-территориальное устройство нашего региона, утвержден перечень административно-территориальных единиц области (закон Свердловской области от 13 апреля 2017 г. № 34-ОЗ).

В 2018 г. внесены изменения в закон Свердловской области «Об избрании органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области», которыми изменен порядок избрания глав муниципальных образований «город Екатеринбург» (закон Свердловской области от 4 апреля 2018 г. № 45-ОЗ) и «город Нижний Тагил» (закон Свердловской области от 5 июня 2018 г. № 57-ОЗ).

В 2019–2024 гг. депутатами Законодательного собрания был принят ряд законов, регулирующих вопросы административно-территориального устройства Свердловской области. Так, закон от 2 августа 2019 г. № 69-ОЗ «О границах административно-территориальных единиц Свердловской области» определяет границу каждой административно-территориальной единицы Среднего Урала и закрепляет описание этой границы, чтобы обеспечить упорядоченное осуществление на территории региона полномочий федеральных государственных органов и государственных органов Свердловской области.

Принят закон Свердловской области от 25 декабря 2019 г. № 141-ОЗ «О создании административно-территориальной единицы Свердловской области – района города Екатеринбурга с предполагаемым наименованием Академический», ставший основой для создания нового района в Екатеринбурге.

В 2022 г. законом Свердловской области от 20 декабря 2022 г. № 162-ОЗ «О перераспределении полномочия по утверждению генерального плана муниципального образования „город Екатеринбург“ между органами местного самоуправления муниципального образования „город Екатеринбург“ и органами государственной власти Свердловской области» полномочие по утверждению генерального плана муниципального образования «город Екатеринбург» на срок до шести лет отдано органам государственной власти Свердловской области.

Развитие инфраструктуры и жилищной политики

За прошедшие три десятилетия на Среднем Урале приняты системные меры по повышению доступности жилья для населения с разным уровнем дохода, обеспечению жильем граждан отдельных категорий и расселению граждан из аварийного жилья.

Особое внимание уделяется защите граждан, пострадавших от деятельности недобросовестных застройщиков жилья. Принят закон Свердловской области от 24 июня 2011 г. № 50-ОЗ «О поддержке граждан, пострадавших от деятельности юридических лиц по привлечению денежных средств граждан, связанному с возникновением у граждан права собственности на жилые помещения в многоквартирных домах».

С целью развития жилищно-коммунального хозяйства принят закон Свердловской области от 19 декабря 2013 г. № 127-ОЗ «Об обеспечении проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах на территории Свердловской области».

С целью регулирования отношений, связанных с организацией на территории Свердловской области транспортного обслуживания населения автомобильным, железнодорожным, водным и воздушным транспортом, обеспечения безопасности регулярных пассажирских перевозок принят закон Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 160-ОЗ «Об организации транспортного обслуживания населения на территории Свердловской области».

Законом Свердловской области от 21 декабря 2018 г. № 162-ОЗ «Об организации дорожного движения в Свердловской области» регулируются общественные отношения, возникающие в процессе организации дорожного движения в Свердловской области, разработка и реализация региональной политики в сфере организации дорожного движения на территории Свердловской области.

В 2021 г. был принят закон Свердловской области от 19 марта 2021 г. № 19-ОЗ «О регулировании отдельных отношений в сфере комплексного развития территорий в Свердловской области». Он устанавливает полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления нашего региона в сфере комплексного развития территорий, а также регулирует вопросы обеспечения жилищных прав граждан при осуществлении комплексного развития территории жилой застройки и предоставления льгот и мер государственной поддержки лицам, с которыми заключены договоры о комплексном развитии территории.

В 2023 г. принят закон Свердловской области от 21 декабря 2023 г. № 143-ОЗ «Об особенностях утверждения в отдельных муниципальных образованиях, расположенных на территории Свердловской области, местных нормативов градостроительного проектирования и правил землепользования и застройки». Предусмотрено, что местные нормативы градостроительного проектирования и правила землепользования и застройки в трех муниципальных образованиях утверждаются местной администрацией соответствующего муниципального образования.

Отраслевое законодательство позволило значительно увеличить темпы жилищного строительства, обеспечить развитие строительной отрасли и рост суммарного грузооборота в регионе.

Законодательство о государственных наградах и почетных званиях в Свердловской области

В 1999 г. принят закон Свердловской области от 19 апреля 1999 г. № 5-ОЗ «О наградах, почетных званиях Свердловской области и наградах высших органов государственной власти Свердловской области».

Приняты законы Свердловской области от 15 июля 2005 г. № 91-ОЗ «О почетном звании Свердловской области „Почетный гражданин Свердловской области“», от 23 декабря 2005 г. № 123-ОЗ «О знаке отличия Свердловской области „За заслуги перед Свердловской областью“», от 30 июня 2006 г. № 38-ОЗ «О знаке отличия „Материнская доблесть“», от 23 декабря 2010 г. № 111-ОЗ «О знаке отличия „Совет да любовь“», от 23 декабря 2010 г. № 104-ОЗ «О ветеранах труда Свердловской области», от 9 ноября 2011 г. № 110-ОЗ «О знаке отличия Свердловской области „За заслуги в ветеранском движении“», от 14 июля 2022 г. № 84-ОЗ «О почетном звании Свердловской области „Заслуженный учитель Свердловской области“», от 19 апреля 2023 г. № 33-ОЗ «О знаке отличия Свердловской области „Трудовая доблесть Урала“».

Кроме того, региональным парламентом утвержден Почетный знак Законодательного собрания Свердловской области «За заслуги в волонтерской деятельности» (постановление Законодательного собрания Свердловской области от 20 апреля 2021 г. № 3134-ПЗС) как форма поощрения граждан нашей страны, иностранных граждан, лиц без гражданства независимо от места их проживания за заслуги в волонтерской деятельности, осуществляемой на территории Среднего Урала.

Молодежная политика, развитие физической культуры, спорта и туризма

Созданная за прошедшие тридцать лет законодательная база стала надежной основой популяризации здорового образа жизни, усиления позиций уральского спорта. Закон Свердловской области от 16 июля 2012 г. № 70-ОЗ «О физической культуре и спорте в Свердловской области» позволил улучшить финансирование физической культуры

и спорта на Среднем Урале, ввести новые меры государственной и социальной поддержки спортсменов и тренеров, структурировать участие молодых спортсменов Свердловской области как в массовых спортивных мероприятиях, так и в спорте высших достижений.

Благодаря принятию закона «О молодежи в Свердловской области» (закон Свердловской области от 29 октября 2013 г. № 113-ОЗ) созданы правовые условия для реализации и продвижения молодежных проектов и инициатив в сфере науки, предпринимательства, развития гражданского общества. В Свердловской области он был принят одним из первых в нашей стране и позволил значительно усилить интеграцию молодежи в систему общественных отношений.

Закон Свердловской области от 11 февраля 2016 г. № 11-ОЗ «О патриотическом воспитании граждан Свердловской области» содействует вовлечению уральцев в волонтерскую деятельность, позволяет оказывать значительную поддержку добровольцам и некоммерческим организациям.

Закон Свердловской области от 31 декабря 1999 г. № 51-ОЗ «О туризме и туристской деятельности в Свердловской области» эффективно регламентирует деятельность в сфере туризма, предусматривает ее государственную поддержку в целях развития отрасли в регионе. Осенью 2021 г. было введено понятие «сельский туризм», развитие которого относится к приоритетным направлениям государственного регулирования туристской деятельности (закон Свердловской области от 17 ноября 2021 г. № 97-ОЗ).

Также неоднократно дополнялся перечень видов соревнований, достижение высоких спортивных результатов на которых дает право на получение денежного вознаграждения. В 2020 г. в него были включены Спартакиады России (закон Свердловской области от 23 июля 2020 г. № 80-ОЗ), в 2023 г. – международные и всероссийские спортивные соревнования (закон Свердловской области от 19 апреля 2023 г. № 30-ОЗ).

Законодательство в сфере экологии и защиты окружающей среды

За прошедшие 30 лет региональным парламентом сформировано законодательство в сфере охраны окружающей среды, охраны и использования объектов животного мира, пользования и распоряжения недрами и дру-

гими природными ресурсами, сохранения особо охраняемых природных территорий.

С 2006 г. действует закон Свердловской области от 20 марта 2006 г. № 12-ОЗ «Об охране окружающей среды на территории Свердловской области», регулирующий, в частности, отношения, связанные с формированием и реализацией государственных программ Свердловской области, осуществлением государственного экологического мониторинга. Одной из наиболее значимых новаций в данной сфере стала возможность направлять экологические платежи, к которым отнесены плата за негативное воздействие на окружающую среду, штрафы за административные правонарушения в экологической сфере, платежи в счет возмещения вреда, причиненного окружающей среде, на выявление, оценку и ликвидацию объектов накопленного вреда окружающей среде (закон Свердловской области от 19 апреля 2022 г. № 46-ОЗ).

Ключевым элементом экологического законодательства региона стал областной закон от 19 декабря 1997 г. № 77-ОЗ «Об отходах производства и потребления». Он предусматривает предоставление мер государственной поддержки для производителей, применяющих технологии переработки вторичного сырья. Также законом регламентировано применение льготных тарифов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами.

Согласно закону Свердловской области от 21 ноября 2005 г. № 105-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях областного и местного значения в Свердловской области» на Среднем Урале ведется работа по сохранению особо охраняемых природных территорий, которые являются уникальной площадкой для развития экологического туризма, эковолонтерства, проведения командообразующих, массовых, спортивно-оздоровительных мероприятий. Вокруг промышленных городов области – Екатеринбурга, Верхней Пышмы, Сухого Лога, Первоуральска и Полевского – создаются лесопарковые зеленые пояса.

В регионе на высоком уровне обеспечивается реализация мероприятий по экологическому образованию и воспитанию, повышению экологической культуры населения и экологическому просвещению.

Реализация мероприятий в рамках принятого в сфере экологии законодательства по-

зволяет сохранять природные богатства Среднего Урала, чистоту атмосферного воздуха и водных ресурсов, сберечь леса и рационально использовать полезные ископаемые.

В регионе сформирована эффективная правовая база по вопросам пользования участками недр местного значения (закон Свердловской области от 24 апреля 2009 г. № 25-ОЗ). За прошедшие пять лет депутатами были скорректированы основные понятия, используемые в законе «Об особенностях пользования участками недр местного значения в Свердловской области», полномочия органов государственной власти в данной сфере (законы Свердловской области от 25 марта 2020 г. № 25-ОЗ, от 3 июля 2020 г. № 66-ОЗ, от 2 марта 2022 г. № 17-ОЗ, от 30 сентября 2022 г. № 113-ОЗ, от 2 августа 2023 г. № 84-ОЗ).

Депутатами Законодательного собрания Свердловской области были сформированы необходимые правовые условия для перехода региона с 1 января 2019 г. на новую систему обращения с твердыми коммунальными отходами (законы Свердловской области от 1 ноября 2019 г. № 72-ОЗ, от 3 марта 2020 г. № 4-ОЗ). Предусмотрено предоставление мер государственной поддержки для производителей, применяющих технологии переработки вторичного сырья (закон Свердловской области от 22 ноября 2022 г. № 136-ОЗ), регламентировано применение льготных тарифов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (закон Свердловской области от 16 ноября 2023 г. № 126-ОЗ).

Таким образом, за прошедшие десятилетия депутатами Законодательного собрания Свердловской области проделана колоссальная работа по разработке и принятию областных законов и иных нормативных правовых актов, которые позволяют эффективно реализовывать государственную политику, реагировать на глобальные вызовы и угрозы, всесторонне защищать права и свободы граждан, проживающих в Свердловской области.

Массив законодательных актов, прежде всего Устав Свердловской области, принятый в результате активной деятельности Законодательного собрания Свердловской области, выступает реальным регулятором общественных отношений и служит мощной опорой

для государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций и предприятий, всех жителей Свердловской области. Наше законодательство будет и впредь совершенствоваться в ответ на новые вызовы времени.

О законодательном органе государственной власти Свердловской области в 1994–2024 гг.

10 апреля 1994 г. на Среднем Урале прошли первые выборы в областную Думу – региональный парламент. Областная Дума – первый законодательный орган государственной власти Свердловской области после конституционной реформы 1993 г., заменивший Свердловский областной Совет народных депутатов.

Выборы депутатов прошли в семи четырехмандатных избирательных округах по мажоритарной системе. Границы этих округов соответствовали границам одномандатных избирательных округов по выборам депутатов Государственной Думы в 1993 г. В выборах могли участвовать кандидаты, выдвинутые как группами избирателей, так и общественными объединениями.

В 1994 г. областной парламент был однопалатным и состоял из 28 депутатов, из них на профессиональной основе работали всего шестеро. Председателем областной Думы был избран Э. Э. Россель. После его победы на выборах губернатора Свердловской области (август 1995 г.) председателем Свердловской областной Думы стал В. С. Сурганов.

Депутаты Свердловской областной Думы с первых дней своей работы приступили к разработке Устава. В принятом 25 ноября 1994 г. Уставе Свердловской области был закреплён принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, разработана система сдержек и противовесов между ветвями власти, определена двухпалатная структура законодательного органа области: областная Дума и Палата представителей.

Новые принципы формирования законодательного органа в Свердловской области были определены областным законом «О выборах депутатов Законодательного собрания Свердловской области», принятым в начале 1995 г. В соответствии с этим законом областная Дума состояла из 28 депутатов, из-

бираемых сроком на четыре года на основе пропорционального представительства участвующих в выборах избирательных объединений по общеобластному избирательному округу. Каждые два года половина депутатов должна была переизбираться. Все 28 депутатов должны были работать на постоянной основе. Палата представителей формировалась на основе мажоритарной системы относительного большинства по одномандатным избирательным округам, образуемым на территории Свердловской области, и состояла из 21 депутата, избираемого сроком на два года.

Создание двухпалатного Законодательного собрания позволило более полно представить в законодательном органе интересы разных политических партий, общественных организаций и движений, органов местного самоуправления, групп граждан, а также повысить качество принимаемых законов, которые уточнялись и корректировались депутатами Палаты представителей с точки зрения потребностей территорий и возможностей реализации этих законов.

Выборы в Законодательное собрание Свердловской области прошли 14 апреля 1996 г. Это был первый двухпалатный законодательный орган в субъектах Российской Федерации. Были созданы областная Дума (28 депутатов) и Палата представителей (21 депутат). К формированию парламента были допущены политические партии, общественные объединения и их блоки.

Председателем областной Думы был избран В. С. Сурганов, председателем Палаты представителей – А. Ю. Шапошников.

В соответствии с принятым Уставом областная Дума получила право принимать законы и передавать их для одобрения в Палату представителей, давать согласие на назначение и освобождение председателя Правительства Свердловской области, решать вопрос о доверии Правительству Свердловской области, согласовывать назначение прокурора Свердловской области, избирать по представлению губернатора судей Уставного суда Свердловской области.

В компетенцию Палаты представителей входило одобрение законов, принятых областной Dumой, принятие постановлений об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации по вопросам, относящимся к ведению Законодательного собрания, назначение выборов губернатора Свердловской

области и отрешение губернатора от должности, принятие решений о проведении областного референдума, назначение выборов в органы местного самоуправления и иные полномочия в соответствии с Уставом Свердловской области.

На основании областного закона «О внесении изменений и дополнений в статьи 32 и 34 Устава Свердловской области», принятого 22 апреля 1999 г., срок полномочий депутатов областной Думы и Палаты представителей был увеличен с двух до четырех лет.

В 2010 г. областной Dumой разработан и принят новый Устав Свердловской области, тем самым внесены существенные изменения в положение высшего законодательного (представительного) органа государственной власти Свердловской области. Был закреплен переход Законодательного собрания к однопалатной структуре. Выборы 50 его депутатов должны проводиться по смешанной системе. При этом часть депутатов избирается по пропорциональной системе (по партийным спискам), часть – по мажоритарной системе (по одномандатным округам). Устав также закрепил общий принцип: депутаты осуществляют депутатскую деятельность на профессиональной постоянной основе или без отрыва от основной деятельности.

Важными изменениями в деятельности Законодательного собрания стали и отмена ротации, а также закрепление кворума, который должен составлять 50 % и один голос от общего числа депутатов. Отменены предусматривавшиеся прежним Уставом довыборы половины состава депутатов каждые два года, а сами выборы теперь должны проводиться раз в пять лет.

В мае 2011 г. в новый Устав Свердловской области внесены изменения, в соответствии с которыми появилась возможность принять решение о совмещении очередных выборов в Законодательное собрание Свердловской области с выборами в Государственную Dumу в декабре 2011 г.

4 декабря 2011 г. состоялись досрочные выборы депутатов однопалатного Законодательного собрания Свердловской области. Избрано 50 депутатов: 25 депутатов по спискам политических партий и 25 депутатов по одномандатным избирательным округам. Председателем Законодательного собрания Свердловской области избрана Л. В. Бабушкина.

Новая структура областного парламента дала возможность в условиях современной стабильной политической ситуации быстрыми темпами развивать экономику региона, в сжатые сроки принимать законы, направленные, в частности, на ее модернизацию, развитие всех отраслей.

Были преодолены все трудности, связанные с переходным периодом формирования нового законодательного органа. Созыв нового однопалатного Законодательного собрания фактически сразу же и оперативно вклю-

чился в работу и показал себя эффективным органом власти.

18 сентября 2016 г. прошли выборы в Законодательное собрание Свердловской области. Председателем Законодательного собрания Свердловской области избрана Л. В. Бабушкина.

Выборы депутатов действующего созыва Законодательного собрания Свердловской области состоялись с 17 по 19 сентября 2021 г. Председателем Законодательного собрания вновь избрана Л. В. Бабушкина.

Список литературы

Витрук Н. В. Проверка конституций и уставов субъектов РФ на соответствие Конституции РФ в практике Конституционного Суда РФ: опыт и проблемы // Конституционное законодательство субъектов РФ: проблемы совершенствования и использования в преподавании / под ред. С. А. Авакьяна. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1999. С. 30–36.

Карасев А. Т., Морозова А. С. Проблемы совершенствования федеративных отношений в России: закономерности и отклонения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 27–31.

Кокотов А. Н. Разграничение и согласование полномочий Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и их органов государственной власти // Журнал российского права. 2002. № 8. С. 27–33.

Саликов М. С. Место и роль региональных учредительных актов в правовой системе: эволюция и современное состояние // Учредительные нормы и учредительные акты в публичном праве / отв. ред. О. А. Заячковский. Калининград: Балт. фед. ун-т им. Иммануила Канта, 2021b. С. 4–19.

Саликов М. С. Трансформация законодательного регулирования организации публичной власти в субъектах Российской Федерации (есть ли место федерализму?) // Вестник Сургутского государственного университета. 2021a. № 4. С. 96–104.

Людмила Валентиновна Бабушкина – председатель Законодательного собрания Свердловской области, почетный профессор Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620031, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Бориса Ельцина, д. 10. E-mail: babushkina@zssso.ru.

Марат Сабирьянович Саликов – заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: salikov.marat@list.ru.

ORCID: 0000-0003-2461-9484

Юлия Игоревна Серкова – старший преподаватель кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: kp@usla.ru.

ORCID: 0009-0009-6530-8376

Legislative Power of the Subjects of the Russian Federation: Thirty Years of Regional Parliamentarism in Russia

This article is devoted to the history and current state of the representative bodies of the subjects of the Russian Federation. Special attention is paid to the Legislative Assembly of the Sverdlovsk region. The existence of regional parliamentarism follows from the federal structure of Russia and

is based on the Constitution of the Russian Federation, the rules of Federal Law «On General Principles of Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation», which regulate the division of powers between the Russian Federation and its subjects, as well as on the constitutions (charters) of the subjects of the Federation, which are the basis for their legislation.

It is noted that the regional legislative power is facing a number of problems. They are caused, on the one hand, by the dominance of federal legislation, which leaves very little room for regional legislative initiative, and on the other hand, by blind copying of the federal rules by the regions even in cases when alternative regulation is allowed.

In such conditions, the legislative power of the Sverdlovsk region managed to create a unique, complex and extensive system of regional legislation, which really regulates a wide range of public relations, starting with issues of public safety and ending with social guarantees for residents.

Keywords: regional parliamentarism, federalism, bodies of the subjects of the Federation, constitution (charter) of the subject of the Federation, Sverdlovsk region

Recommended citation

Babushkina L. V., Salikov M. S., Serkova Yu. I. Zakonodatel'naya vlast' sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: 30 let regional'nomu parlamentarizmu v Rossii [Legislative Power of the Subjects of the Russian Federation: Thirty Years of Regional Parliamentarism in Russia], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 104–120, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-104-120.

References

Karasev A. T., Morozova A. S. Problemy sovershenstvovaniya federativnykh otnoshenii v Rossii: zakonomernosti i otkloneniya [Problems of Improving Federal Relations in Russia: Patterns and Deviations], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2015, no. 10, pp. 27–31.

Kokotov A. N. Razgranichenie i soglasovanie polnomochii Rossiiskoi Federatsii, sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i ikh organov gosudarstvennoi vlasti [Delimitation and Coordination of Powers of the Russian Federation, Subjects of the Russian Federation and Their State Authorities], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2002, no. 8, pp. 27–33.

Salikov M. S. Mesto i rol' regional'nykh uchreditel'nykh aktov v pravovoi sisteme: ehvolyutsiya i sovremennoe sostoyanie [The Place and Role of Regional Constituent Acts in the Legal System: Evolution and Current State], Zayachkovskii O. A. (ed.) *Uchreditel'nye normy i uchreditel'nye akty v publichnom prave* [Constituent Norms and Constituent Acts in Public Law], Kaliningrad, Balt. fed. un-t im. Immanuila Kanta, 2021b, pp. 4–19.

Salikov M. S. Transformatsiya zakonodatel'nogo regulirovaniya organizatsii publichnoi vlasti v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii (est' li mesto federalizmu?) [Transformation of Legislative Regulation of the Organization of Public Authority in the Subjects of the Russian Federation (Is There a Place for Federalism?)], *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021a, no. 4, pp. 96–104.

Vitruk N. V. Proverka konstitutsii i ustavov sub"ektov RF na sootvetstvie Konstitutsii RF v praktike Konstitutsionnogo Suda RF: opyt i problemy [Verification of Constitutions and Charters of Subjects of the Russian Federation for Compliance with the Constitution of the Russian Federation in the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation: Experience and Problems], Avak'yan S. A. (ed.) *Konstitutsionnoe zakonodatel'stvo sub"ektov RF: problemy sovershenstvovaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii* [Constitutional Legislation of the Subjects of the Russian Federation: Problems of Improvement and Use in Teaching], Moscow, Izd-vo Moskov. un-ta, 1999, pp. 30–36.

Lyudmila Babushkina – chairman of the Legislative Assembly of the Sverdlovsk region, honorary professor of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.. 620031, Russian Federation, Ekaterinburg, Boris Yeltsin str., 10. E-mail: babushkina@zssu.ru.

Marat Salikov – doctor of juridical sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation, head of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: salikov.marat@list.ru.

ORCID: 0000-0003-2461-9484

Yulia Serkova – senior lecturer of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: kp@usla.ru.

ORCID: 0009-0009-6530-8376

Дата поступления в редакцию / Received: 29.07.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 30.08.2024

Подписано в печать 01.10.2024. Формат 60×84/8.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 13,22.

Тираж 100 экз. Заказ №

Дата выхода в свет 15.10.2024.

Цена свободная

16+

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Отпечатано в ООО «ПРИНТ».
426035, Ижевск, ул. Тимирязева, д. 5, оф. 5
